

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫК КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД НАЦИИ

Ответственные редакторы проф. А. В. Зеленичиков,
проф. Е. Г. Хомякова

УДК 811.111

ББК 81.2

Я41

Авторы: А. И. Варшавская (гл. I); Е. И. Варгина (гл. II); Н. В. Гусарова (гл. III); О. В. Емельянова (гл. IV); Е. В. Иванова (гл. V); А. В. Кожокина (гл. VI); Н. О. Магнес (гл. VII); Н. Б. Мальцева (гл. VIII); Э. И. Мячинская (гл. IX); Т. И. Петухова (гл. X); И. В. Толочин (гл. XI); Т. И. Третьякова (гл. XII); Е. В. Троценкова (гл. XIII)

Рецензенты: д-р филол. наук проф. Е. П. Иванова (С.-Петербург. гос. ун-т); канд. филол. наук, доц. Е. В. Родионова

Ответственные редакторы: проф. А. В. Зеленщиков, проф. Е. Г. Хомякова

Координатор проекта Е. Г. Хомякова

Печатается по постановлению

*Редакционно-издательского совета филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета*

Язык как культурный код нации / отв. ред. А. В. Зеленщиков,

Я41 Е. Г. Хомякова. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. — 264 с.

ISBN 978-5-288-05539-3

Представленная книга — труд коллектива авторов по диахроническим и синхроническим исследованиям английского языка, цель которого — лексико-семантический, прагма-коммуникативный, когнитивно-семантический анализ англоязычных текстов различных жанров, направленный на выявление механизмов и закономерностей формирования лингвокультурологической составляющей англоязычной картины мира. Внимание авторов сконцентрировано на изучении закономерностей репрезентации в моно- и полилогических образованиях на уровне слова, предложения, текста и дискурса таких актуальных для современной лингвистической парадигмы категорий, как стереотип, концепт, картина мира, а также понятий «культурная ценность», «речевой этикет», «политкорректность», «оценка», «лесть» и «похвала», с учетом последних достижений отечественных и зарубежных лингвистов, когнитологов, психо- и социолингвистов, лингвокультурологов, этнолингвистов и литературоведов.

Предназначена лицам, профессионально занимающимся проблемами лингвокультурологии, лингвистики, философии языка, а также студентам старших курсов, магистрантам, аспирантам, преподавателям, специалистам-германистам.

ББК 81.2

© Коллектив авторов, 2014

© С.-Петербургский государственный университет, 2014

ISBN 978-5-288-05539-3

ВВЕДЕНИЕ

Одним из важнейших этапов антропоориентированных исследований языка стало его изучение в русле прагмалингвистики, когда научное сознание социума, преодолев ограниченность структурно-формализованных подходов, пришло к пониманию роли в процессе речемыслительной и когнитивно-познавательной деятельности интерпретатора знаковых систем, человека говорящего и познающего (Хомякова 2002). Известно, что в общей теории знаков, которая заложила основы изучения культурно-языковых систем, свое исчерпывающее описание язык получает при учете трех измерений: содержательного (смыслового), формального (структурного) и функционального (прагматического). Представляя собой основные параметры измерения информационного пространства знакового объекта, содержание, структура и функция не только задают формирование основных парадигм исследования языка, но и определяют область его существования (Степанов 1998: 175–176).

Семиотика, в которой язык рассматривается как знаковая система, отображающая и конструирующая мир, выделяет и изучает детерминирующие параметры развития и существования языка как кодово-знаковой системы, а человека как этнокультурного транслятора, носителя и пользователя этой системы. В теории знаков язык, кумулирующий и транслирующий информацию в когнитивно-культурном пространстве национально-детерминированного социума, приобретает функцию кода как системы конвенциональных обозначений в генеративно-интерпретационном процессе разных уровней речевого взаимодействия. В качестве знаковой системы язык как культурный код нации обеспечивает жизнеспо-

собность культуры, ее формирование и функционирование, выступает гарантом существования и сохранения ее национальной специфики, способствует становлению языкового сознания исторически сложившейся общности людей на базе их этноязыковой и национально-культурной идентичности.

В этом плане нельзя переоценить, насколько современно звучат сегодня положения теории лингвистической относительности Сепира—Уорфа, суть которой сводится к тому, что не реальность определяет язык, на котором о ней говорят, а язык всякий раз по-новому членит реальность. То есть картина мира человека в значительной степени определяется системой языка, на котором он говорит, а языковые категории служат не инструментом для передачи мыслей говорящего, а средством формирования его идей и управления его речемыслительной деятельностью. Язык как код при таком подходе выступает не столько зеркалом души народа, сколько зеркалом культуры, своеобразие которой он моделирует.

Таким образом, можно предположить, что исследование языковых категорий и процессов, происходящих в языке на любом из его уровней без учета его национально-культурной детерминированности, социально этнической и геополитической обусловленности, нельзя считать достаточно достоверным и репрезентативным. Эти положения во многом определили теоретическую и интерпретационную базу исследований, результаты которых вошли в монографию «Язык как культурный код нации», представляющую собой очередной этап создания на кафедре английской филологии и лингвокультурологии работ по диахроническим и синхроническим исследованиям английского языка. Их цель — полиаспектный анализ англоязычных текстов различных жанров, направленный на выявление механизмов формирования лингвокультурологической составляющей англоязычной картины мира и системного описания языковых репрезентантов культурного кода нации.

В соответствии с основными направлениями, определяющими трехаспектность лингвистических исследований, изучение языковой объективации лингвокультурных реалий на материале английского языка проводилось в работе с учетом лексико-семантического, семантико-синтаксического и когнитивно-коммуникативного подходов. Значительное внимание авторы монографии сконцент-

рировали на изучении своеобразия репрезентации на уровне слова, предложения, текста и дискурса таких актуальных для современной англистики категорий, как, например, «стереотип», «концепт», «картина мира», «оценка», а также понятий «культурная ценность», «речевой этикет», «политкорректность» с учетом последних достижений отечественных и зарубежных ученых.

Как показали результаты проведенных исследований, язык, погруженный в культуру, язык как код нации, можно эффективно изучать только на основе междисциплинарного подхода, с учетом теоретических положений и методов анализа, которые свидетельствуют о тесном взаимодействии лингвистики, переводоведения, социолингвистики, антропологической лингвистики, этнолингвистики, когнитивной лингвистики и философии языка.

Значительное внимание в монографии «Язык как культурный код нации» уделяется закономерностям языковой репрезентации в англоязычной культуре социально этнических стандартов диалогического взаимодействия, норм речевого этикета, типологии и вариативности их актуализации в коммуникативных и фатических единицах общения. Причем в равной степени эксплицитно и аргументированно эта проблематика рассматривается как в синхроническом, так и в диахроническом подходе, использование которого для решения проблем лингвокультурологического плана имеет ключевое значение (*Н.Б. Мальцева, Э.И. Мячинская, Т.П. Третьякова*). Это подтверждает исторический взгляд на топонимическую картину мира в контексте становления языка и культуры Британии, позволяя в полной мере осознать роль влияния неоднозначных этнополитических процессов на результаты сложных этимологических преобразований в системе английских топонимов (*Н.В. Гусарова*). Изучение фразеологизмов как единиц не в меньшей степени насыщенных культурными смыслами демонстрирует то, что культура народа, его самобытность, обычаи и традиции составляют число ключевых понятий лингвокультурологической картины нации, результаты анализа которой способствуют выявлению и описанию таких важных категорий, как, например, национально-культурная коннотация и национально-культурная компонента (*Е.В. Иванова*).

Результаты синхронного исследования обширного англоязычного моно- и полилогического материала не только способствуют пониманию риторики как важнейшего инструмента культуры, но и позволяют отнести ее к числу социально-статусных и культурно обусловленных факторов речевого поведения человека как представителя культурно маркированного социума (*Е. И. Варгина*). Социолингвистические приоритеты присутствуют также и в исследовании языковых способов репрезентации ценностных установок общества и выявлении особенностей национального мировоззрения, которые оказывают в языке регулирующее воздействие на формирование гендерно-ориентированных суждений (*Н. О. Магнес*).

Ценности как важнейший элемент духовной культуры и в то же время особых культурологических категорий в значительной степени контролируют человеческую коммуникацию. Сочетание структурного и когнитивно-коммуникативного подходов к исследованию структур типа *Life is about people* позволило отнести их к словесным моделям ценностей и установить, что эта модель служит для выражения ценностных представлений индивида, будучи действенным средством воздействия на адресата, направленным на изменение системы его ценностей, убеждений и моральных установок (*О. В. Емельянова*). Отсылки к ценностям в общественно-политическом дискурсе на уровне отдельных взаимодействий в достижении поставленных аргументативных задач, как показывает анализ, также способствуют взаимодействию коммуникантов. На глобальном уровне они поддерживают существование ценностей как таковых, осуществляя тем самым весомый вклад в культурную согласованность языкового сообщества в целом и отдельных входящих в него групп в частности (*Е. В. Трощенко*).

Исследование словесной природы ценностных суждений, составляющих основу человеческой деятельности, на материале языка поэзии свидетельствует о том, что эти суждения как операционные единицы языкового сознания обладают стабильной синтаксической структурой и формируют целостные смысловые единицы человеческого общения в виде текста (*И. В. Толочин*). Понятие эстетической оценки в системе аксиологических координат лингвокультуры исследуется как неотделимая часть ее этнопроявления на

материале англоязычных произведений, в центре внимания которых находится эстетика природы глазами англичан, что позволяет выявить универсальные и национально-специфические средства ее языкового выражения и характер взаимодействия с этической и утилитарной оценкой (*Т. И. Петухова*).

Одна из наиболее значимых и перспективных проблем современной лингвистики — проблема синкретизма, связанная с выявлением лингвокультурологических особенностей речемыслительной деятельности человека, рассмотрена в гл. VI, в которой показано синкретичное выражение сравнительного и знакового отношений, а также определены факторы, которые делают возможным синкретичное, слитное нерасчлененное выражение исследуемых отношений (*А. Кожокина*).

В заключение подчеркнем, что в лингвистическом и лингвокультурологическом подходе исследование языка нации как закономерного результата социально-исторических, этнопсихологических и геополитических процессов позволяет воспринимать его сквозь призму запечатленной в нем этнокультурной картины мира с учетом закономерностей преломления ее в эгоцентричном сознании интерпретатора как репрезентанта культуры той нации, которой он принадлежит.

Глава I

САМООЦЕНКА В ЛИНГВОСОЦИОКУЛЬТУРЕ

*«Ты любишь себя без взаимности:
одно Я говорит: «я хороший»,
другое Я: «нет, мерзавец»; то ли дело я,
одно говорит: «я мерзавец»,
а другое отвечает: «именно».
(Гаспаров 2008: 372)*

В обычном понимании самооценка — это черта или свойство характера человека, отношение человека к самому себе. Эта черта характера неизменно привлекает достаточное внимание самого человека. В бытовом дискурсе часто можно слышать, что кто-то слишком высоко ценит себя, а кто-то недооценивает свои возможности, или страдает комплексом неполноценности. В психологическом плане самооценка — важный элемент в структуре личности, в частности, в Я-концепции. «САМООЦЕНКА (self-esteem), *ценность*, значимость, которой индивид наделяет себя в целом и отдельные стороны своей *личности, деятельности, поведения*. С. выступает как относительно устойчивое структурное образование, компонент *Я-концепции, самосознания* и как процесс самооценивания. Основу С. составляет система *личностных смыслов* индивида, принятая им система ценностей. С. рассматривается в качестве центрального личностного образования и центрального компонента Я-концепции» (Прихожан 2003: 586).

В психологическом и философском плане рассматриваются самые разные ипостаси того, что стоит за однобуквенным словом я, за последней буквой в алфавите русского языка. Что-то есть в этом факте связанное с проблемой самооценки в русской лингвосоциокультуре! Связь самооценки с такими психологическими катего-

риями, как индивидуальность, личность, сознание и др., которые сами трудно определимы, по мнению психологов, затрудняет понимание сути самооценки. Человек оценивает свои разные качества, физические, эмоциональные, умственные.

В лингвокультурологическом плане, естественно, принимаются во внимание факты языка и факт самооценки человеком себя как личности. Но дело в том, что сами психологи считают теорию личности слабо разработанной. Вот что говорил по этому поводу отечественный философ В. В. Налимов со ссылкой на мнение психологов конца XX века: «И сейчас, по-видимому, никто еще не готов к тому, чтобы заполнить эту зияющую брешь не только в философии и психологии, но и *культурологии* (курсив наш. — А. В.) в целом. Остается непонятным, как может развиваться современная, научно ориентированная культура, если сама наука не имеет научной теории личности, пользующейся хоть каким-то признанием. *Незнание человека — это, может быть, наиболее сильное незнание в современной науке*» (Налимов 2007: 209). Можно думать, что А. Белый поступил гениально, объединив, если не все, то многое, что касается разных Я и я, в едином понятии «Душа Самосознающая» (Белый 1999).

Очевидно также, что в лингвокультурологическом плане важен не сугубо личностный, а социокультурологический аспект самооценки, не то, как человек оценивает свой внешний вид, свои привычки, а то, как он оценивает свое отношение к другим, к своей деятельности, к тому, какое место он занимает и какую роль играет в обществе. Факт самооценки, завышенной или заниженной, важен тем, что поведение, поступки и любая деятельность каждого индивида неизбежно связаны с другими людьми: с семьей, с соседями, с рабочим коллективом, своей страной, нацией. Поэтому то, как индивид оценивает себя, может иметь важное общественное социальное значение, особенно если индивид занимает значимое общественное положение, тем более, что самооценка, как и другие черты человека, также может быть объектом оценки других. Завышенная или заниженная самооценка могут иметь социокультурологическое значение также и в том случае, если у человека появляется комплекс превосходства или неполноценности, что может влиять на его поведение и соответствующую неадекватную

реализацию его интеллектуальных, творческих и организаторских способностей. Все это придает факту самооценки лингвокультурологическую значимость, если понимать культуру как отношение человека к себе, другим, обществу, стране, к своей национальной принадлежности, искусству, науке, природе. В связи с этим можно отметить такой любопытный и показательный факт. В современных средствах массовой информации говорят иногда о культуре земледелия, производства, коммуникации, когда предполагается, что имеют в виду положительное начало в их состоянии или возможном развитии, и говорят об индустрии, например, шоу бизнеса (не о культуре!), как о неудовлетворительном его состоянии в социокультурологическом плане.

Приведем несколько исходных положений предлагаемого нами анализа самооценки. Лингво-социокультурное пространство, в пределах которого человек оценивает разные стороны, черты своей личности или своего состояния, приблизительно можно подразделить на несколько видов, определяемых положением человека в социальной среде, взаимосвязями человека, которые так или иначе влияют на формирование самооценки индивида. Приблизительно это может выглядеть так: отношение индивид — индивид, индивид (ребенок) — семья, индивид (ребенок) — детский сад, затем школа, индивид — рабочий коллектив + начальство, индивид — нация, народ, государство, общество в целом свое или иностранное. Такая система взаимоотношений даже в том случае, если они не проявляются активно, не может не оказывать влияния на сознание человека и, следовательно, на его самооценку. Считается, что в каждую эпоху остро стояла проблема взаимоотношения детей и родителей, детей и взрослых. В настоящее время проблема обострилась в разных странах утратой чувства родительской ответственности, а именно тем, что родители, матери и отцы оставляют детей или семьи, отдают детей в детские дома. Это может приводить к тому, что у оставленного ребенка появится комплекс неполноценности, чувство неуверенности в себе или, напротив, агрессивности, завышенной самооценки как средства самозащиты.

Материал анализа можно распределить по трем группам.

1. Примеры самооценки заимствованы из художественных произведений и работ (книг) по отдельным социокультурологическим

проблемам. Из художественных произведений взяты высказывания от 1-го лица, непосредственно выражающие оценку говорящим героем самого себя, каких-то своих черт характера, способностей, ментального или душевного состояний, а также высказывания от 3-го лица, одного героя или автора произведения, выражающие так или иначе оценку самооценки другого лица. Из работ публицистического характера взяты примеры самооценки, связанные так или иначе с тем, что можно назвать гражданской позицией человека, с классовой принадлежностью человека, социальным положением.

2. Английские производные существительные и прилагательные с префиксоидом *self* взяты из американского словаря (Standard Dictionary... 1974: 1140–1142).

3. Существительные, называющие самооценку, рассматриваются как названия, или, скорее, как термины, Интенциональных Состояний (ИС).

Считаем необходимым дать здесь список ИС (I S) из работы (Searle 1983). ИС, по определению Дж. Серля, это ментальные состояния, характеризующиеся направленностью (*directedness*) на что-то, на некоторый объект. Очевидно, что состояния, а также и акты самооценки также характеризуются направленностью, но направленностью на состояния самого говорящего. Дж. Серль отмечает, что не все ИС обладают направленностью на объект (*Ibid.*: 5).

Дадим список английских существительных, называющих ИС, из работы Дж. Серля: *belief, fear, hope, desire, love, hate, aversion, liking, disliking, doubting, wondering, whether, joy, elation, depression, anxiety, pride, remorse, sorrow, grief, guilt, rejoicing, irritation, puzzlement, acceptance, forgiveness, hostility, affection, expectation, anger, admiration, contempt, respect, indignation, intention, wishing, wanting, imagining, fantasy, shame, lust, disgust, animosity, terror, pleasure, abhorrence, aspiration, amusement, and disappointment* (*Ibid.*). (Список соответствующих русских существительных — ИС дан в переводе по кн.: (Серль 1987: 96–126). Большая часть английских существительных из приведенного списка может иметь производные с префиксоидом *self*. В списке эти существительные выделены жирным шрифтом.

Очевидно, что почти все рассматриваемые существительные связаны отношением производности с соответствующими глагола-

ми, о чем свидетельствуют и данные словаря (Standard Dictionary... 1974). (Возможно, исторически наоборот некоторые глаголы были образованы от существительных.) Однако в этом словаре рассматриваемые существительные даны как отглагольные образования и, что примечательно, разделены на пять групп (не считая технических терминов). В первой подгруппе префиксоид self выступает как объект действия соответствующего глагола (self-advertise, self-advertisement); во второй — как агент соответствующего действия (self-approved, self-appointed); в третьей — направленность действия неопределенна (self-absorbed, self-absorption); в четвертой — направленность действия — from oneself (self-arising, self-born); в пятой — независимость (Independent): self-existence, self-agency, self-authority. В этой группе всего девять слов. (Следует отдать должное составителям словаря за проделанную лингвистическую обработку материала и не только в этом случае.)

Необходимо остановиться еще на характере отношения между префиксоидом и глагольным корнем, что важно с лингвистической точки зрения. Это касается прежде всего первой группы существительных с субъектным отношением между частями слова, а также третьей и четвертой с неопределенным отношением между префиксоидом и глагольным корнем. Неопределенность и неоднозначность отношения между глаголами и рефлексивным местоимением подробно рассматривалась И. Б. Долининой. Тип отношения, как она показала, зависит от лексического значения глагола, его валентности, типа подчиненных актантов, а также ряда других факторов, в том числе и семантики глагола (Долинина 1989: 148–190).

Важная особенность слов с префиксоидом self, которую, как мы считаем, следует отметить, заключается в том, что в семантике некоторых существительных, как представляется, не содержится указания на то, как совершается акт самооценки. Человек в конкретных жизненных ситуациях не всегда ставит себе цель как-то оценить себя (здесь рассматриваются именно такие случаи), как самодовольного или как презирающего себя, хотя такая ситуация возможна. Самооценка — это ментально-эмоциональное состояние, которое как-то возникает. Возможна и следующая ситуация: человек может сказать одно, а получается другое, или кто-то воспринимает сказанное иначе. Это подтверждают примеры, которые

содержат глаголы, обозначающие некоторый ментальный акт, результат которого — самооценка. Однако это наблюдение, как и другие ситуации самооценки, нуждается в психологических или психолингвистических доказательствах.

Интересный и убедительный, с нашей точки зрения, взгляд на структуру категории Я (Self) дает Р. Харрэ (Harre 1998). Р. Харрэ также считает, что в современной психологии и философии категории личности, сознания и недостаточно разработаны, неопределенны и противоречивы. Он считает, что человека можно характеризовать и рассматривать как Индивидуальность (Individuality), Личность (Person), Единичность (Singularity), а также как Целое (Unity). Для наших целей наибольший интерес вызывает его понимание самооценки и то, что он рассматривает самооценку на материале автобиографического дискурса и высказываний разных людей о самих себе, о своих поступках и жизненных ситуациях. При таком подходе жизнь человека оказывается «рассказом о самом себе» (story-telling). При этом возможны три ситуации: когда человек говорит о том, что он чувствует, понимает в определенный момент в определенной ситуации. Это, согласно положениям Р. Харрэ, Self 1 (Сам 1). Self 2 — это, когда человек сам говорит о том, как он оценивает сам то, что он чувствует, понимает, т. е. оценивает свое психическое состояние. И (Self 3) — это когда кого-то оценивают другие. Самооценка, по Р. Харрэ, это способ или то, как и что человек говорит о себе согласно некоторым нормам поведения, общественным конвенциям и установкам. Люди часто осуждают себя, чаще других, хвалят себя и других. (О похвале см. гл. VIII, с. 113–139.) Самооценка «суммирует мои оценки тех характеристик, которыми я, как я полагаю, я обладаю. Высокая самооценка — это то, как я представляю себя в выгодном для меня свете» (Harre 1998: 132). Р. Харрэ говорит и о той роли, какую играет принадлежность человека к той или иной группе для его самооценки. При этом человек может оценивать себя высоко, если он высоко оценивает коллектив, группу, к которой принадлежит (Ibid.).

Рассмотрим упомянутые выше языковые средства самооценки. Речь шла о производных отглагольных существительных с префиксоидом self. Нами были просмотрены несколько художественных произведений известных американских и английских авторов

(E. Cleaver, J. Cooper, A. Leopold, N. Mailer, Carson McCullers, J. Walls). Можно заметить, что те, кто знаком с этими произведениями, согласятся, что это надежный материал. Что касается самого материала, т.е. примеров, то следует отметить, что, несмотря на большое число существительных с префиксоидом *self*, они в упомянутых работах встречаются достаточно редко. Чаще всего дается авторская оценка самооценки героев. Соответственно употребляются высказывания с глаголами, называющими соответствующее ментальное или эмоциональное состояние героя, плюс притяжательное местоимение, указывающее на субъект самооценки.

Отметим еще раз такой языковой факт, как достаточно значительное число глаголов и их производных в английском языке со значением «ценить», «оценивать себя»; «оценка», «самооценка» со значением результата и со значением самооценивания как процесса: *to assess, self-assessment; to esteem, esteem, self-esteem; to estimate, self-estimation; to evaluate, self-evaluation; to value, self-value*. В результате анализа средств выражения самооценки в языке напрашивается вопрос: имеет ли сам факт наличия в языке весьма значительного количества средств выражения самооценки какое-то культурологическое значение? Возможно, имеет. Так, существует мнение, что англичан отличает высокая степень самоуважения — *self-respect*. Это очень значимый культурологический фактор. С лингвистической точки зрения важно и то, что та или иная самооценка может быть выражена не только глагольным словосочетанием, и производными существительными, но и производными и разными формами глагола: прилагательными, причастием, герундием, т.е. представлена всем словообразовательным гнездом глагола. Однако разные глаголы характеризуются различной степенью производности. Ярким примером может служить словообразовательное гнездо глагола *to deceive*: *deception, deceptive, deceiving, deceiver, deceit, deceitful*.

Кроме слов, составляющих словообразовательное гнездо, человек, почувствовавший или понявший, что он сделал что-то не совсем так, как он думал или чувствовал, может использовать с целью самооценки выражения без этих слов. Р.Харре приводит такое предложение “*I realized I have been fooling myself*” (Harre 1998: 173). Говорящий использует здесь следующую структуру: глагол, выра-

жающий его внутреннее состояние самообмана, плюс притяжательное местоимение, указывающее на то, что он автор самооценки (fooling myself), и глагол умственной деятельности realized, свидетельствующий о том, что говорящий оценил свою ошибку. Такой косвенный способ самооценки встречается также достаточно часто.

Кроме завышенной, или просто высокой, и заниженной самооценок также широко распространена в обществе нейтральная средняя оценка человеком себя и других, или такая оценка, как «обычный», «обыкновенный» (common, normal, usual, etc.). Достаточно полный и убедительный анализ английских прилагательных с общим значением «обычный» в противопоставлении с прилагательным со значением «необычный» дан Ж.И. Шуклиной (1999). В диссертации выделены шесть подгрупп в группе со значением «обычный»: 1. Usual; 2. Normal (usual + not abnormal); 3. Ordinary (usual+not distinguished in any important way); 4. Habitual (usual + regular, constantly practiced); 5. Conventional, standard (usual+ traditional, generally accepted); 6. Common (usual + happening or found often and in many places) (Шуклина 1999: 80–81). Как видно, прилагательные всех групп содержат сему Usual.

Оценка людей, событий, вещей как обычных или необычных дается относительно некоторых общественных, культурных, социально значимых правил, конвенций или норм поведения, принятых в определенных сообществах или группах, объединяющих людей по каким-либо интересам, занятиям и др. Этот аспект оценки учитывается и подробно рассматривается Ж.И. Шуклиной. Несмотря на то что такие оценки широко приняты и постоянно употребляются в обществе, и несмотря на их лингвокультурологическую значимость, здесь специально они не рассматриваются.

Приведем примеры завышенной и заниженной самооценки. Рассмотрим, как оценивают себя герои романа Н. Мэйлера (N. Mailer) «Американская Мечта» (“An American Dream”). Поскольку самооценка так или иначе связана с обществом, в котором человек живет, определяется его отношением с другими, то приведем в начале оценку критиками реальности, описываемой в его романе. “AN AMERICAN DREAM beats with the pulse of some huge night carnivore. It defines the American style by presenting the most extreme of our reali-

ties — murder, love... the corruption of power and the powerful... all of it mixmastered in booze and heat-and-serve sex” (The New York Times).

После таких оценок романа и после знакомства с ним (как и с другими работами, из которых взяты примеры) оказывается, что в качестве иллюстрации можно брать весь роман целиком. Приведем отдельные высказывания.

В примере 1 даны слова девушки, которая повторяет слова, сказанные когда-то ей ее матерью и которая продолжает оценивать себя так, как оценила ее мать и как после этого оценивает себя девушка. Девушка повторяет слова матери в разговоре с отчимом:

- (1) *“I am sorry, Deidre, but you have turned out a bat”... (Mailer, 201).*

И далее слова дочери:

- (2) *“You know Mummy. Once she says something to people, you are put away like an insect on a pin. You never escape, I know for the rest of my life I would always see myself that way” (Ibid.);*
- (3) *When I was altogether depressed by myself it seemed as if she were the only achievement to which I could point (Ibid., 23).*

Приведем примеры из романа другого американского автора, содержащие самооценки и авторские оценки героев, — Карсон МакКаллерс (Carson McCullers) «Отражение в глазу лошади» (“Reflections in a Golden Eye”). Вначале дадим отрывок из предисловия к ее роману известного американского писателя Теннесси Вильямса. Он говорит: «Самая большая сложность в понимании и общении заключается в том, что те люди, кому задают вопрос, и те, кто задает его, фактически принадлежат к разным мирам» (McCullers, XI).

В романе К. МакКаллерс героиня или, как она сама пишет в начале романа, «Участники трагедии» (“The participants of this tragedy”) — два офицера, солдат, две женщины, Филиппинец и лошадь. Вероятно, те, кто знаком с романом, согласятся с оценкой критика и тем местом, которое он отводит автору в литературе. Следовательно, учитывая роль литературы в лингвокультурологическом пространстве, можно доверять ее оценкам внутреннего мира ее героев и их самооценкам. Но, как пишет Т. Вильямс, не только читатели, но и критики и литераторы часто задают вопрос, почему писатели пишут о таких ужасных вещах. Он отвечает, объясняя непонима-

ние, как уже мы отметили, тем, что люди принадлежат разным мирам (Ibid.). Возьмем примеры, свидетельствующие об особенностях внутреннего мира героев. Место действия — армейский гарнизон в мирное время:

- (4) *The participants of this tragedy were: two officers, a soldier, two women, a Filipino, and a horse* (McCullers, 1). *He (Private William) was a silent young soldier and in the barracks he had neither an enemy nor a friend* (Ibid., 2);
- (5) *He accepted the Captain as fatalistically as though he were the weather or some natural phenomenon. The Captain's behavior might seem unexpected, but he did not identify it with himself* (Ibid., 108);
- (6) *To this young Southern soldier the officers were in the same vague category as Negroes — they had a place in his life, but he did not look on them as being human* (Ibid.);
- (7) *Captain Penderton was in no comfortable state of mind this evening. ... He looked on all soldiers with bored contempt. To him officers and men might belong to the same biological genus, but they were of an altogether different species* (Ibid., 7).

В примерах (6) и (7) использованы особые выражения оценки, встретившиеся нам несколько раз только в произведениях этого автора: *To this young man, to him*, которым в русском языке соответствуют эквивалентные сочетания со значением *для него, с его точки зрения* и т. п. Эти высказывания — пример самооценки глубоко природного естественного отношения человека к жизненной позиции другого. Оценивая жизненную позицию другого, человек косвенно оценивает себя, свою жизненную позицию.

Теперь проанализируем несколько примеров из автобиографии американской журналистки Дж. Уоллс (J. Walls) («Стеклянный Замок») («The Glass Castle»). Это удивительная автобиография, написанная, на мой взгляд, замечательно как художественное литературное произведение, о трудном детстве с родителями, у которых были свои взгляды на жизнь и воспитание детей. Они считали, их мать, во всяком случае, так считала, что в жизни должны быть приключения, и поэтому они постоянно меняли место жительства в Южных Штатах Америки. Мало и редко работали. Как вспоминает автор, они очень часто оставались голодными, так что она

в школе искала еду в остатках от обедов других учеников. Но они любили друг друга, жили дружно. Автор и ее старшая сестра рано начали стремиться заработать, как могли, и копили деньги, чтобы уехать в Нью-Йорк, что они и сделали, кроме младшей сестры. Родители также переехали в Нью-Йорк, но и там продолжали жить бомжами. Мать считала, что быть бездомным — это тоже приключение, как и менять место жительства. На таком жизненном фоне особенно интересно рассмотреть особенности самооценки автора автобиографии. Приведем две ее самооценки. Первая, когда она уже стала известной журналисткой в Нью-Йорке.

- (8) *I was sitting in a taxi, wondering if I had overdressed for the evening? When I looked out of the window and saw Mom... She had tied rags around her shoulders to keep out the spring chill and was picking through the trash....she probably looked like any of the thousands of homeless people in New York City... I slid down in the seat and asked the driver to turn around and take me home to Park Avenue* (Walls, 3);
- (9) *After ducking down in the taxi so Mom wouldn't see me, I hated myself — hated my antiques, my clothes, and my apartment* (Ibid., 4);
- (10) *And what I am supposed to tell people about my parents? "Just tell the truth", Mom said. "That's simple enough"* (Ibid., 5).

На фоне такой самооценки автора, уже известной журналистки, интересна и показательна ее самооценка и оценка своей семьи тогда, когда они бедствовали, и родители мало заботились о них. Вот разговор девочки с представителем организации по опеке детей, о которых плохо заботятся родители. Ей двенадцать лет. Она не пустила его в дом, разговаривает через щелку в двери. Она сказала, что родители не разрешили бы ей впустить его, пока они не поговорят со своим адвокатом (которого у них, конечно, и быть не могло). Затем она сказала, что у них все в порядке, о них родители заботятся, что отец работает и даже придумала кем. О матери она сказала правду. Больше всего она боялась, что их отдадут в разные семьи.

- (11) *"He does odd jobs. He's an entrepreneur. He's developing a technology to burn low-grade bituminous coal safely and efficiently"* (Walls, 193).
- (12) *"She is an artist", I said. "And a writer and a teacher"* (Ibid., 193–194).

Мать автора действительно хорошо рисовала, писала романы, т. е. определенно имела природные данные, и поэтому, может быть, и дети, кроме младшей сестры, смогли вполне благополучно устроить свою жизнь. Во время их переездов с места на место и ночей под открытым небом отец учил их биологии и астрономии. И автор, уже будучи взрослой в Нью-Йорке, часто смотрела на Венеру. В разговоре с представителем опеки проявилось свойственное семье чувство самоуважения и достойной самооценки.

Рассмотренные выше случаи самооценки определялись главным образом сугубо персональными отношениями героев произведений, отношениями друг с другом и друг к другу. В современном мире, вероятно, одной из наиболее острых, болезненных и трудно разрешимых проблем можно считать проблему национальных отношений. Иногда человек реагирует самым невероятным преступным способом на оскорбляемое чувство национальной гордости.

Прежде чем дать примеры, приведем мнение критика об авторе автобиографии «Ледяная душа» (“Soul on Ice”) Элдридже Кливере (Eldridge Cleaver), из которой взяты примеры. Автор предисловия к книге пишет, что Э. Кливер — один из лучших писателей, анализирующих проблемы культуры второй половины XX в. Книга написана им в тюрьме, куда он попадает за изнасилование белой девушки, что он считал методом борьбы с национальным неравенством. В тюрьме автор много читает, знакомится с представителями разных религиозных направлений, принимает мусульманство. Как пишет автор предисловия, в результате религиозного опыта Е. Кливер вновь приобрел потерянный *self-image as a child of California black ghetto*. «И с этого момента начинается удивительный процесс» *self-analysis, self-education, and self-expression*. Это и описано в автобиографии. В ней автор касается самых разных проблем. Так, он проводит параллель между отношением к чернокожим в Америке и ее войной во Вьетнаме. И там, и там — насилие и несправедливость, и та и другая война ведется «во имя флага и Конституции». Автор считает, что манипулировать людьми во имя Права сочетается в Америке с другой чертой — самолюбованием, нарциссизмом:

- (13) *Coupled with the narcissistic self-image as a friend of the underdog. Americans think of themselves collectively as a huge rescue squad*

on twenty-four-hour call to any spot on the globe where dispute and conflict may erupt (Cleave, 117).

А вот как он оценивает появление на спортивной арене Америки известного боксера Мухаммеда Али. До него, как пишет автор, каждый чернокожий чемпион был игрушкой, которой манипулировали белые. Он не имел права на свободную личную жизнь:

(14) *His role was to conceal the strings from which he was suspended, so as to appear autonomous and self-motivated before public* (Ibid., 93).

С появлением Мухаммеда Али ситуация изменилась: он не был игрушкой для «белых кукловодов», и это было ударом по самолюбию белого человека:

(15) *For every white man, feeling himself superior to every black man, it was a serious blow to his self-image* (Ibid.).

Однако жизнь в Америке меняется, и проблемы, как пишет автор, не должны скрываться:

(16) *...problems which can no longer be compromised or swept cleverly under that national rag of self-delusion* (Ibid., 112).

Книга Е. Кливера заканчивается удивительно пронзительным по эмоциональному настрою письмом-посланием от всех чернокожих мужчин ко всем чернокожим женщинам, в котором он берет вину на себя и возлагает вину на всех чернокожих мужчин за то, что они не сумели защитить женщин и их детей от рабства, несправедливости, угнетения, унижения.

Проанализируем случай самооценки, определяемой социальным положением человека и его отношением к другой лингвокультурологически значимой ситуации. Поскольку, как считает отечественный ученый Сергей Переслегин, мы живем сейчас в условиях «экологического дискурса», то имеет смысл привести пример, причем удивительный пример, отношения человека к природе. Здесь имеется в виду книга известного американского эколога Алдо Леопольда (Aldo Leopold) «Альманах графства Санд» («A Sand County Almanac»). (Считаем нужным сказать, что А. Леопольд должен был стать представителем в ООН по защите окружающей среды, но погиб при тушении пожара на соседской ферме.) К сожалению,

в статье невозможно пересказать все то, что он говорил в своей книге. Здесь приводится лишь один пример из того, что он писал, релевантный для нашей темы, — что отношение к дикой природе имеет огромную культурную и этическую ценности. Он также считал, что современное индустриальное общество губит природу и тем самым теряет свое здоровье:

- (17) *That land is a community is the basic concept of ecology, but that land is to be loved and respected is an extension of ethics. That land yields a cultural harvest is a fact long known, but latterly often forgotten* (Leopold, XIX).

В его книге есть раздел, который называется “Wild Life in American Culture”. В нем автор говорит об ответственности человека за сохранение диких животных и о губительной роли для дикой природы промышленного производства огромного количества самых разнообразных приспособлений для охоты. Раньше у охотника был код спортивной чести, который требовал от него самоограничений (self-imposed limitations). И он был основой американской традиции, для которой были характерны такие черты, как

- (18) *self-reliance, hardwood, woodcraft, and marksmanship* (Ibid., 213).

В отличие от современных охотников действия охотников старых времен диктовались, как пишет А. Леопольд, его совестью, а не спортивным задором и толпой зрителей.

- (19) *by his own conscience, rather than by a mob of onlookers* (Ibid., 212).

Сам Человек воздействует на среду своего обитания, осваивает новые пространства, новые культуры. Он выражает свое отношение к объектам и событиям реального мира, их качествам, свойствам. Он неизбежно оценивает их с точки зрения своих интересов, желаний, потребностей, ощущений и высказывает свое мнение о них. В конечном счете, человек дает себе оценку и оценку своей роли и места в этом мире. В статье (Варшавская, Баландина 2001) мы приводили пример, как оценивает себя представитель английской аристократии из книги Дж. Купер (Jilly Cooper) «Класс» (“Class”). Она говорит, что английских аристократов отличает весьма высокая степень самоуверенности.

- (20) *Colossal self-confidence is perhaps the hallmark of the aristocrat...he doesn't question his motives or feel guilty about his actions* (Cooper, 24).

Автор также пишет, что в английском обществе существует значительно большее число классов, или слоев, чем принято считать, т.е. кроме известных трех классов: аристократов, среднего и низшего классов. Она пишет о такой особенности отношений между слоями. На практике слои заимствуют друг у друга какие-то особенности в одежде, поведении. Но высший слой никогда не заимствует у соседнего низшего слоя, а заимствует у более удаленного от своего низшего слоя. Дж Купер пишет также, что даже внутри рабочего класса есть свои многочисленные слои (*numerous rankings*) (Cooper 1999: 150).

Отметим еще один интересный способ, который используется как оценка, но вполне в некоторых случаях и как способ самооценки, и в английском и русском языках: это применение названий животных и птиц. В сравнительном плане этот способ оценки был подробно исследован на материале толковых и фразеологических словарей и описан в работе отечественных лингвистов (Карташкова, Куражова, Егорова 2009). Результаты их исследования показали, что «англичане в первую очередь осуждают *жадных, любопытных, легкомысленных, напыщенных, грубых, невоспитанных, невзрачных, некрасивых* людей, а русские — *лживых, лицемерных, льстивых, заискивающих, уродливых, безобразных*». «Было установлено, что англичане прежде всего одобряют такие качества человека, как *умный, трудолюбивый, известный, удачливый*, в то время как в русском социуме поощряются *здоровые, чуткие, совестливые, услужливые, бережливые и ловкие*» (там же: 129). Не менее интересные данные получены авторами в результате анализа пословично-поговорочного фонда английского языка. Авторы считают, что «изучение имен животных в лингвокультурологическом ракурсе позволяет выявить специфику ассоциативно-образной основы, тесно связанной со своеобразием этноса» (там же: 130). Можно сказать, что и в этом случае речь идет о некоторых глубинных различиях в ценностной в социокультурологической ориентации человека, что и отражается в его языке.

Самооценка свойственна человеку, человеку рассуждающему, думающему не только о себе лично, но и о других, о Человеке. П. Тейяр де Шарден писал, что «рефлексия — это приобретенная сознанием способность сосредоточиться на самом себе и овладеть самим собой как *предметом*, обладающим своей специфической устойчивостью и своим специфическим значением, — способность не просто познавать, а познавать самого себя; не просто знать, а знать, что знаешь» (Тейяр де Шарден 2002: 171).

Список источников примеров с сокращениями

Cooper	—	<i>Cooper J. Class. A view from middle England. London, 1999.</i>
Cleaver	—	<i>Cleaver E. Soul on Ice. New York, 1968.</i>
Leopold	—	<i>Leopold A. A Sand County Almanac. New York, 1953.</i>
Mailer	—	<i>Mailer N. An American Dream. New York, 1965.</i>
McCullers	—	<i>McCullers Carson. Reflections in a Golden Eye. New York, 1966.</i>
Walls	—	<i>Walls J. The Glass Castle. New York; London; Toronto, 2005.</i>

Глава II

РИТОРИКА. ИЕРАРХИЯ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Риторический подход

Риторика — это раздел лингвистики, рассматривающий язык как инструмент, который человек использует для решения определенных прагматических задач. Именно инструментальный, прагматический и практический подход к языку отличает ее от других разделов лингвистики, в частности герменевтики, которая также рассматривает законы построения и понимания текстов. Такой инструмент, с одной стороны, выступает продуктом культуры, т.е. риторические приемы культурно обусловлены, они различны в разных обществах, социальных группах и эпохах. С другой стороны, он представляет собой средство, формирующее отношения между участниками сообщества, способы решения возникающих задач. Лингвистический энциклопедический словарь под редакцией В. Н. Ярцевой трактует риторiku как один из важнейших инструментов культуры, который организует ее языковую и коммуникативную систему как стабилизирующую силу культуры (ЛЭС 1990: 416–417). Применение риторического подхода, таким образом, дает нам возможность рассматривать языковые явления в связи с внеязыковыми задачами участников общения.

Важным аспектом риторики выступает вопрос о соотношении целей и средств. Прагматические задачи, решаемые посредством риторики, это задачи особого рода, решая их, мы тем самым создаем некую социальную ткань, систему отношений между людьми. Характер задачи определяет свойства этой системы, а сама она, в свою очередь, формулирует те задачи, которые приходится решать индивиду в процессе общения.

Другая важная особенность риторики — оценочный аспект. Основатель риторики Аристотель (1978: 1), считал, что ее задача состоит в том, чтобы помочь принципам добра, справедливости

и общественной пользы восторжествовать над эгоистическими интересами отдельных лиц. С тех пор развитие риторики как науки шло различными путями. В настоящее время продолжают попытки как разорвать связь риторики с этикой, сосредоточившись на исследованиях порождения и восприятия дискурса, либо на эстетических аспектах текста, так и на новых методологических и философских основах вернуть риторике этическое измерение. Наши рассуждения будут в русле второй тенденции.

Мы хотели бы применить риторический подход к рассмотрению одной из ключевых лингвистических проблем — проблемы монологизма/диалогизма. Эта проблема нас будет интересовать применительно к двум принципиально разным общественным и коммуникативным ситуациям — ситуациям иерархического и неиерархического общения.

Иерархическое и неиерархическое общение

Под иерархическим общением мы понимаем взаимодействие субъектов коммуникации на уровне иерархических (т.е. неравных) позиций и деятельностных ролей, за которыми закрепляется то или иное конвенциональное коммуникативное поведение. Неиерархическое, равноправное общение соответственно предполагает взаимодействие субъектов коммуникации на уровне равных позиций и деятельностных ролей. При этом следует различать статусную и деятельностную роль, то, какое место занимает человек на иерархической лестнице и, то, какие цели он ставит в конкретной ситуации общения и какими средствами их достигает. Место в социальной иерархии, статусная роль (например, начальник — подчиненный, учитель — ученик, взрослый — ребенок) может обуславливать, задавать определенный тип дискурса, в нашем случае — иерархический. Но в основе отнесения дискурса к тому или иному типу лежит не социальный статус человека как таковой, а коммуникативная интенция, цель, которую ставят перед собой участники общения. Если собеседники имеют равный социальный статус, но, вступая в диалог, один из них (или все) ставит целью заставить остальных подчиниться, навязать нужное ему решение любой ценой, игнорирует мнения других участников коммуникации

и их интересы, то тем самым он делает общение иерархическим. В случае, если участники общения стремятся прийти к консенсусу и решить вопрос в общих интересах, если они готовы общаться на равных и стремятся к пониманию собеседников, мы можем говорить о неиерархическом общении. В определенных ситуациях такое общение возможно и между людьми, имеющими разный социальный статус.

Первое условие, необходимое для эффективного диалога неиерархического дискурса, — желание обеих сторон услышать и понять оппонента. В противном случае, мы наблюдаем коммуникативную неудачу (Варгина, Меньщикова 2013: 3). Эта неудача будет обусловлена не тем, что решение не принято вовсе, и не тем, что диалог не состоялся вообще, а тем, что не была достигнута цель именно неиерархического дискурса, не был достигнут консенсус как общее согласие участников коммуникации.

Сущность консенсуса и его соотношение с компромиссом рассматривается учеными по-разному. Г.К. Варданынц, к примеру, считает, что эти понятия близки: «консенсус в целом можно определить как согласие; и если консенсус — это согласие, а компромисс — это соглашение, основанное на взаимных уступках, иначе говоря — на согласии, тогда получается, что компромисс основан на консенсусе, а консенсус — это часть компромисса» (Варданынц 2002 — электронная версия). Более распространена точка зрения, противопоставляющая эти два понятия, когда консенсус понимается как единодушие, общее согласие, а компромисс как система взаимных уступок. Автор статьи в «Социологическом словаре» (Давыдов — электронная версия), делая обзор толкования понятия «консенсус» у М. Вебера, Д. Мида, Д. Вирта и других, выделяет важную для нас характеристику консенсуса: консенсус — это волевой акт, для его достижения нужны сознательные усилия коммуникантов. «важно, чтобы каждый из участников взаимодействия учитывал как нечто значимое для его поведения соответствующие ожидания других, являющихся его партнерами» (там же). Для достижения консенсуса, таким образом, необходимо осознание индивидом необходимости учета интересов своих партнеров по коммуникации и сознательные действия в этом направлении. К этому добавим необходимость наличия объективных факторов, т. е.

возможность существования между индивидами консенсуальной области взаимодействий — той области, в которой совместная деятельность возможна и плодотворна. При наличии этих условий эффективный неиерархический дискурс возможен.

Если такая область отсутствует (коммуникант может знать об этом изначально или убедиться в ходе общения), то коммуникант либо прекращает общение (или не начинает его), либо переходит к иерархическим формам коммуникации — приказам, угрозам, сознательной манипуляции и т. п.

Диалог и монолог

Две формы речетворчества — монолог и диалог — не только взаимно предполагают друг друга, но и перетекают друг в друга, границу между ними можно провести лишь условно. А. И. Варшавская приводит идеализированную схему диалога (Варшавская 2002: 25–26). Согласно этой схеме, диалог должен удовлетворять следующим условиям: 1) в диалоге участвуют два или более лица; 2) один в роли говорящего (пишущего), другой (другие) — в роли слушающего (читающего); 3) должны быть общая тема и цель разговора; 4) сказанное адресантом (инициатором общения) должно быть обязательно понято адресатом; и 5) должно быть понято так, как этого хотел адресант; 6) адресат принимает роль говорящего и 7) должен ответить на то, что им понято; 8) первый адресант должен понять ответ и 9) принять или не принять ответ; 10) в случае принятия диалог на заданную тему прекращается договоренностью — единством мнения в достижении цели. В случае неприятия диалог потенциально может продолжаться. Отступления от этой схемы, по мысли А. И. Варшавской, означают ступени перехода к монологу.

Монологическая речь (устная или письменная) может быть адресована аудитории (например, речь оратора на политическом митинге или научная монография). Цель любого высказывания, сознательно адресованного другим людям, — воздействие на них, и монологическое высказывание не может быть в этом смысле исключением. Кроме того, к монологическим высказываниям можно отнести внутренний монолог, речь, обращенную к самому себе, и высказывание, обращенное в пространство, не адресованное

никому и не призванное оказывать какое-либо воздействие. Так, писатели и поэты иногда утверждают, что пишут не для читателей, а просто, чтобы высказаться. Из этих трех возможных видов монологических высказываний наиболее распространен первый. Он сейчас и будет нас интересовать. Говоря о монологе, мы будем иметь в виду речь (устную или письменную), обращенную к одному или многим людям с определенной прагматической целью.

Кроме этих двух полюсов (монолога и диалога) выделяют псевдомонолог и псевдодиалог. О псевдомонологе мы, вероятно, можем говорить, когда монологическое по форме высказывание фактически представляет собой реплику в диалоге и когда в отношении этого высказывания в той или иной мере соблюдаются условия описанной А. И. Варшавской схемы диалога. Действительно, монологическое высказывание часто можно рассматривать как реплику в диалоге (с аудиторией, с предками и потомками, с природой, с самим собой). Ключевую роль здесь, вероятно, играют условия 7–9 схемы Варшавской, т. е. готовность говорящего поменяться ролями со слушателями, его желание получить «обратную связь», услышать их. Так, хороший оратор реагирует на настроение аудитории, на реплики и комментарии. Известен риторический прием диалогизации, когда автор традиционно монологического произведения, такого, как научная статья или публикация в газете, превращает свой текст в реплику в диалоге с читателем, для этого используются различные средства. Сюда относятся обращения непосредственно к читателю, личные местоимения второго лица «ты» или «вы», «you», повелительное наклонение, призывы, обращенные к читателю. Следующий фрагмент из газетной статьи, призывающей читателей задуматься об Интернет-безопасности, показывает нам совместное использование этих средств: *Let's be clear. Your personal information is not always yours to control... If you do not want Google or Bing (the two main search engines) to compile your search history data, there is the upstart search engine called DuckDuckGo... Learn to trust your cloud... Try to think of keeping conversations private* (ИТ, 17). В английском научном и деловом стиле наиболее распространены «notice», «note», т. е. предложение обратить внимание на наиболее важное в тексте, по мысли автора. К средствам диалогизации относятся также обращенные к читателю вопросы (Варгина 2004:

156–157). Последние могут иметь три цели. Во-первых, побудить рефлексию читателя, заинтересовать его. В этом случае у автора имеется свой ответ на поставленный вопрос, который он изложит в ходе статьи. Подобные вопросы часто служат заглавиями научных и публицистических статей. Например: *Does the Kin Orientation of a British Woman's Social Network Influence her Entry into Motherhood?* (RC). Возможно использование этого же приема для создания юмористического эффекта: В газетной заметке, озаглавленной *Can George Osborn's Cat Be a Purr-fect Spy?* (T) рассказывается о кошке, которая ведет себя как настоящий шпион (встречается с незнакомцами, пропадает из дома). Во-вторых, автор формулирует вопрос, ответа на который у него нет. Этот вариант характерен для научных статей. Цель — побудить ученых заниматься исследованиями в определенной области, думать, обмениваться мнениями на определенную тему. В-третьих, риторический вопрос, т. е. вопрос, который фактически представляет собой утверждение, ответ на который очевиден. Здесь цель — именно диалог с читателями, автору нужен их эмоциональный отклик, реакция, которая выразится в каких-то словах или поступках. Этот вид вопроса характерен для публицистических произведений. Пример из газеты *The Telegraph*: *Soon, we are likely to need a braver Chancellor than this one. George Osborne is good at the politics, but flunks the economics. For how long can this continue?* (T) Первое предложение, которое вынесено в заголовок статьи, сообщает нам, что нынешний канцлер плохо справляется со своими обязанностями и его скоро придется заменить. Вопрос во втором предложении представляет собой эмоциональное развитие темы («доколе?»). Еще один пример из *International Herald Tribune*: *For every Prada, there's a Gap. For every Four Seasons, there's a Holiday Inn Express. For every Lamborghini there's a Carolla. Why shouldn't the same logic apply to video games consoles?* (ИНТ, 18). Используя вопросительную форму, автор утверждает, что логика рынка, согласно которой на смену одним модным и дорогим брендам приходят другие, еще более дорогие, работает и для игровых приставок. Автор не ждет от читателя ответа на вопрос «почему?», но призывает присоединиться к ходу его рассуждений.

Псевдиалог (или диалогизированный монолог) возникает тогда, когда диалог «средство, форма, но не цель общения» (Вар-

шавская 2002: 40–41). Такое может, например, происходить, когда участники диалога не слышат друг друга, каждый говорит о своем. То есть отсутствует стремление или возможность понять собеседника, реплики участников фактически остаются без ответа. В этом случае нарушаются условия 3–10 схемы диалога. О псевдиалоге А. И. Варшавская предлагает говорить и в тех случаях, когда реализуется фатическая функция языка — незнакомые или малознакомые люди говорят просто, чтобы скоротать время, избавиться от неловкости молчания, при этом они не заботятся ни о теме, ни о согласии, т.е. можно констатировать соблюдение лишь первых двух условий схемы диалога и нарушение в той или иной степени всех остальных.

Мы считаем, что если во время ведения диалога один из участников намеренно допускает ряд «ошибок» — игнорирует собеседника (не слушает его, не воспринимает его реплики), резко меняет тему разговора, можно сказать, что такой диалог — это псевдиалог. В работе (Варгина, Меньщикова 2013: 20–21) мы попытались показать, что псевдиалог может возникнуть, когда один из собеседников стремится реализовать свои цели, навязать свое мнение, но сделать это завуалировано, в форме диалога, таким образом, чтобы у оппонента возникло чувство, что он принимает решение самостоятельно. Таким образом, псевдиалог может как возникнуть непреднамеренно, так и быть результатом определенной сознательно выбранной риторической стратегии. Эта стратегия основана на использовании приема манипуляции.

Иерархический дискурс и монолог

После того как мы рассмотрели, что такое иерархическое и не-иерархическое общение и соотношение между монологическими и диалогическими составляющими дискурса, необходимо выявить, что властные, иерархические отношения по сути своей монологичны, а их языковое проявление осуществляется в виде собственно монолога или псевдиалога.

Как писал М. М. Бахтин, «всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно ответный характер (хотя степень этой активности бывает весьма различной); всякое понимание чре-

вато ответом и в той или иной форме обязательно его порождает» (Бахтин 1979: 254). Отметим, что ситуация непонимания возможна и в неиерархической коммуникации, но в этом случае непонимание ведет к переспросу, просьбе уточнить и опять же к ответу. Именно этот ответ и нежелателен для создателей властного дискурса, его стараются максимально ослабить, сделать отдаленным по времени, непрямым и, по возможности, адресованным кому-нибудь другому. Не случайно, язык собственно власти, язык законов и постановлений, чрезвычайно сложен для понимания. Для их толкования людям приходится прибегать к помощи специально обученных людей, юристов. Бюрократический стиль юридического документа за счет своей усложненности и терминологической насыщенности призван обеспечить однозначность толкования. Но никакая однозначность, как правило, не достигается, зато достигается монолизм, исключение тех, на кого распространяется действие документа из числа собеседников.

Язык законов — это предельный случай монолизма, здесь монолизм проявляется в чистом виде — никакой дискуссии с теми, на кого распространяется действие закона, чьи интересы он затрагивает. Автор здесь предельно абстрактен и анонимен, хотя закон пишут конкретные люди, он публикуется от имени государства или какой-либо административной единицы.

В случае, когда в ситуации иерархической коммуникации оказываются люди, имеющие разные социальные роли (например, условно начальник — подчиненный), у начальника формально имеется возможность просто отдавать приказы, его право и возможность делать это обеспечивают общественные институты. Приказ не существует без опоры на власть, его действенность не связана непосредственно с тем, какие именно вербальные средства использует говорящий. Достаточно, чтобы слушающий понимал, что имеет место именно приказ и что у говорящего есть неязыковые средства, чтобы обеспечить его действенность. Чем большей реальной властью обладает человек, тем меньше он может заботиться о том, в какие слова облечь свой приказ. Но власть никогда не бывает полной и абсолютной, ее надо завоевывать, ее надо поддерживать, она всегда может оказаться недостаточной, всегда есть опасность ее потерять. Поэтому даже наделенные очень большой

властью уделяют много внимания риторическому оформлению своих повелений. Характерными риторическими приемами здесь выступают оформление приказа в виде просьбы, отсылка к таким понятиям, как «долг», «честь» или, наоборот, «позор», обещание моральных и материальных наград за выполнение приказа и кар за его нарушение, подача приказа, как исходящего непосредственно от народа, родины и т. п. Вспомним хотя бы знаменитый приказ адмирала Нельсона перед Трафальгарской битвой: *England expects that every man will do his duty* (Англия ожидает, что каждый мужчина исполнит свой долг) или советский плакат 1941 г. «Родина-мать зовет».

Властная иерархия не сводится только к социальным институтам. Мы проявляем власть всякий раз, когда стремимся реализовать свои интересы за счет другого. Мы можем уговорить собеседника, к примеру, используя эмоционально-оценочные средства или иные манипулятивные стратегии (т. е. стратегии сознательного построения псевдо-диалога). В этом случае собеседник может выполнить нашу просьбу, даже если это противоречит его интересам и не согласуется с тем, что он считает правильным. Чем больше противоречия между интересами собеседников, чем более различаются цели, которые они преследуют, тем больше они будут прибегать к уговорам и манипуляциям. Способность проявлять эмоции, выражать их словами, — одна из важнейших особенностей человека. Критическим моментом здесь будет не наличие эмоционально-оценочного компонента как такового, а коммуникативная интенция, в ином случае — желание подчинить собеседника заставить его действовать вопреки его интересам.

Неиерархический дискурс и диалог

В ситуации «горизонтальной» неиерархической коммуникации мы можем убедить собеседника, т. е. прийти с ним к консенсусу в отношении совместной деятельности. Только в этом случае мы можем говорить о свободном взаимодействии людей. Как мы уже говорили, чтобы такое взаимодействие было возможным, у людей должна быть реальная общность интересов, или их интересы должны хотя бы в каких-то областях пересекаться.

К. Берк, один из основоположников неориторик, писал: «Риторика там, где торг и война» (Burke 1962: 22). Человечество разделено, утверждал Берк, и чтобы противостоять разделению, человек идентифицирует себя с группой, стремится стать для кого-то «своим», чтобы успешнее противостоять «чужим». Торг и война, т.е. коммерческая реклама и политическая пропаганда это те сферы, где властная (иначе говоря, «вертикальная») риторика проявляется в наиболее явном и полном виде. Это не значит, что она не присутствует в других сферах коммуникации (например, научной или бытовой), ведь культура, в основе которой лежит властная иерархия, т.е. «торг и война», охватывает все сферы жизни.

Но существование Другого как чужого, как противника, над которым нужно взять верх, не единственно возможное состояние вещей. Другой — это совсем не обязательно чужой, враг, конкурент в борьбе за выживание. Преодоление «вертикальной» риторики — в преодолении вертикальной организации общества, в уничтожении дистанции, уничтожении противопоставления «свой — чужой». Неиерархическую коммуникацию мы должны искать там, где общение основано на совместной деятельности, в которой реализуются общие интересы и потребности и где отсутствует внешнее принуждение. Естественно, такую модель невозможно навязать людям сверху, тем самым не разрушив ее.

Общение между «своими» требует совершенно иной, «горизонтальной» риторики. «Мы можем сделать что-то вместе, если не отрицаем друг друга в процессе делания» (Marturana — электронная версия). При этом принципиально важна обособленность субъектов такого общения: если нет Другого с его уникальным мировоззрением, собственными интересами, целями и потребностями, то нет и диалога.

В соответствии с законами природы, взаимодействие — это всеобщий процесс, совершая некоторое действие в качестве субъекта, мы неизбежно оказываем влияние на окружающую среду, состоящую из множества потенциальных объектов нашего воздействия. Одновременно мы сами выступаем элементом среды для других действующих субъектов. Этот же принцип не может не соблюдаться и для речевого воздействия. Говоря о речевом воздействии, мы не должны забывать, что это лишь часть всеобщего процесса взаимодействия, мы просто рассматриваем лишь одну его часть.

Означает ли сказанное, что в современной культуре нет места «горизонтальной» риторике, риторике взаимодействия и сотрудничества, что она может появиться лишь в отдаленной перспективе? Мы имеем все основания находить и исследовать «горизонтальную» риторику во многих сферах нашей сегодняшней жизни.

Проблемы разграничения «горизонтальной» и «вертикальной» риторики

Необходимо отметить, что хотя возможны целые речевые произведения (тексты), написанные или сказанные в том или ином ключе, конкретные риторические приемы, относящиеся к сфере той или иной риторики, могут встречаться в одном и том же тексте. Это, во-первых. Анализ дискурса с целью выделить «вертикальную» и «горизонтальную» составляющие можно осуществлять при рассмотрении топосов (или ценностей), к которым прибегает автор. На их основе производится подбор аргументов. Так, апелляция к так называемым всеобщим ценностям, носящим предельно абстрактный характер и имеющим для разных людей совершенно различное наполнение, как правило, свидетельствует о попытке манипуляции. Особенно в тех случаях, когда апелляция к этим ценностям увязывается с весьма спорными положениями. Например: «Ты же хороший мальчик, ты любишь свою маму, почему же ты тогда отказываешься ходить в музыкальную школу?!». «Универсальная» ценность *хороший сын* получает весьма спорный атрибут — послушный сын, делающий все, что от него хотят. Манипуляции такого рода широко используются в рекламном дискурсе, в бесчисленных слоганах, построенных по принципу «если любишь — докажи» и призывом купить для возлюбленной какой-нибудь предмет роскоши. Подобная реклама у многих стала вызывать отторжение и породила тексты типа: Buy me a **plastic** ring and tell me that you love me.

Во-вторых, предложенное разделение риторики относится главным образом к сфере методологии. Оно позволяет соотнести поставленные автором цели и способы их реализации. Таким образом, анализ собственно языковых явлений (риторических приемов) оказывается обусловленным внеязыковой действительностью (це-

лями, которые преследуют участники коммуникации). Это позволяет нам вернуть риторике этическое измерение, которое было ей присуще со времен ее зарождения как науки в античном мире. Речь при этом идет не о привнесении в науку какого-то субъективного оценочного момента и не о постулировании неких неизменных «нравственных императивов», но позволяет выявить соотношение постулируемых и фактических целей, говорить о соответствии/несоответствии целей и средств их достижения, а также о типе дискурса в связи с социальной организацией общества.

Особого внимания заслуживает проблема отбора языкового материала для исследования такого рода. Появление Интернет-коммуникации дало нам доступ к несуществовавшим ранее ресурсам — живой спонтанной монологической и диалогической речи, запечатленной в блогах, форумах, чатах, аудио- и видеофайлах. Для лингвиста это открывает совершенно новые возможности. Однако применительно к исследованию монологического и диалогического дискурса в нашем понимании целесообразно использовать также материал художественной литературы. В художественных произведениях мы можем наблюдать за отношениями персонажей в течение длительного периода их жизни, а авторские ремарки и внутренняя речь персонажей позволяют нам узнать намерения персонажей, их цели и отношения между собой. Эти цели и намерения мы можем сопоставить с их риторической реализацией.

В качестве примера рассмотрим несколько фрагментов романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» (*“For Whom the Bell Tolls”*). Этот роман представляет для нас интерес, потому что он имеет черты журналистского романа, основанного на документальных фактах, и при этом одна из основных идей, проходящих через весь роман, — переплетение иерархических, властных и неиерархических товарищеских отношений, формальной субординации, борьбы за лидерство и неформального взаимодействия людей ради общего дела.

Чтобы решить поставленную задачу, герой должен договориться с командиром партизанского отряда El Sordo, который не его подчиненный. Он будет действовать, только если поймет, для чего именно это нужно, как это связано с их общими целями:

"You see, Comrade, El Sordo explained, it is morning that is difficult". He was not talking the pidgin Spanish now and he was looking into Robert Jordan's eyes calmly and explainingly; not searchingly, not suspiciously, nor with the flat superiority of the old campaigner that had been in them before. "I understand your needs and I know the posts must be exterminated and the bridge covered while you do your work. This is easy to do before the daylight or at daylight... In that there is no problem. But to leave afterward and get out of this country in daylight presents a grave problem".

"Clearly", said Robert Jordan, "I have thought of it. It is daylight for me also"...

"To do the bridge at night would be easy", El Sordo said, "Since you make the condition it must be done at daylight, it brings grave consequences".

"I know it".

"You could not do it at night?"

"I would be shot for it".

"It is very possible we will all be shot for it if you do it in the daytime".

"For me myself that is less important once the bridge is blown", Robert Jordan said, "But I see your viewpoint. You cannot work out a retreat for daylight?"

"Certainly", El Sordo said, "We will work out such a retreat" (E. H., 139).

Здесь перед нами пример неиерархической коммуникации. Диалог начинается с авторской ремарки, эксплицитно декларирующей, что El Sordo, узнав своего собеседника ближе, стал относиться к нему с полным доверием, без превосходства, как к товарищу. И далее весь разговор идет о том, как лучше выполнить общую задачу. Реплики участников коммуникации фактически зеркальные. Первый собеседник объясняет, почему он не хотел бы действовать днем и спрашивает, нельзя ли сделать все ночью. Второй собеседник говорит, что понимает его трудности (I know it), объясняет, почему именно он настаивает на более опасном времени и в свою очередь спрашивает, нельзя ли обеспечить отход днем. После того как El Sordo убеждается, что выполнение задачи чрезвычайно важно и ради этого можно пожертвовать жизнью, он говорит, что найдет способ отхода днем, фактически повторяя предыдущую реплику своего собеседника.

Мы видим здесь ряд признаков неиерархической коммуникации — наличие общей цели, искренность и открытость собеседников (переход с упрощенного языка для иностранцев на нормальный испанский язык — один из показателей того, что иностранца стали воспринимать как своего, равного), оба собеседника внимательно выслушивают доводы друг друга, оба задают вопросы и отвечают на них. Также здесь присутствует характерное для неиерархической коммуникации явление «отражения», когда собеседники повторяют лексические и синтаксические единицы из речи друг друга. Это служит сигналом «я понимаю тебя», «мы говорим об одном и том же».

Рассмотрим теперь пример иерархической коммуникации из того же романа:

“In that way thou hast no right to speak”, Pablo said, “And less even before the people and a stranger”.

“In that way will I speak”, the wife of Pablo went on. “Have you not heard? Do you still believe that you command here?”

“Yes, here I command”.

“Not in joke”, the woman said. “Here I command. Haven’t you heard la gente? Here no one commands but me. You can stay if you wish and eat of the food and drink of the wine, but not too bloody much, and share in the work if thee wishes. But here I command”.

“I should shoot thee and the foreigner both”, Pablo said suilenly.

“Try it”, the woman said, “and see what happens”...

Pablo looked at her and you could tell nothing of what he was thinking by his face. He looked at her quite deliberately and then he looked across the table at Robert Jordan. He looked at him a long time contemplatively and then he looked back at the woman, again.

“All right, you command”, he said, “And if you want he can command too. And the two of you can go to hell”. He was looking at the woman straight in the face and he was neither dominated by her nor seemed to be much affected by her... (Е. Н., 164).

В этом эпизоде герои, Пабло и его жена, участники одного партизанского отряда, спорят о том, кто будет командовать. Из предыдущего текста мы знаем, что со времени начала войны их взгляды и цели сильно изменились. Пабло стремится к безопасной и, по возможности, спокойной жизни, а для его жены абсолютным приори-

ритетом является победа в войне и защита тех идеалов, в которые она верит. Таким образом, почва для взаимодействия между ними исчезает. Когда это становится очевидно, Пабло начинает вести иерархический дискурс, заявляя, что он командир и жена не имеет права его упрекать. В ответ жена также прибегает к иерархическому дискурсу. Каждый хочет заставить собеседника подчиниться. Оба они открыто заявляют о своих претензиях, оба прибегают к оскорблениям и угрозам, оба апеллируют к мнению присутствующих при этой сцене. Ни один из спорящих не пытается прибегнуть к логическим доводам, переубедить собеседника, поскольку каждый понимает, что их интересы в этом случае несовместимы. Выстраивается псевдиалог — участники не могут услышать и понять друг друга. Тем не менее стратегия участников этой коммуникативной ситуации различна. Жена Пабло до конца ведет себя искренне, а сам он в какой-то момент меняет поведение — делает вид, что уступает и прекращает борьбу. Из авторского комментария мы узнаем, что на самом деле он остался при своем мнении. О том же говорят и невербальные средства — непроницаемое выражение лица, тяжелый взгляд. Читатель понимает, что Пабло будет продолжать действовать по-своему. Оба участника диалога потерпели коммуникативную неудачу, их цели не достигнуты.

Монолог и диалог как культурные феномены

Мы будем исходить здесь из сепировского безоценочного понимания культуры, согласно которому культура представляет собой некий «набор инструментов» с помощью которого носители определенной культуры решают те или иные задачи. К явлениям культуры, таким образом, относятся и образ правления, и произведения искусства и технологические приемы и принципы воспитания детей. Понятие культуры, таким образом, близко понятию «цивилизация». Соответственно к сфере культуры мы можем отнести и различные способы взаимодействия между людьми, способы выработки и принятия решений и относительную ценность этих способов в том или ином обществе. Значения приписываются как их соблюдению, так и нарушению. В этом смысле культура и есть риторика: каждым нашим действием мы сообщаем окружающим

нечто и окружающие, поскольку они принадлежат к одной с нами культуре, имеют возможность понять наше сообщение и ответить на него.

Чрезвычайно важную роль в культуре всех народов и разных эпох играет институт дарения. Этот институт представляет собой универсалию, которая имеет глубокую связь с рассматриваемой нами проблемой монолога/диалога.

Существуют две великие антропологические модели того, как иметь дело с другим — коммуницировать или одарять (Пелинци 1986: 86–90). Развивая эту концепцию, мы можем сказать, что коммуникация предполагает диалог, равноправие участников, а дар монологичен. Монолог отличается от реплики в диалоге тем, что он направлен не на взаимодействие, а на игнорирование или вытеснение противоположной позиции. Одарять, значит, выстраивать вертикаль, проявлять власть, навязывать. Власть по своей сути монологична, она не предполагает обмена, ей свойственно одарять.

Собственно, сам подарок может быть предметом как диалогической коммуникации, так и властного акта. Различные пособия по нормам этикета уделяют большое внимание тому, какие подарки дарить, как и когда это делать. Цель здесь, как правило, состоит в налаживании и укреплении равноправной коммуникации, поэтому подарок не должен быть слишком роскошным или дорогим, даже если финансовые возможности дарящего это позволяют. Иначе принимающий подарок будет чувствовать себя неловко, так как у него не будет возможности подарить нечто равноценное. Мы не будем здесь рассматривать социально-экономический аспект дарения и проблемы, связанные с экономикой дара. Отметим лишь то общее, что обмен подарками имеет с обычным товарным обменом. К. Грегори, исследовавший оба типа экономических отношений, отмечает, что обмен товарами характеризуется следующими чертами: немедленный обмен, отчуждаемые предметы, независимые участники, количественные отношения, обмен между объектами. Обмен подарками характеризуется следующим: отложенный обмен, качественные отношения, неотчуждаемые предметы, взаимозависимые участники, обмен между людьми (Gregory & Commodities 1982: 100–101). Как мы видим, и обмен подарками и обмен товарами предполагают взаимность и равноценность.

Дар, как акт власти также широко распространен. Неслучайно, в культуре разных народов атрибутами института власти выступают всевозможные дары. С XIII в. в Англии существует традиция — в четверг перед Пасхой монарх раздает бедным так называемые Moundy Money. Сейчас королева Елизавета посещает в этот день собор и «раздает красно-белые кошельки с деньгами одному мужчине и одной женщине за каждый прожитый ею год» (Brooklehurst 2010: 171). Раздачей даров сопровождаются все важные события государственной жизни, дарами могут быть материальные подарки, амнистии, прощение долгов. Дарить совершенно не обязательно что-то материальное, можно дарить дружбу, любовь, покровительство. Обратная сторона дара — угроза (неважно, вербализованная или нет) перестать одарять. Обе эти стороны относятся к сфере власти (и монолога). Принципиальная невозможность «отдариться» ставит одариваемого в подчиненное, зависимое положение. Как только эта возможность появляется, дар превращается в обмен. Власти чуждо общение, чужд диалог.

Соглашусь с Дж. Деррида (Derrida 1991: 88), все, что мы по привычке именуем даром, в действительности завуалированные формы обмена. И дар-монолог и обмен «дарами» — диалог могут быть жестом, риторическим ходом, т.е. иметь символическое значение во властном дискурсе. Обмен предполагает равный социальный статус коммуникантов, одаривание предполагает, что они стоят на разных ступенях иерархической лестницы. Выход за эти рамки предполагает выход за пределы существующей социокультурной парадигмы. Языковые, т.е. знаковые вербальные и невербальные формы, здесь неразрывно связаны с сущностью общественных отношений, составляющих основу той или иной культуры.

Американский психолог Дэниел Гоулман, известный как разработчик концепции эмоционального интеллекта, в своем эссе «О сочувствии» рассматривает нейрофизиологический и психологический аспекты проблемы. Он утверждает, что если Другой находится в фокусе нашего внимания, то мы автоматически настраиваемся на его волну, сочувствуем ему. Обнаружены «зеркальные» нейроны, которые активируют в нашем мозгу те же самые зоны, которые активированы в мозгу человека, с которым мы взаимодействуем. Наблюдаемое психологами и лингвистами отражение, имеющее

место при неиерархической коммуникации, которое мы наблюдали, в частности, на с. 35–36, когда рассматривали диалог с El Sordo, получило материальное подтверждение.

Говоря об акте дарения, Гоулман использует выражение «нарциссическая радость»: делая подарок кому-то, мы получаем возможность для самолюбования. Другой, получатель подарка, его нужды не находятся в фокусе нашего внимания (Goleman. *On Compassion* — электронная версия). Здесь, на наш взгляд, и проходит тонкая грань между двумя типами взаимодействия (иерархическим и неиерархическим) и двумя риториками («вертикальной» и «горизонтальной», или риторикой власти и риторикой взаимодействия).

Как категория риторики, этос — это те условия, которые получатель речи предъявляет ее создателю. В вертикально организованных системах Другой может восприниматься как средство для достижения целей говорящего. В горизонтально организованных системах этические нормы — это нормы прямого действия, нарушающего их, общество лишает своей защиты. В подобных системах (будь то семья, коллектив единомышленников или целое общество) исчезает не само противопоставление между монологом и диалогом (в его вербальном и материальном воплощении), исчезает характерная для иерархических сообществ инструментальная функция этого противопоставления.

В зависимости от типа общественной системы успешность высказывания оценивается по-разному. В горизонтально организованных системах она определяется не только тем, способствовало ли высказывание достижению декларируемой говорящим цели, но и тем, насколько оно способствовало реализации интересов говорящего и общества в целом.

Список источников примеров с сокращениями

- Е. Н. — *Hemingway E. For whom the Bell Tolls*. СПб., 2006.
- Н — International Herald Tribune. 2013. July 18. — <http://www.esrc.ac.uk/impacts-and-findings/research-catalogue/index.aspx>
- Т — TheTelegraph — <http://www.telegraph.co.uk/news/newstopics/howaboutthat/10109587/Could-George-Osbornes-cat-be-the-purr-fect-spy.html>
- RC — Research Caralogue ESRC — <http://www.esrc.ac.uk//impacts-and-findings/research-catalogue/index.aspx>

Глава III

ЧЕЛОВЕК И ТОПОНИМИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА

Человек — существо социальное. С незапамятных времен он живет в обществе себе подобных, осмысляя окружающий его мир, накапливая определенный опыт жизни в нем, который затем передает последующим поколениям. Восприятие окружающего мира, его воздействие на человека и, наоборот, влияние человека на этот мир, безусловно, имеет социальную природу. Развивающееся мышление человека с неизбежностью ведет к изменению его отношения к окружающему миру, и, как следствие, к изменению картины мира, складывающейся в его сознании.

Мышление людей, живших в древние времена, существенно отличается от мышления тех, кто живет в более поздние исторические периоды. Общество первобытнообщинного строя более однородно по своему составу, чем, например, средневековое. Отношения между людьми тогда были достаточно единообразными. Мышление человека формировалось в виде коллективных представлений, присущих всем представителям этой социальной общности (Леви-Брюль 2012: 5–18). В Средние века феодальное общество разнородно, оно представлено рядом сословий (крестьянство, бюргерство, дворянство, духовенство), для которых не существует общих ценностей и, следовательно, восприятие окружающего мира, отношений в нем и к нему не может характеризоваться общими чертами (Гуревич 1972: 26–37). Картина мира этого времени сложна и противоречива в той же мере, в какой сложны и часто антагонистичны отношения представителей существующих социальных групп общества. Мышление современного человека ушло далеко от конкретного, чувственно-предметного восприятия. Способность к абстрактному, логическому мышлению, осознание себя как индивида позволяет человеку по-другому осмыслять окружающий его мир и видеть «за окном» иную картину мира. Однако

несмотря на существенные различия в восприятии и мышлении, присущие человеческому сообществу в разные периоды его исторического развития, есть нечто, что является общим — это язык. Язык, с одной стороны, и сознание и мышление, с другой — звенья одной цепи, не существующие и никогда не существовавшие друг без друга (Степанов 2012: 244). Язык способен отразить, «нарисовать» картину окружающего мира, сложившуюся в сознании человека, в виде языковой картины мира. Языковая картина мира столь же многообразна и изменчива, как и мир вокруг. Ярким примером этого может служить один из его фрагментов — топонимическая картина мира.

Складывающаяся веками топонимия представляет собой пласт лексики, в котором наиболее полно отражается менталитет и культура народа (Верещагин, Костомаров 2005: 425). В силу специфики своей природы топонимика позволяет проследить, как изменяется осознание и восприятие человеком окружающего мира. В этом смысле топонимика представляет собой хранилище человеческой истории, человеческого опыта, передаваемого из поколения в поколение посредством слова, его памятью. Слово, оформляя и передавая знания, как бы направляет жизнь общества (ср. «Жизнь происходит от слова» (Колесов 1999)). Топонимика любой страны пережила долгий путь развития, результатом которого стала система географических названий с присущими только ей структурой, значением и функцией.

Топоним всегда тесно соотносится с объектом, который он именует, указывая на него и индивидуализируя его. Отсюда адресно-указательная функция топонима. При именовании объекта семантика топонима, как правило, прозрачна и передает наиболее важный отличительный его признак (Гусарова 2012: 51–56). Выбор признака обоснован историческими причинами, а именно оценкой его роли в жизни человека и общества (Никонов 2011: 25). Мотивация при именовании географических объектов выражает ценностную ориентацию носителей языка и их культурной среды (Керт, Вдовицын 2005: 102–103). Со временем мотивированность топонима часто утрачивается, иногда настолько, что он представляет собой некий звуковой комплекс, который ничего не говорит носителям языка о его былом значении, а лишь является указанием

на именуемый объект. Но даже тогда, когда внутренняя форма именования ясна, все равно оно выполняет лишь адресно-указательную функцию, т. е. десемантизация именования — один из непременных признаков топонима (Clark 1992: 453). Однако в разные периоды развития общества роль десемантизации не так однозначна.

Что касается структуры топонимов, то она может быть разной: простой, сложной, составной, может включать топонимические суффиксы, топоосновы, раздельно оформленные лексемы — весь номенклатурный материал топонимии, использование которого обусловлено как лингвистическими (например, типологическими) причинами, так и экстралингвистическими факторами.

Теперь обратимся к английской топонимике, чтобы проследить пути и этапы сложения английской топонимической картины. В работе используются топонимические словари английского языка, словари древне- и среднеанглийского языков, труды Английского топонимического общества, этимологический словарь (Skeat 1921; Bosworth 1954; Kurath 1954; Mills 1998; 2010; Watts 2004; English Place-Names Publications 1924–2012).

В древние времена жизнь человека во многом зависела от физико-географических условий окружающего мира, который, с одной стороны, обеспечивал жизнь человека, предоставляя ему средства для выживания (воду, питание, тепло и защиту) и, с другой, таил бесконечное количество препятствий и угроз, которые нужно было преодолеть или устранить. Картина мира древнего человека и соответственно создаваемая им языковая картина мира были обусловлены отношением человека к природе. Нужно было обозначить, указать и закрепить то, что способствовало жизни социума, а также передать последующим поколениям знания об опасностях и т. д., указав на них, присвоив им именования. Так, многие современные топонимы восходят к древним апелливам, обозначавшим важные для жизни объекты: Bourne < да. burna 'поток', Esk < др. ирл. Esk 'вода', Strood < да. strōd 'болото, топь', Slough < да. slōh 'болотистая низина', Ewel < да. æw(i)ell 'исток реки' (ср.: название горы Отортен в переводе с языка манси значит 'Не ходи туда' — топоним-предостережение). Практический жизненный опыт передавался от поколения к поколению, формируя коллективную и историческую память людей, позволяющую сознанию использовать

«готовые опорные точки и системные единицы» (Хальбвакс 2005: 25–26).

Структура английских топонимов сложилась как система в древнеанглийский период. Безусловно, в более позднее время происходили изменения, затрагивавшие и степень мотивированности внутренней формы топонима и его звуковой облик, но основные структурные типы, как правило, оставались прежними. Топонимы древнего периода часто представляли собой однословные, простые по структуре, именованья, которые были не чем иным, как апеллятивами, обозначающими объект по его родовому или видовому признаку: Avon (др.ирл. *ab, aub* ‘река’), Ahe, Esk, Eke (др.ирл. *esc* ‘вода’), Hill (да. *hyll* ‘холм, гора’), Down (да. *dūn* ‘гора’). Однословные, простые по структуре, топонимы могли соотноситься не только с существительным, но и с прилагательным, описывающим важный для человека признак именуемого объекта: Black ‘черная (вода)’, Browney ‘коричневая’, Idle ‘медленная, ленивая’, Tummel ‘темная, заросшая’, Wharfe ‘извилистая’. Однословные топонимы могли быть сложными, состоящими как минимум из двух основ: Brigsteer (да. *steor* ‘направление’ + да. *brycg* ‘мост’), Distington (да. *dūst* ‘пыль’ + *ing* + да. *tūn* ‘огороженное место’), Cumwhitton (кельт. *cumm* + да. *Hwīta* –личное имя + *tūn*), Oxford (да. *oxena* ‘быки’ в род. п. мн. + да. *ford* ‘брод’). Одна из основ топонима — базовая основа, обозначающая собственно именуемый объект (да. *tūn* ‘дом, деревня’, *ford* ‘брод’, *burna* ‘поток’, *wīc* ‘место стоянки, лагерь’, *ceaster* ‘город’), а другая — определитель/спецификатор (*specifier*) к нему, который, видимо, более четко дифференцировал сходные объекты: Newham (да. *aet niwan hām* ‘около нового поселения’), Fordham (да. *ford* ‘брод’ + да. *hām* ‘дом, жилище’) — ‘деревня около брода’. Обращает на себя внимание использование в структуре древних топонимов основ, синонимичных по своему значению. Эта «множественность выражения при едином плане содержания представляется необходимым условием для сохранения и передачи информации от поколения к поколению в дописьменном обществе» (Брунова 2007: 14). Такая этимологическая множественность характерна для английской топонимики разных периодов и объясняется еще не установившейся связью между звуковой формой существующего топонима и его значением. Так, семантика кельтских

или докельтских именовании была непонятна германцам, заселившим Британские острова, но эти названия были уже закреплены за определенными объектами, поэтому, чтобы прояснить эту связь, наполнить именование содержанием/значением, добавлялся компонент из того же синонимического ряда: Chetwode < валл. coed 'лес' + да. wudu 'лес', Bredon < брит. *bre 'холм, гора' + dūn 'возвышенность', а позже вновь добавляется синонимичный компонент: Breedon-on-the-Hill, поскольку внутренняя форма Breedon уже была утрачена. Были в древнеанглийский период и составные, многословные, топонимы: да. Woccinga hām, где Woccinga (род. п., мн.) — название племени по имени вождя *Wocc + да. hām 'дом, жилище' — совр. Wokingham; (æt) Cantwara byrig, где да. Cantwara (род. п. мн.) — 'жители города' + да. burg 'крепость' — совр. Canterbury; да. Treding tūn 'поселение на земле тана по имени Tyrdda' — совр. Tredinton; да. Fincinga feld 'открытая местность людей из рода Finc's' — совр. Finchingfield. Следует отметить, что названия рода и племени в структуре топонима отражают особенность древнего (древнеанглийского) мировосприятия: часто для обозначения пространственных отношений использовались названия племен (Clark 1992: 475), что, видимо, точнее устанавливало территориальные границы. Однако названия рода или племени с суффиксом -ing не всегда были образованы от имени собственного, иногда использовалась основа апеллятива: да. Billingas (bill 'меч'), да. Helmingas (helm 'шлем'), Scyldingas (да. scyld 'щит') — очевидно, передавалось некое обобщенное значение 'племя, род воинов' (Ekwall 1962: 86). Были в древнеанглийский период и топонимы, указывающие на объекты, связанные с хозяйственной деятельностью человека: совр. Chiswic < да. cēse 'сыр' + да. wīc 'место, ферма'.

Топонимика древнего периода являет собой послание тем, кто живет и/или будет жить на тех же землях: они содержат информацию, полезную для последующих поколений, направляющую или предостерегающую (например, топоосновы *mersc* и *mōr* имеют значение 'заболоченный участок земли', но различаются своим коннотативным значением: *mersc* 'заболоченная территория, которая может быть использована для сельскохозяйственных работ', а *mōr* 'безнадёжно неплодородные земли (barrenness)'. Из всех функций языка в топонимике самая важная — коммуникативная, а номи-

нативная функция «обслуживает» ее. На первом месте — потребности языкового коллектива: запечатлеть и передать в виде топонимической картины знания об окружающем человека мире, что, в свою очередь, диктует необходимость сохранения языка «в состоянии коммуникативной пригодности» (Серебрянников 1972: 254).

Этимологический анализ древнеанглийской топонимии позволяет установить ряд субстратных явлений. В структуре древнеанглийских топонимов прослеживаются докельтские, кельтские и латинские следы. В ряде гидронимов, представляющих собой самый древний пласт топонимической лексики, прослеживаются докельтские основы: современная река Soar в графстве Ноттингемшир восходит к доваллийскому *sār, означавшему ‘река, поток’; Sowe в западно-центральной области, восходит к и.-е. *soṓ ‘поток’, и др. Кельтский субстрат отражен, например, в топонимах: совр. Clyst < брит. *klust-, *kloust- ‘очищать’, да. Danum (кельт. dana ‘вода’) и др. Латинский след проявился не столько в заимствовании собственно римских названий (их мало, на карте Римской Британии, по данным Т. Н. Мельниковой, всего три: Pontes — лат. pos, pontis ‘мост’, Nidum — nidum ‘гнездо’, Magna — лат. magnus ‘большая’), сколько в латинизированных формах уже существовавших топонимов: Danum (кельт. dana ‘вода’), Canonium (кельт. cana ‘тростник’), Verulamium (кельт. veru ‘широкий’ + кельт. lama ‘рукав реки’), Voredia (кельт. vored ‘свободный’) (Мельникова 1992: 75–77). Есть на карте древней Англии гибридные именованья, указывающие одновременно на кельтский и латинский субстрат: да. Venta Silurum (лат. venta ‘рынок’ + кельт. siluri — название племени), да. Delgovicioo (кельт. delga ‘шиповник’ + лат. vicus ‘поселение’), да. Lindum Colonia (брит. *lindo ‘озеро, заводь’ + лат. colonia ‘поселение’), современный топоним Worcester зафиксирован в письменных памятниках в виде Uueogorna civitae (691 г.), Wigranceastre (717 г.), Wigorna ceastre (777, 804, 851 гг.), Wygraceastre (904 г.), Wirecestre (1086 г. в Книге Страшного Суда) — да. ceaster ‘город’ (лат. castra) и имя собственное — название племени в родительном падеже множественного числа. Многие из английских топонимов, появившихся в древний период и ранее, сохранились на территории Британских островов до настоящего времени. Конечно, звуковая и морфологическая структура этих именованья изменилась, так как топонимы, буду-

чи языковыми единицами, входят в лексический фонд английского языка и подчиняются, как правило, всем действующим в разное время языковым законам. Они свидетельствуют об имевших место в истории Англии языковых контактах и исторических событиях, их породивших.

В Средние века картина мира, окружающего человека, коренным образом меняется, что находит отражение в создаваемой им языковой картине мира. Она становится гораздо более сложной и неоднозначной в результате изменившейся социальной природы общества этого времени. После Норманнского завоевания на английский трон поднялся Вильгельм Завоеватель, окруживший себя норманнской знатью, которой он даровал огромные земельные наделы. С этих земель сгонялись их бывшие владельцы — мало-земельное крестьянство, держатели больших наделов в общинных полях. По Книге Страшного Суда (1086 г.), свободные землевладельцы составляли всего 12%, при этом следует иметь в виду, что основное население страны было сельским.

В Средние века в жизни человека невероятно усилилась роль церкви, о чем свидетельствует история практически всех европейских стран. Англия этого времени не избежала такого же поворота событий. Еще до Норманнского завоевания при Эдуарде Исповеднике множество норманнов стали английскими епископами, даже архиепископом Кентерберийским король назначил норманна. Монашеские братства и ордена стали прибывать в Англию в XIII в. Они основывали монастыри, строили церкви, и для этого им отводились и освобождались земли.

В этот же период активно развивалась торговля, различные ремесла, росли города. Усложнявшаяся жизнь Англии порождала разделение английского общества на антагонистические классы и сословия, и этим оно резко отличалось от социума древнего периода. Вполне естественно, что и мировосприятие стало иным. «Образ мира» у разных представителей средневекового социума был не одинаков, о чем свидетельствует языковая, топонимическая, картина мира.

В структуре новых топонимов особых изменений не произошло. Как и в древнеанглийский период можно отметить те же структурные типы: простые, сложные и составные. Однако изменилось

содержание топонимических компонентов. Простых топонимов очень мало, гораздо больше сложных, в которых в качестве базовой основы могла использоваться исконно английская основа (-tūn 'дом, деревня', -hām 'дом, жилище', -bridge 'мост', -mouth 'устье', -ford 'брод') или заимствованные лексемы: скандинавские -Borþ 'деревня', -by 'поселение любой величины', -beck 'ручей', -fell 'гора', -scar 'утес' и французские -voir 'вид', -repaire 'место для жилья', -mont 'гора', -castle 'замок', -ville 'город'. Определители к базовым основам и в структуре составных названий весьма разнообразны. Процесс создания топонимических именований подчиняется в это время прежде всего требованию обозначить и закрепить право на владение (поместьями, землей и т. д.), т. е. указать на право феодальной собственности. Поэтому в средневековой Англии появляются топонимы, сложные и составные, которые в своей структуре содержат определитель к базовой основе, указывающий на владельца: Bruce Castle, ca. Kinsentona (начало XII в.) / Kensintone (1221) / Kensington (1235) — владение человека по имени Cynesige — совр. Kensington; Gounyldebury (1334) / Gunnyldes bury (1348) / Gonelsbury (1487) — владение женщины по имени Gunnhildr (скандинавское имя) — совр. Gunnersbury; Bukerelesbury (1270) — поместье семьи Bokerel; Lamberdeshul (1283) / Lamberdeshill (1306) — холм или гора, принадлежащие человеку по имени Lambertus, и т. д. С середины XIII в. появляются принадлежностные определители, не связанные с личными именами, но тем не менее указывающие на землевладельца: King's, Bishop's, Abbot's, St. Martin's.

В среднеанглийский период появляется много именований, связанных с религией. Это названия церквей, монастырей, религиозных братств, которые тоже были землевладельцами. По их названиям, например, в результате вторичной номинации возникали внутригородские топонимы: в Лондоне церковь St. Bartholomew-by-the-Exchange дала название улице Seint Bartilmew lane (1350), Paternosterstrete (1307), Byssehopeswode (1387) — совр. Bishopswood Road, Black Freres (1221) по названию братства доминиканцев, которым в 1278 г. был дарован участок земли для монастыря большого размера — совр. Black Friars Lane/Passage/Street/Bridge, Grey Friars — в честь ордена францисканцев, ca. Crouched-frerestrete — в 1298 г. в Лондоне появилось братство монахов-кре-

стоносцев — совр. Crutched Friars и др. Закрепление большого количества именований такого рода в Лондоне говорит о той роли, которую религия играла в Средние века, а на территории всей страны их было гораздо больше.

Развитие общественно-хозяйственной сферы способствовало появлению новых населенных пунктов и городов. Топонимическая картина отражала интересы и нужды общества. Так, начиная с X в. появляются внутригородские названия, указывающие на различные виды торговли, ремесел. Например, в Винчестере этого времени существовали: *cēap stræt* ‘торговая улица’, *flæscmangera stræt* ‘улица мясников’, *tænnera stræt* ‘улица кожевников’; в Лондоне: *ca. Bredstret* (1170) ‘улица, где продавался хлеб’ — совр. Bread Street, *ca. Melecstrate* (1140)/*Milkestrete* (1160)/*Melcstrate* (1212)/*Milkstret* (1260) ‘улица, где продавалось молоко’; *Cheap* ‘рынок’, *ca. Chepe* (1304) ‘рынок’ и *Westchepe* (1249), *Eastchepe* (1211)/*Estchepe* (1246) и др.

В это время появляются новые топонимы с определителем *Bel-* ‘красивый’ (*Belvoir*, *Belmont*) и *Beau-* ‘прекрасный’ (*Beaudesert*, *Beaulieu*, *Beaumaris*, *Beaumont*, *Beauchamp* — названия комплиментарного характера, отражающие мировосприятие части средневекового социума. Появляется в этот период и совсем новый тип именований — коммеморативный: в записи от 1094 г. упомянуто название аббатства, основанного на месте победы норманнов над англо-саксами — *æt ðære Bataille* — совр. Battle. Этот тип топонимов представлен единичными примерами.

Этимологический подход к английской топонимии среднего периода позволяет установить те языковые контакты, которые появились как результат Скандинавского и Норманнского завоеваний. Скандинавское влияние больше всего проявилось на бывшей территории Датского Права, хотя часто, в силу сходства скандинавских говоров и древнеанглийского, определение источника топонимических компонентов вызывает затруднения. Если сопоставить топографические элементы, то в звуковом отношении они подчас расходились мало: ск. *bekkr* — да. *bæce/bece* ‘ручей’, ск. *bryggr* — да. *brycg* ‘гребень горы, водораздел’, ск. *scogr* — да. *sceaga* ‘роща’, ск. *viðr* — да. *wudu* ‘лес’, хотя были и собственно скандинавские, не имевшие аналогов в англо-саксонском: ск. *fall*/**fell* ‘вышенность’, ск. *gil* ‘овраг, лощина’, ск. *Þveit* ‘поляна, расчищен-

ный участок земли' и др. Чисто скандинавские топонимы в большом количестве встречаются на северо-западе Англии, в районах, когда-то густо заселенных викингами — Линкольншир, Йоркшир. Среди топонимов со скандинавскими рефлексамы представлены ойконимы и гидронимы, но последние — в основном именовании притоков крупных рек и небольших водных объектов, что связано с характером расселения викингов. Примеры, отражающие физико-географические объекты: ск. *beck* 'ручей' — Birkbeck, Troutbeck; ск. *fell* 'гора' — Scafell, Whinell; ск. *firth* 'узкий морской пролив' — Firth of Forth; ск. *scar* 'утес' — Ravenscar и др. Топонимы, отражающие деятельность человека: ск. *toft* 'земельный участок' — Langtoft, Mapletoft, *gate* 'улица' — Kirkgate, Eastgate и др. Структура топонимов со скандинавскими элементами практически такая же, как и у древнеанглийских: простых очень мало, в основном это сложные, где оба компонента скандинавские, или одна из основ древнеанглийская или кельтская: Rathmell (ск. *raudr* 'красный' + ск. *mell* 'песок', Gilgarran (ск. *gil* 'овраг, лощина' + гаэл. *gearran* — прозвище, порядок основ инвертированный), Ullswater (ск. *Ulf* — личное имя + да. *wæter* 'вода' и др. Следует сказать, что аналогичные структуры топонимов были характерны и для других германских языков. В дальнейшем и звуковой облик топонимов изменялся в них одинаково — ослабление заударных слогов, синкопа безударных гласных (Andersson 1997: 21–36).

Французское влияние в результате Норманнского завоевания также нашло отражение в английской топонимике. Почти все замки носят французские названия: Montsorret, Montgomery, Montacute, Blanchland, Caus. Появляются базовые основы и определители французского происхождения: -ville, -voir, -mont, bel-, beau- и др. Однако если сопоставить скандинавский и норманнский вклад в английскую топонимику, то следует отметить более значительный вклад скандинавов. Наверно, в этом случае играют роль экстралингвистические факторы: характер расселения, плотность заселения, классово-сословный характер завоевателей и т. д.

Английская топонимика Средних веков, бесспорно, отразила происходившие на территории Англии исторические события и тем самым сохранила и передала память о них последующим поколениям. Каждый топоним составляет часть системы, помогаю-

ций воссоздать картину жизни человека в Средние века, — экономический рост страны, господство религии в повседневной жизни человека, укрепление феодальной системы, в которой земельная собственность была главной ценностью. Топонимия среднеанглийского периода, выполняя свойственную топонимам адресно-указательную функцию, четко преследует вполне определенную цель, а именно заявить о праве на собственность, сообщить о центрах торговли и т. д. Номинативная функция языка и в этот период «находится на службе» у коммуникативной функции.

Ранненовоанглийский период выделяется только в истории английского языка. В истории Англии как науки такого периода нет, он совпадает с эпохой Возрождения (XV–XVII вв.). В Англии этого времени, как и во всей Европе, происходили изменения, которые трудно переоценить. Жизнь человека теперь зависела от совершенно иных факторов. Происходило освобождение культуры и искусства от давления средневековой церкви, начали развиваться науки, Великие Географические открытия расширили горизонты: мир стал таким огромным и таким необыкновенно разным и притягательным. Именно в этот период, который характеризовался значительным ростом производства, был заложен фундамент промышленной революции XVIII в. В этот период Англия ведет войны как внутри страны, так и за ее пределами. По-новому организуется торговля и промышленность, пахотные земли превращаются в пастбища. Рост промышленности, особенно кораблестроения, изменил облик страны — он свел почти на нет запасы строевого леса. Старые непроходимые леса исчезли, особенно интенсивно это происходило в районе Вильда (the Weald), когда-то представлявшего собой огромный лесной массив на территории нескольких южных графств; Арденский лес (Forest of Arden) был тоже вырублен и послужил топливом для развивающейся промышленности. Картина мира менялась и преобразовывалась в нечто новое стремительно, и это нашло отражение в топонимической картине Англии, создаваемой человеком.

Сложившаяся к концу древнеанглийского периода в структурном отношении топонимическая система фактически мало изменилась: такие же однословные (простые и сложные) и многословные (составные) типы. Но меняется их количественное соотношение —

среди вновь созданных топонимов преобладают сложные и составные именованья. И следует отметить, что эти новые топонимы в большинстве своем обладают прозрачной внутренней формой в отличие от сохранившихся с давних времен, которые подверглись опрощению в силу звуковых изменений, устаревания и утраты соответствующих лексем и т. д.

Топонимическая картина ранненовоанглийского периода отражает изменения окружающего мира по-разному. Для иллюстрации обратимся к топонимии графств, расположенных в разных ареалах Англии: Суссекс — на юге, Уорикшир — в центре и Йоркшир — на севере. Они различаются по своим физико-географическим условиям и политической истории.

Суссекс когда-то был покрыт густыми лесами (это часть территории Вильда), которые были вырублены, освоены, превращены в сельскохозяйственные угодья, пастбища. Здесь создавались мануфактуры, наблюдался приток населения, что объясняет появление новых населенных пунктов и соответственно новых топонимических именованья. Большая часть новых топонимов — это обычные описательные названия, связанные с топографией — Greenhill Wood (1537), Southwater (1616), хозяйственной деятельностью человека — Saltmill (1460), Hazel Grove (1547), местными реалиями — Lovehill (1540), Pennybridge (1545) — за проход по мосту платили пошлину, исторические — Hermitage (1513) — на месте древней часовни отшельников, и принадлежностные: от фамилий с французскими корнями — Fontain's — от имени John de Fontaynes, Courtbarn (1653) — от имени John de Court; от фамилий английского происхождения: Summer Row (1540) — семья по имени Summer, Greenwood's (1671) — по имени хозяина фермы Edward Greenwood. Большинство топонимов этого ареала семантически прозрачны, хотя встречаются отдельные случаи утраты мотивировки: Henley (1640), где первый элемент был когда-то -hound, а -ley в ранненовоанглийском стал топонимическим суффиксом, восходящим к древнеанглийскому апеллятиву со значением 'просека'; пример народной этимологии (всего около 10 примеров): Bedlam Wood (1452) — ложная интерпретация слова beadle 'земли, отданные в виде надела или платы какому-либо церковному сторожу или судейскому служащему'.

Этимологический состав представлен большинством английских именований, а французские или с французскими компонентами составляют около 26%. В структурном отношении преобладают составные топонимы с прозрачной мотивировкой.

Графство Уорикшир находится в центре Англии. В северной его части встречаются хутора и небольшие деревни, на юге — открытые неогороженные поля (Felden), на западе когда-то был непроходимый Арденский лес. Однако память об Арденском лесе сохранила не только литература (Арденский лес у Шекспира), но и ряд топонимических названий на западе этого графства: Henley-in-Arden, Hampton-in-Arden, Tanworth-in-Arden. Жизнь в Уорикшире протекала относительно спокойно, сюда доходили только отголоски бурных событий, сотрясавших страну, о чем свидетельствует и топонимика этого ареала: из 274 новых именований только два скандинавского происхождения: Holmes (1642) — ск. holmr ‘речной островок’, и Cank Barn (1510) — ск. kokkr ‘глыба, бугор’; остальные английского происхождения: Heathfield (1552), Hill Wood (1481), Foul End (1591), Windmill Hill (1457), гидроним Hen Brook (1608) и др. Представлены и принадлежностные топонимы: Birches Green (1602) — лужайка, луг семьи Birch; Treafoord Hall (1484) — усадьба семьи Treafoord и т. д. Иногда встречаются основы с местными, диалектными вариантами: Hobmoor (1511 г.), Hob (XVII в.) — Hob в некоторых диалектах имеет два значения — 1) так называют Робин Гуда, 2) название каминного домового и ему подобных. В подавляющем большинстве топонимы, образованные в этот период, имеют прозрачную мотивировку, хотя наблюдаются отдельные примеры ее утраты: Holyfast Grange (1569) — основа fast утратила значение ‘крепость’; есть случаи народной этимологии: Fullbrook (1637) не имеет никакого отношения к современному full, изначально это foul (са. [fu:l]). Интересен пример множественной этимологии: Borough Hill (1608), где первый элемент восходит к ранненованглийскому borgow < да. beorg ‘возвышенность’. Как видно из выше сказанного, топонимическая картина Уорикшира довольно «однообразна» — такова, видимо, была жизнь «за окном».

Совершенно иную картину являет собой Северный Йоркшир. В ранненованглийский период здесь появилось лишь около 60 топонимов (ср. в Суссексе — около 300, в Уорикшире — 274). Связа-

но это с бурными драматическими событиями, происходившими в этом ареале. Йорк известен с 71–73 гг. н.э., когда римляне построили здесь форт Eboracum, окруженный непроходимыми лесами и реками Ouse и Foss. При римлянах он стал столицей Нижней Британии, император Константин умер в Йорке, а в 410 г. римляне оттуда ушли. Затем пришли англо-саксы, а века спустя эти территории были завоеваны викингами (около 867 г.). В среднеанглийский период с приходом Вильгельма Завоевателя процветающий Северный Йоркшир был практически уничтожен огнем и мечом, остальное довершил голод. Опустошение было столь полным, что 30 лет спустя в Книге Страшного Суда (1086 г.) Йорк и земли вокруг были названы «пустыней» (waste). В Средние века этот ареал отстроился, но в 1644 г. Йорк подвергся осаде войсками, во главе которых стоял Кромвель. Судьба Йорка и прилегающих земель действительно трагична. В XVIII в. Даниэль Дефо писал: «Пожары, военные осады, разграбления и полное опустошение нередко были участью Йорка; остается только удивляться, что от этого города хоть что-то сохранилось» (Daniel Defoe 1992)*. Тем не менее Северный Йоркшир возродился. В ранненовоанглийский период здесь появились новые топонимы, половину которых составляют английские именованья — Potterhill (1408), Northstead (1550), Dry Heads (1540), есть примеры использования диалектной лексики: Staddle Bridge (1508) — диал. staddle — деревянный помост, на котором сооружались стога сена, а этот мост был на реке Wiske, недалеко от ее истока и, очевидно, служил таким помостом. Около 25% именованья — гибридные (английские + скандинавские): Millholme (1407) — да. myln ‘мельница’ + ск. holmr ‘островок’, Saltwick (1540) — да. s(e)alt ‘соль’ + ск. vik ‘бухта, залив’, 28% — чисто скандинавские: Ellers (1567) — дрск. elri ‘место, поросшее ольхой’, Hawes (1614) — дрск. hals ‘шея, горло’, Conygarth (1533) — дрск. konungr + дрск. garðr ‘сад’. Такое обилие топонимов, имеющих в своем составе скандинавские основы, говорит о глубине проникновения скандинавской лексики в северные английские диалекты, ведь эти топонимы появились в языке спустя много веков после вторжения

* “Fires, sieges, plunderings and devastations have often been the fate of York; so that one should wonder there should be any thing of a city left”.

викингов. И только один топоним — французского происхождения, относящийся к XVII в.: Peel Wood (1613) — стфр. *pel* ‘часть, кол’ — довольно позднего появления. В ранненованглийской топонимике Северного Йоркшира встречаются отдельные примеры множественной этимологии: Bowbank (1561) — можно было бы интерпретировать *bank* как ‘берег реки’, но 1) вблизи нет никакой реки и 2) *bank* — скандинавского происхождения со значением ‘насыпь, небольшой выступ’, а первый элемент — да. *boga* или дрск. *bogr* ‘склон, уступ’. В качестве примера народной этимологии можно привести топоним Hawthorn Hill (1619), где первый компонент не имеет отношения к боярышнику, а восходит к местному *hutton/hotton* ‘ферма на возвышенности’. Говоря о структуре топонимов этого ареала, следует отметить, что больше всего многословных составных именовании (около 50%) — в Суссексе и Уорикшире также преобладает этот тип топонимов, «молодых» топонимов с прозрачной мотивировкой.

Сопоставление ранненованглийской топонимики трех графств позволяет заключить, что как и в более ранние периоды, древний и средний, топонимические именовании отражают и сохраняют в памяти социума историю страны, уклад жизни, обычаи народа, представляющие перед нами как часть языковой картины мира, особенность которой состоит в ее историческом наполнении.

В новое время (XVIII–XX вв.) топонимическая картина Англии претерпевает отдельные изменения, но в целом они незначительны и чаще всего связаны с меняющимся по временам административным делением страны. Новые названия появляются при объединении нескольких населенных пунктов (например, Milton Keynes в Бакингемшире), иногда, чтобы избежать путаницы одно из одинаковых именовании изменяется, при этом могут использоваться старые топонимические суффиксы: Cambridge в графстве Суррей в 1862 г. было заменено на Camberley (-ley — высокочастотный топонимический суффикс), чтобы отличить его от Cambridge в Кембриджшире. Могут добавляться к модным и значимым названиям определения-прилагательные: New — New Brighton в Гэмпшире и в Чешире соответственно. В новое время в большем количестве появляются коммеморативные топонимы, возникновение которых вызвано экстралингвистическими факторами: Waterlooville

в Гэмпшире — в память о битве в 1815 г. В этом примере удивительно использование основы французского происхождения. С конца XVIII в. появляется ряд именовании, увековечивающих имена известных людей: Camden Park/Place (1805), Camden Town (1822) в Лондоне — в честь выдающегося историка и писателя, Princetown (1813) в Девоншире — в честь принца-регента и др. Еще один фактор экстралингвистического плана — мода, говорящая о человеке как об индивидуе, обладающем своими собственными интересами, диктующими ему приоритетные направления в выборе языковых средств для именовании — например, перенос названий (name transfer). Окружающий мир нового человека стал необыкновенно многообразным, изменилось отношение к нему и место человека в мире, о чем он и спешит заявить. На английскую территорию переносятся заморские названия, например, названия модных морских курортов: Montpelier в Брайтоне, Дублине, Spa, а позже Leamington Spa в Уорикшире, Boston Spa в Йоркшире. Цель, очевидно, состоит в привлечении внимания к этим объектам. Иногда движущей силой выступает чистый прагматизм. Так, на северо-западе Уэльса расположен остров Anglesey, где находится деревня, получившая в 1866 г. самое длинное в Великобритании именование — на вывеске железнодорожной станции, стилизованной под Викторианскую эпоху в пору ее расцвета написано: Llan-vire-pooll-guin-gill-go-ger-u-queern-drob-ooll-llandus-ilio-gogo-goch. Цель привлечь туристов была с успехом достигнута. Этот топоним, кроме своей непосредственной адресно-указательной функции, обладает еще коннотативной функцией аттрактивности, так же, как и модные именовании, перенесенные на английскую почву.

Итак, человек как член социума прошел долгий путь развития. Вместе с ним менялся и окружающий мир, который воздействовал на него и на который воздействовал он сам. Мировосприятие человека ушло далеко от коллективных представлений древней эпохи, и человек пришел к осознанию себя и своей роли в социуме как индивида. Окружающий его мир на всех этапах развития отражался им в виде языковой картины мира. Топонимическая картина мира как ее часть запечатлела и сохранила все этапы развития человека. Топонимия — это своеобразная память, которая передает знания о мире и накопленный опыт жизни в нем последующим поколениям.

Глава IV

МОДЕЛЬ *X IS ABOUT Y* КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Лингвокультурология — наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии, исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке, — рассматривает язык как культурный код нации, орудие создания, развития и хранения культуры. Один из важнейших объектов лингвокультурологии — продукты ценностно-смыслового познания, мир субъективных образов, смыслов и ценностей, порождаемых языковыми личностями, точнее, их смысловыми установками. Именно ценности как особые культурологические категории лежат в основе ценностно-смыслового пространства языка (Алефиренко 2010: 9). В поле зрения лингвокультурологии чаще всего попадают следующие типы ценностей: *витальные*: жизнь, здоровье, качество жизни, природная среда и др.; *социальные*: социальное положение, статус, трудолюбие, богатство, профессия, семья, терпимость, равенство полов и др.; *политические*: свобода слова, гражданская свобода, законность, гражданский мир и др.; *моральные*: добро, благо, любовь, дружба, долг, честь, порядочность и др.; *религиозные*: Бог, божественный закон, вера, спасение и др.; *эстетические*: красота, идеал, стиль, гармония.

По степени представленности в языке духовные ценности могут быть общечеловеческими, национальными, групповыми, семейными, индивидуально-личностными.

Общечеловеческие ценности характеризуются тем, что признаются наибольшим количеством людей как во времени, так и в пространстве. К ним относятся важнейшие житейские истины, шедевры мирового искусства, устойчивые нормы нравственности (любовь и уважение к ближнему, честность, милосердие, мудрость,

стремление к красоте и др.). *Национальные ценности*, занимающие важнейшее место в жизни любого народа и отдельно взятой личности, более конкретны и материализованы; к ним относится все то, что создает специфику этнокультуры. Для русского народа они вербализованы такими словами и выражениями, как *Кремль, Пушкин, Толстой, первый спутник* и т.п.; для французов — *Лувр, Версаль, Эйфелева башня* и др. *Групповые ценности* объединяют сравнительно небольшие группы людей как по месту их проживания, так и по возрасту. Они отражают некоторые социально-групповые предпочтения в сфере лингвокультуры и нередко в сфере антикультуры. Сюда относятся также представленные в субъязыках специфические молодежные и возрастные ценности. *Семейные ценности* играют огромную роль в становлении культуры передающихся из поколения в поколение семейных ценностей. К ним относятся все положительные фамильные традиции (нравственные, профессиональные, художественные или даже чисто бытовые). Наконец, *индивидуально-личностные ценности* включают в себя идеи и предметы, особенно близкие отдельно взятому человеку. Они могут быть позаимствованы в окружающей социально-культурной среде или созданы в результате индивидуального творчества (там же: 11).

Одно из базовых понятий лингвокультурологии — понятие ценностной картины мира, описание которой подготовлено серьезными исследованиями логической и лингвистической сторон оценки, выражающей ценностное отношение между представлением об объекте действительности и самим объектом, отражено в ряде специальных работ. Многие из них основаны на сформулированных в разные годы В.И. Карасиком положениях, согласно которым в ценностной картине мира находят свое отражение наиболее значимые для этой культуры смыслы и культурные доминанты, совокупность которых детерминирует мировосприятие народа, его менталитет. Ценностная картина мира, объективно выделяемая в языковой картине мира, — фрагмент более общей системы представлений говорящих о мире. Она содержит совокупность моральных ценностей, этических норм и поведенческих правил и реконструируется в языке в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими и моральными кодекса-

ми, общепринятыми суждениями здравого смысла и известными литературными сюжетами. Именно ценностям как наиболее фундаментальным характеристикам культуры и высшим ориентирам поведения В. И. Карасик отводит особое место в структуре языковой личности. Эти ориентиры возникают не только на основе знания и информации, но и собственного жизненного опыта человека, они представляют собой лично окрашенное отношение к миру (Карасик 2002). Ценности, таким образом, лежат в основе оценки, тех предпочтений, которые делает человек, характеризуя предметы, качества, события. В. И. Карасик считает оправданным разделение ценностей на внешние (социально обусловленные) и внутренние (персонально обусловленные), отмечая при этом отсутствие четко очерченной границы между ними. С лингвистической точки зрения, подчеркивает автор, наибольший интерес представляют те ценности, которые зафиксированы в языке — прежде всего в его лексике и фразеологии. Ценно для человека то, что играет существенную роль в его жизни и поэтому получает многостороннее обозначение в языке. «Семантическая плотность той или иной тематической группы слов, детализация наименования, выделение смысловых оттенков являются сигналом лингвистической ценности внеязыкового объекта, будь то предмет, процесс или понятие» (там же: 167).

Прежде чем перейти к анализу одного из выразительных средств актуализации ценностных представлений в современном английском языке — структуры *X is about Y* типа *Life is about people*, остановимся подробнее на понятии ценности. По материалам Википедии, ценность — это важность, значимость, польза, полезность чего-либо. Внешне ценность выступает как свойство предмета или явления, однако значимость и полезность присущи им не от природы, не просто в силу внутренней структуры объекта самого по себе, а выступают субъективными оценками конкретных свойств, которые вовлечены в сферу общественного бытия человека, в них заинтересованного или испытывающего потребность.

Проблемой ценностей занимаются представители многих гуманитарных специальностей: философы, культурологи, социологи, экономисты, правоведы, психологи, политологи, специалисты в области этики, эстетики, теории воспитания и т. д. Как отмечает

в подробном обзоре истории вопроса Н. С. Федосюткина, к разработке философской теории ценности активно приступили в 60-е годы XIX в., понимая под ценностями чаще всего абстрактные, независимые от реального мира и их носителей сущности, как правило, важные «в себе» и расположенные в объективной иерархии. Позднее к теории ценности был подключен субъект, и в современном понимании «все многообразие предметов человеческой деятельности, общественных отношений и включенных в их круг природных явлений может выступать в качестве “предметных ценностей” или объектов ценностного отношения, т. е. оцениваться в плане добра или зла, истины или неистины, красоты или безобразия, допустимого или запретного, справедливого или несправедливого и т. д.» (цит. по: (Федосюткина 2005: 20)).

Начиная с 30-х годов XX в. проблема ценности была перенесена в плоскость конкретно-научных исследований. В психологии представления о ценностях в большей степени основывались на практике. Были созданы операциональные концепции, и на их основе антропологи, культурологи, социологи, социальные психологи разработали методики, провели масштабные исследования. В последние десятилетия XX в. изучение психологических структур ценностей расширило свой масштаб за счет появления значительного числа кросс-культурных экспериментов. В этом заслуга как зарубежных, так и отечественных исследователей.

Психологи, описывая сходные с ценностями явления, термином «ценности» почти не пользовались. Вместо этого они говорили о «личностных смыслах», «смыслообразующих мотивах» (А. Н. Леонтьев), об «отношениях личности» (В. И. Мясищев), о ее «направленности» (К. К. Платонов), о «личностных нормах» (М. И. Бобнева), «смысложизненных ориентациях личности», «мотивационно-смысловой» или просто «смысловой сфере личности» (Д. А. Леонтьев) (авторы приводятся по: (Федосюткина: 2005: 20)). В современных работах все более широко используется термин «ценностные ориентации». Сейчас принято определение ценностей как аспекта мотивации, а ценностных ориентаций — как субъективных концепций ценностей или разновидностей социальных установок, занимающих сравнительно высокое положение в иерар-

хической структуре регуляции деятельности личности (Психологический лексикон 2006: 243).

В наши дни изучение связанных с ценностями явлений наиболее популярно в психологии и социологии (с политическим уклоном), и здесь развивается новая терминология. Например, Д. А. Леонтьев использует более общий термин «ценностные представления», различая «ценностные ориентации», «ценностные стереотипы» и «ценностные идеалы», а также выделяет «ценностную перспективу» и «ретроспективу» (Леонтьев 1998). Существует также термин «слова-ценности», и хотя пока он широко используется социологами, по мнению Н. С. Федосюткиной, главное назначение его — отграничить наименования ценностей от ценности как аспекта мотивации и ценности в понимании философии или экономики. Концепция ее представляет интерес, поскольку она предпринимает попытку создания особого направления — психолингвистической теории ценностей, но в психолингвистике ценности как объект ее не интересуют. «Мы изучаем человека, его индивидуальные ценностные представления, а также коллективные ценностные представления групп людей, разделенных по различным признакам. Нас интересует, что важно для людей и какими средствами они выражают свои представления о ценном, т. е. те самые слова-ценности и их характеристики» (Федосюткина: 2005: 6). В отличие от большинства исследований ценностей, которые психологи и социологи начинают со слов «Испытуемым был предложен список...», разрабатываемый автором психолингвистический подход основан на получении непосредственно от испытуемых слов-ценностей с их индивидуальными интерпретациями, чтобы избежать придания чужим словам собственных смыслов. Таким образом, важны именно сами слова, которыми пользуются русскоязычные люди, рассказывая о том, что им важно, а не абстрагированные категории, созданные в искусственных условиях экспериментатором.

В научной литературе неоднократно прослеживается мысль, что в языке ценностное отношение фиксируется в оценках различного типа, закрепляемых, помимо других способов (оценочные предикаты, суффиксы субъективной оценки, оценочные высказывания), в коннотативном элементе значения языковых единиц. Концепт ценности представляется не каким-то отдельным образованием

(его выделяют условно), а совокупностью этих коннотативных компонентов, составляющих ценностную картину мира. Ценностные представления — это отношения между «узлами» ценностной картины мира. Они действительно динамичны и ситуативны, они не выстраиваются в иерархию, но взаимодействуют, позволяя человеку сделать выбор на основе оценки объектов. Важнейшие «узлы» можно было бы назвать базовыми ценностями, число и набор которых относительно постоянен, хотя они не лишены культурных акцентуаций. В момент необходимости принятия решения о ценности или неценности действия или объекта в сознании собирается такой ценностный конструкт («ценностные ориентации ad hoc»), своеобразный «консилиум базовых ценностей».

Нельзя сказать, что базовые ценности заключаются в содержании определенных слов, но они, по мнению автора, безусловно, соотносятся с некоторыми словами, о чем свидетельствует неслучайное частое совпадение некоторых слов-ценностей, например, *любовь, дружба, семья, счастье, мир, здоровье, карьера, работа, успех* и др., в свободных анкетах. Для психолингвиста слово — это не просто условный знак-место стыковки сознания испытуемого и экспериментатора, слово — это вход в единую информационную систему человека.

В соответствии с вышеизложенным термин «слово-ценность» в психолингвистическом эксперименте приобретает иное методологическое значение: это те языковые способы, с помощью которых информанты напрямую выражают свои ценностные представления, это своеобразное слово-символ ценностной картины мира.

С известной долей условности к средствам «доступа к ценностной картине мира» можно отнести в английском языке упомянутую модель *Life is about people*, содержащую, как правило, те самые «слова-ценности», о которых пишет Н. С. Федосюткина, и отражающую представления о важности (значимости, значительности) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида. В последние годы наблюдается явный рост частотности упомянутой структуры. Об этом свидетельствуют и данные, приводимые на сайте NgramViewer, и примеры из Британского национального корпуса (British National Corpus — BNC), и тексты современных англоязычных художественных произведений.

Прежде чем обратиться к анализу собранного материала, приведем следующую словарную дефиницию: *be about something — used for saying what the most basic or important aspect of a particular job, activity or relationship is.* (Здесь и далее дефиниции даются по словарю (Macmillan English Dictionary 2006).) Ключевые слова в этом определении — прилагательные *basic* и *important*, которые, в свою очередь, получают дефиниции *forming the main or most important part of something, without which it cannot really exist* и *something that is important has a major effect on someone or something, for example because it affects someone's life or the way a situation develops*, соответственно. Приведенные дефиниции позволяют, на наш взгляд, отнести структуру типа *Life is about people* к «словесным моделям ценности, создаваемым носителями языка» (Виноградов 2007).

Общую формулу модели *Life is about people* можно представить так: *X is about Y*, где *X* — слово-ценность, а *Y* — дефиниция *X*, раскрывающая существенные, с точки зрения автора, высказывания, характеристики *X*. Далее остановимся подробно на языковой репрезентации *X* и *Y* в рассматриваемой модели в примерах из BNC.

В подавляющем большинстве примеров *X* (слово-ценность) — это абстрактное существительное без артикля и каких-либо зависимых слов, номинирующее определенную ценность — витальную (*life, health* и др.), социальную (*success, marriage, education, work* и др.), политическую (*politics, democracy, premiership* и др.), моральную (*love, friendship* и др.), религиозную (*religion*). В ряде случаев существительное сопровождается препозитивным определением (как правило, это прилагательное), уточняющим характер/разновидность понятия (*police work, detective work, behavioral work, higher education, conductive education, modern human life, Biblical religion* и др.), или актуализирующим аксиологический аспект (*true education*).

Языковая репрезентация *Y* определяется частеречной принадлежностью лексемы *about*; в словаре (Macmillan English Dictionary 2006); она позиционируется как *function word*, однако в модели *X is about Y* это предлог, обнаруживающий характерную для этой части речи сочетаемость. В примерах из BNC зафиксированы следующие варианты.

1) Y = существительное. Это лаконичные определения, выражающие субъективное мнение говорящего, его личную точку зрения на суть обсуждаемого понятия (ценности); многие из них воспринимаются почти как афоризмы:

- (1) *Politics is about power* (CM5 1360);
- (2) *Politics is about conflict* (CL7 1678);
- (3) *Politics is about priorities* (CLP 264);
- (4) *Life is about feeling* (C8T827);
- (5) *Education is about success* (C95 415);
- (6) *Sex is about truth* (GIX 2012).

Такие лапидарные определения конечно не исчерпывающие, они и не претендуют на это, фиксируя то, что автор высказывания мыслит как наиболее значимое и существенное, тот аспект определенной ценности, который в данной ситуации представляется ему принципиально важным. Далеко не все подобные «афоризмы», равно как и более развернутые дефиниции, о которых пойдет речь дальше, одинаково бесспорны. С ними можно соглашаться или не соглашаться, поскольку, подчеркнем еще раз, они выражают субъективный взгляд говорящего.

2) Y = именная группа. Подобные примеры содержат более детальную характеристику обсуждаемой ценности за счет включения пре- или постпозитивного определения:

- (7) *Education is about high expectations* (AYSY 5378);
- (8) *Much modern life is about structured dependency* (CFE 340);
- (9) *Democracy is about government by people* (BO3 1086).

Возможно сочетание обоих типов определений:

- (10) *Religion is about the archaic heritage of humanity* (HRP 413).

Заслуживает внимания тот факт, что во всех случаях, когда за предлогом *about* следует существительное (в том числе тогда, когда оно сочетается с другими способами актуализации Y) — это абстрактное существительное, называющее отвлеченное понятие.

3) Чрезвычайно частотным оказывается выражение Y посредством одной из неличных форм глагола — герундия. Во всех без

исключения случаях используется активная форма основного разряда. Это может быть герундий без каких-либо зависимых слов (single gerund):

- (11) *Life is about feeling* (C8T 827);

одно или несколько герундиальных словосочетаний (gerundial phrase):

- (12) *Quality is about getting the job done* (JOW 910);

- (13) *Marriage is about bringing up children and looking about the house* (BLW 1987);

предикативный герундиальный оборот (gerundial construction):

- (14) *...the general tone of the work is about humanity struggling against all odds* (C89 516).

Одна из самых развернутых актуализаций Y содержит два предикативных оборота:

- (15) *...if the power to choose in politics is about the Labour Party choosing their own candidate for the by-election and then the National Party replacing that candidate, that's a party I don't want to be a party to* (JJE 13).

Во всех примерах с предикативным герундиальным оборотом его субъект выражен существительным в общей форме; таким образом конструкция подчеркивает не само действие, а участие в этом действии его субъекта.

Чем можно объяснить более активное использование герундия по сравнению с существительным? Как хорошо известно, имя существительное — знаменательная часть речи, обладающая значением предметности, т. е. передающая любое понятие предметно, независимо от того, существует ли лежащее в основе понятия явление как конкретный отдельный предмет или нет. Предметность, как правило, ассоциируется с некоторой статичностью. Это касается практически всех абстрактных существительных, выражающих X (определенную ценность). Герундий же, совмещающий в себе свойства глагола и имени, передает действие, представленное предметно, но это именно действие с оттенком процессуальности. Не случайно преобладание герундиального выражения Y при X work как в

(16) *This type of statistical work is about inferring things from the data* (AYJ 2200) и

(17) *Police work is about crime fighting* (B24 1686).

Существительное *work*, судя по словарной дефиниции, тесно связано с понятием действия, деятельности: *work* 1. *activity that involves physical or mental effort* (в то время как *activity* — *things that people do*). Приведенные примеры раскрывают, в чем, с точки зрения автора высказывания, заключается определенный вид деятельности, т. е. какие именно действия подразумевает та или иная работа. Использование герундиальных групп, на наш взгляд, придает некоторый динамизм дефинициям самых разных ценностей. Так, в примере

(18) *Jean Michel's success is about being in touch with the market and adapting to suit it* (FBM 3876)

показано, каким образом, т. е. за счет каких действий достигается успех; в примере

(19) *...the premiership is about taking your chances when they come* (K24 2830)

говорится о том, какие действия автор считает существенно важными для человека на посту премьер-министра.

Что касается еще одного варианта сочетаемости предлога — с местоимением — то ни в примерах из BNC, ни в фрагментах из художественной литературы подобного не выявлено (напомним, что пока речь идет о модели, в которой X — существительное).

Наконец, в нескольких случаях Y выражен придаточным предложением:

(20) *Education is about what is taught: the curriculum* (G0R 1220);

(21) *Religion is about how people organize themselves and give meaning to their lives* (HYB 721).

Содержание Y при этом остается прежним: зависимая предикативная единица раскрывает суть обсуждаемого понятия — как ее понимает говорящий.

Продолжая анализ языковых форм выражения ценностных представлений в модели X is about Y, следует отметить, что люди,

говоря о том, что им важно, стараются быть максимально убедительными и выразительными. Эти качества достигаются разными средствами. С одной стороны, это уже упоминавшиеся лапидарные «афоризмы» типа

(22) *Education is about ends, not merely means* (CN5148),

с другой, выразительность высказывания возрастает за счет сочетания разнотипных элементов в части Y; при этом варианты весьма разнообразны. Например, в высказывании

(23) *Hope is about the unknown and prospects, about balancing our needs for security with the dangers of freedom* (CEF 187),

отличающемся почти философской глубиной и определенной поэтичностью, Y актуализируется субстантивированным прилагательным, существительным и герундиальным словосочетанием. Свое понимание сути экологии автор другого высказывания вербализует при помощи существительного и двух герундиальных групп:

(24) *Much of ecology is about this process: finding energy; putting it to use* (AMS 37).

Следует сказать несколько слов о варианте модели X is about Y, в котором X — не абстрактное существительное, номинирующее определенную составляющую системы ценностей, а личное местоимение it. Примеры из BNC здесь мало информативны, поскольку вне контекста трудно, а порой и невозможно однозначно установить характер it. Оно может быть использовано либо как знаменательное (notional) анафорическое подлежащее, замещающее ранее упомянутое существительное и отсылающее к единичному предмету и, следовательно, может не иметь отношения к рассматриваемой модели, например,

(25) *Management in particular is not about the preservation of the status quo, it is about maintaining the highest rate of change that the organization and the people within it can stand* (CAD 116),

либо как указательное слово, отсылающее к словосочетанию, целому предложению или всей ситуации в целом. В подобных случаях может также использоваться указательные местоимения this

и that. Более надежным источником оказываются примеры из художественной литературы, где на помощь приходит более широкий контекст:

- (26) *To her, it was all about being in love with some bloke (George 2, 274);
I think this is all about scaring her home so he can tell himself he's the
one she wants to be with (McDermid, 410).*

Поскольку этот вариант модели также служит для выявления сути определенной ситуации, указывая на самое важное в ней, с точки зрения говорящего, ее можно включить в материал нашего исследования. С точки зрения структуры он мало чем отличается от основной модели, где X — абстрактное существительное, поскольку способы выражения Y очень похожи. Это может быть существительное:

- (27) *I've seen the dating shows on TV, I know the rules. It's all about looks
and body language and flirty conversation (George 2, 184)*

или герундий (герундиальная группа). В собранном материале нет примеров с предикативным герундиальным оборотом и придаточным предложением в части Y, хотя теоретически такой вариант вполне возможен. Зато отмечены высказывания с личными местоимениями:

- (28) *'That's not what this is,' he said testily. 'I mean all of that sincerely. It's
not about you. It's about us' (Brown, 333).*

О функционировании такого варианта модели X is about Y в тексте художественного произведения см. на с. 76–77.

Структура X is about Y, которую следует, на наш взгляд, отнести к «словесным моделям ценности, создаваемым носителями языка» (Виноградов 2007), в несколько модифицированном виде позволяет обозначить проблему, поставив вопрос типа What is life about? What is religion about? Это своего рода риторический прием, направленный на то, чтобы привлечь внимание адресата к важным, с точки зрения говорящего, аспектам, определяющим суть сложных и многогранных понятий, формирующих ценностную картину мира:

- (29) *The purpose of this chapter is to examine the question of how pupils
can gain some inkling, through their own experience, of what religion*

is about, so that their imagination is stimulated to conceive of the possibility of the spiritual dimension being more than meaningless talk (HYB 1195).

В подавляющем количестве примеров отмечено употребление анализируемой модели не в прямом, а в косвенном вопросе, где она приобретает форму *what X is about*:

- (30) *I cannot say that they were happy days, but they taught me what life is about (ANL 3542).*

Рассмотрение формально-структурных характеристик модели было бы неполным, если бы мы не упомянули о некоторых единичных примерах, иллюстрирующих широкие возможности модели *X is about Y*, легко встраивающейся в сложноподчиненные предложения самой разной конфигурации:

- (31) *Economic recovery is as much about confidence as it is about deficit financing (AM6 504);*
 (32) *And what is European Classicism if it is not about propping magnificently sculpted and weighed pediments upon tall columns (ANLI 1483).*

Переходя к анализу содержательной стороны модели *X is about Y*, напомним, что при рассмотрении примеров из BNC мы регулярно подчеркивали, что таким образом авторы соответствующих высказываний выражают свое мнение, формулируют свою позицию; иначе говоря, сообщают адресату, что они думают по поводу той или иной ценности. Отсюда — частое использование такой модели в контексте глаголов умственной деятельности (когнитивов):

- (33) *Philosophers of science have lately been busy explaining that science is about correlating phenomena or acquiring the power to manipulate them (EW 614),*

передающих, как правило, нефактивное пресуппозиционное содержание:

- (34) *...I think the general tone of the work is about humanity struggling against the odds (C 89516).*

Здесь уместно упомянуть о тесной связи, существующей между ценностями и стереотипами — важнейшей формой общественного сознания и существенным элементом культурного простран-

ства. При всех расхождениях по этому вопросу большинство исследователей сходится в том, что стереотипы обусловлены ценностями, и предлагает разные трактовки процесса «стереотипизации ценностей» — того, каким образом ценности трансформируются в стереотипные представления. Анализ достаточно обширного материала из BNC и, забегая вперед, из художественной литературы показал: модель *X is about Y* используется говорящим для трансляции именно своего личного видения наиболее значимых в такой ситуации аспектов той или иной ценности, а не для выражения распространенных в обществе стереотипных представлений о ней.

Примеры из BNC дают хорошее представление о характере ценностей, зафиксированных в рассматриваемой модели. Прежде всего это так называемые витальные ценности, к числу которых принадлежат представления о жизни, здоровье, личной безопасности, семье и т. д., отражающие в первую очередь этнокультурное бытийное оценочное отношение. Большое количество примеров, как было сказано выше, приходится на существительное *life*; по-видимому, это связано с тем, что содержащиеся в понятии «жизнь» наивные представления — значимые как для конкретного человека, так и для всей нации в целом. Отсюда довольно пристальное внимание к исследованию концепта «жизнь» как в современном сопоставительном языкознании (Кузнецова 2010), так и в лингвокультурологии (Власова 2003). В материале BNC, однако, не зафиксировано примеров типа *death is about...*. Весьма интересен с точки зрения выражения важнейших, по мнению автора высказывания, аспектов человеческой жизни следующий пример:

- (35) *He turned round and said it was not about your race, or religion, it's about people — life is about people* (CH3 6205).

Заслуживает внимания и структурная организация высказывания, представляющего как «правильное» (*life is about people*), так и «неправильное» (*it is not about race, or religion*) понимание сути обсуждаемого предмета. Психологи подчеркивают, что люди индивидуальны, у каждого свой взгляд на жизнь, но есть основополагающие вещи, которые значимы практически для всех. Среди них — убеждение, что самое важное в нашей жизни это отноше-

ния с другими людьми. Все жизненные комбинации выстраиваются в первую очередь для построения этих отношений, а через них — для развития человека. Некоторые высказываются весьма категорично: опыт отношений — это основное богатство, ради которого, собственно, и живут люди на Земле (Некрасов 2008). Система ценностей, как и все в жизни, зависит от состояния сознания человека. В разных ситуациях мысли о жизни наполняются различным содержанием и каждый по-своему отвечает на вопрос *What is life about?* Для кого-то

(36) *Life is about feeling* (C8T827),

для кого-то

(37) *Life is about learning to cope with old age* (B01419);

для одних

(38) *Life is about balancing freedoms* (ABU320),

для других

(39) *Much modern life is about structured dependency* (CFE340).

Моральные ценности также находят отражение в исследуемых структурах. Основным смыслом *дружбы* оказывается общение с человеком, основанное на взаимной схожести, знании качеств этого человека и привязанности к нему. В эту картину никак не вписываются аффектированные внешние проявления симпатии; особую выразительность высказыванию придают глагол *suffocate* и именная группа *big slobbering kisses*:

(40) *Friendship is about caring for the other person, respecting the other people, sharing your interests with the other people, enjoying just being with the other people — but not about suffocating the other person with big slobbering kisses!* (C8N 830).

В высказываниях про *образование*, относящееся к числу социальных ценностей, говорится как о его задачах и содержании:

(41) *It is pertinent to observe that education is about emotional response to real situations — not about facts* (CLY1079),

так и о его целях:

- (42) *This may be because we have lost sight of what education is about, or, at best, because we disagree on aims and objectives of education* (FPJ848).

Некоторые примеры носят довольно развернутый характер, другие — кратки и почти афористичны, например

- (43) *Education is about development and change* (C6M 762).

Такая формула позволяет также подвести итог сказанному:

- (44) *This is what true education is about* (FEU 1011).

Понятие «работа» также входит в категорию социальных ценностей, которые выделяются на основании социологических признаков и выражают межгрупповые и межличностные оценочные отношения. В рассматриваемой модели авторы высказываний раскрывают свои представления о сути и содержании определенной деятельности:

- (45) *This type of statistical work is about inferring things from the data and is really a sophisticated form of guesswork* (AYJ 2200);
 (46) *Detective work is about a lot of things, mostly it's about not giving up* (HUA 896).

Очень многогранное определение получает в примерах из BNC такая социальная ценность, как *брак*. Это далеко не случайно; брак признается одним из ядерных концептов, составляющих единую концептосферу этноса и значимым элементом в системе социальных понятий, так или иначе детерминирующих функционирование каждого общества, во многом определяя структуру и содержание других базовых концептов языкового сознания (Михалева 2009). По данным психологии и социологии, социальный институт брака постоянно трансформируется в связи с отрицанием традиционных ценностей, неизбежным в условиях ускорения темпов современной жизни и переориентации интересов. Тем не менее брак сохраняет эмоционально-биологическую, экономическую, эмоционально-психологическую и правовую стороны, многие из которых находят свое отражение в примерах из BNC. По мнению некоторых, суть брака — в совместном ведении хозяйства и воспитании детей:

- (47) *Some people do think that marriage is about bringing up a family and looking after the house* (BLW 1987),

однако избранная автором форма высказывания явно дает понять, что лично он не разделяет подобных воззрений. Ряд примеров представляют как самое важное в браке межличностные отношения супругов: любовь, взаимные обязательства, терпение и уважение:

- (48) *Marriage is about respect, commitment and graft, not just the 'buzz' of romantic and sexual excitement* (CCE 1661);
(49) *Marriage is about respect, admiration, stimulation and commitment* (ED3 1094).

Некоторые из зафиксированных в BNC и приведенных выше при рассмотрении структуры модели X is about Y высказываний о *политических* ценностях — готовые афоризмы, выдвигающие на первый план такие составляющие, как власть:

- (50) *Politics is about power* (CM5 1360)

или умение правильно определять приоритеты:

- (51) *Politics is about priorities* (CLP 264);

другие, более развернутые, уточняют наиболее важные для говорящего аспекты этого понятия и содержат полемику с носителями иных взглядов, иных ценностей:

- (52) *Politics is about communicating with and winning a person, not winning an argument or battering home a policy line* (ADK 1612).

Закрепленное в формуле общепринятое понимание такой политической ценности, как демократия, используется для выражения несогласия с реальным положением дел в этой сфере:

- (53) *If democracy is about government by the people then it cannot be about giving a bunch of politicians a blank cheque to govern us every five years* (BO3 1086).

Та же формула позволяет расставить акценты и внести ясность и в отношении ценностей *религиозных*:

- (54) *Biblical religion is not about Mary, who is wholly peripheral, but about Christ* (EFO 121)

(использование прилагательного peripheral — connected with something but not a necessary or important part of it — точно характеризует, с точки зрения автора, положение девы Марии в системе христианских ценностей в отличие от центрального, важнейшего места, занимаемого фигурой Христа) и представить как «правильное», так и «неправильное», по мнению автора, представление о сущности религии:

- (55) *It is, however, because religion is about the archaic heritage of humanity, and involves relations with parent figures, particularly the father, that one would expect emotional reactions to the subject; either religion is the most important part of life, and immune to scientific investigation for that reason, or it is too trivial to be worth a working scientist's time* (ECY 1272).

Прежде чем перейти к анализу функционирования модели X is about Y в англоязычной художественной литературе, коротко подведем промежуточный итог. Модель X is about Y типа Life is about people представляет собой один из способов выражения ценностных представлений в английском языке. Она позволяет дать четкое и ясное определение ряда социальных, моральных, политических и других ценностей, номинируемых абстрактными существительными (life, politics, marriage, education, religion и т. д.). Следует подчеркнуть, что речь идет не о дефиниции как a statement of what a word or expression means, а о том, в чем, по мнению автора высказывания, состоит суть некоторого ценностного понятия/представления. При помощи этой модели можно поставить вопрос о сути некоего явления, некоторой ценности; разобраться, понять самому — или объяснить и обосновать свою точку зрения, обращаясь к другим и стараясь убедить их в правильности своих представлений. Иначе говоря, можно донести свою мысль, свои ценностные ориентиры и приоритеты до другого, причем сделать это ярко и выразительно. Важно отметить безусловную узнаваемость этой простой формулы, своего рода сигнала аудитории: внимание! Сейчас речь пойдет о чем-то существенно важном, говорящий сообщит свое мнение, свое видение проблемы — а согласиться с ним или нет — решать его адресату (адресатам).

Судя по даваемым ссылкам, подавляющее большинство примеров из BNC приходится на газеты и журналы, т. е. публицистику,

хотя это могут быть и специальные статьи по биологии, медицине и т. д. В таких случаях в силу известных причин не всегда возможно восстановить более широкий контекст подобных высказываний, чтобы судить о функционировании модели *X is about Y* в тексте. Для этих целей гораздо лучше подходят примеры из художественной литературы: там известна ситуация, взаимоотношения между персонажами, их социальный статус и т. д.

Собранный материал демонстрирует явное преобладание варианта модели, в котором *X* выражен личным местоимением *it*, хотя примеры с абстрактными существительными также представлены. Особых отличий по сравнению с BNC в отношении способов выражения *Y* не наблюдается; главным образом это существительное (именная группа) или герундий (герундиальная группа). Таким образом, вновь раскрывается суть определенных ценностей, как правило, в конфликтных, порой драматических ситуациях.

- (56) *'Look, Dad, if I could' — 'Yes, that's it, isn't it? I, I, me, me. Well, let's get something straight. Life is not all about you. What you think and want does not concern me. What you do does. Here and elsewhere. Are we clear on that?'* (George 1, 248).

В этом примере диалог между персонажами обнаруживает столкновение разных жизненных позиций. Отцу кажется, что позиция сына слишком эгоистична, он старается не просто донести до него свою точку зрения, но и убедить в своей правоте. В русском переводе главный аргумент *Life is not all about you* передан так «Мир не крутится вокруг тебя» (перевод Н. Омелянович), что, на наш взгляд, достаточно точно передает его суть.

В связи с широкой представленностью модели *Life is about...* в BNC уже упоминалось о центральном месте, занимаемом понятием «жизнь» в системе лингвокультурных концептов. Этот факт подтверждается регулярным использованием этой модели в художественной литературе. Следующий пример — единственный (учитывая BNC), где в качестве глагола-связки выступает не *be*, а *become*:

- (57) *'...but Jon couldn't come to terms with it (имеется в виду смерть сына. — О.Е.). I thought he would, eventually. Give it time, I told myself. But when a person's life becomes all about the death of another*

and nothing else... I had girls to think of, you see, I had myself to think of (George 1, 433).

Пример интересен тем, что в нем подробно описано, в чем именно проявляется положение дел, зафиксированное в словах героини:

(58) *'I couldn't live like that.' 'Like what?' 'It was all he talked about and, as far as I could tell, it was all he thought about. It was as if Jamie's death had invaded his brain and eaten away everything that wasn't Jamie's death'* (Ibid.).

В этом случае на первый план выходит не столько задача убедить собеседника в правильности своей точки зрения, сколько стремление как можно полнее объяснить сложившуюся ситуацию в ответ на прямо поставленный вопрос. Не следует, однако, забывать о том, что разного рода объяснения, раскрывающие сущность описываемого объекта (явления) — не что иное, как одно из распространенных средств убеждения, которое, в свою очередь, и есть важнейший способ воздействия на адресата (Варгина 2004: 90). Воздействие в коммуникативной деятельности понимается как любое изменение состояния объекта, в этом случае — партнера по коммуникации. Убеждение признается осмысленным, разумным и позитивным актом, воздействующим на свободную волю другого — в отличие от принуждения, результат которого достигается за счет подавления чужой воли. Е. Н. Зарецкая трактует суть убеждения следующим образом. Человеческий интеллект, при всем своем стремлении к движению, изменению, по своей природе тяготеет к самосохранению, к определенному status quo. Когда в коммуникацию с вами входит другой интеллект, с другой системой убеждений, ваш интеллект на начальном этапе сопротивляется тому, что вам навязывается извне, чужой идее: противоположной, сложной, новой для него. Механизм убеждения включает два основных этапа. Сначала — так называемое вытеснение: при помощи достаточного количества аргументов доказать несостоятельность точки зрения вашего речевого оппонента. После того как вытеснение произошло, в мозгу вашего оппонента образуется вакуум. В этот момент вы можете приступить к тому, чтобы заполнить его своей системой убеждений посредством новой системы аргументов. Этот второй этап и вторая процедура называется замещением. Вы

замещаете уже пустующее место в сознании другого человека своей концепцией. Это и называется — убедить (Зарецкая 1999: 87).

Мы уже говорили о том, что модель *X is about Y* используется, как правило, в серьезных ситуациях — ссорах, спорах, конфликтах. Однако она может способствовать и созданию комического эффекта:

- (59) *'Samantha, you're not going to be taking notes,' she says. 'Cooking isn't about writing down. It's about tasting. Feeling. Touching. Smelling.' 'Right', I nod intelligently. I must remember that. I quickly uncap my pen and scribble down. 'Cooking=all about tasting, smelling, feeling etc. (Kinsella, 287).*

Эта ситуация — своего рода урок, предмет которого абсолютно неведом молодой героине, совершенно не умеющей готовить. Серьезно относящаяся к этому новому «вызову» девушка, имеющая большой и успешный опыт приобретения знаний, ведет себя так, как привыкла, а именно — собирается конспектировать «лекцию». Видя, казалось бы, весьма похвальное намерение «ученицы», «профессор», однако, нарушает традиционный сценарий, облекая свое высказывание в уже хорошо нам знакомую форму, а для большей выразительности и, что очень важно, большей убедительности прибегает к особому средству экспрессивного синтаксиса — парцелляции. Согласившись с приведенными весомыми доводами, «ученица», тем не менее поступает ровно наоборот: не в силах отказаться от привычного образа действий, она все-таки записывает столь удачно сформулированный тезис, заменяя весьма уместным в «конспекте» знаком равенства глагол-связку.

Конечно, приведенный пример вряд ли можно безоговорочно отнести к ситуации убеждения, но определенное сходство с приведенной ранее трактовкой Е. Н. Зарецкой все же имеется: есть и первый этап — вытеснение (*Cooking isn't about writing down*), и второй (*It's about tasting. Feeling. Touching. Smelling*), когда созданный на первом этапе «вакуум», пустующее место в сознании собеседника заполняется новой для него «концепцией». Правда, справедливо-сти ради следует сказать, что в этом случае «воздействие на свободную волю другого человека» не приносит должного результата.

Что же касается варианта модели *X is about Y*, в котором *X* выражен личным местоимением *it* или указательными местоимениями

this/that, герои художественных произведений прибегают к нему, пытаясь объяснить себе или другим суть происходящего, правильно расставив акценты и выстроив своего рода иерархию ценностей и приоритетов:

- (60) *Anita Gaye would pay for it, he promised himself. It was no longer about money, about principle, it was about justice* (Roberts, 158).

Не менее важно оказывается разобраться в побудительных мотивах своих поступков, руководствуясь ценностями, признаваемыми философами, психологами и социологами высшими ориентирами поведения — как в случае с полицейским, расследующим опасное преступление:

- (61) *Then I remembered what I had told Claire when my fears of Negli's (тяжелая нервная болезнь. — О. Е.) were the strongest. Nailing this guy was the one clear thing that gave me the strength to go on. It wasn't just about right or wrong. It wasn't about guilt or innocence. It was about what I was good at, and what I loved to do* (Patterson, 453).

Желая донести до собеседника свой взгляд на ситуацию и, исходя из ее понимания, сформировать программу действий, персонажи вновь и вновь облачают свои мысли в четкую и ясную форму при помощи модели X is about Y:

- (62) *'Are any of us here willing to go that far, willing to kill over a few pounds of silver?' 'That's not what it's about, Becca.' Gideon left his hand on Cleo's shoulder. 'It's long since gone beyond being about the value of the thing <...> I want her to pay. I want her to lose. I want her to hurt'* (Roberts, 316).

Нельзя не заметить, что в большинстве случаев персонажи разных произведений, написанных разными авторами, вербализуют таким образом свои представления именно о моральных ценностях. Такая модель дает возможность сформулировать, за что, во имя каких ценностей стоит бороться. Так признаваемые героями ценности становятся опорой их действий в конкретной ситуации. Это полностью согласуется с определением ценностей как смыслообразующих оснований человеческого бытия, задающих направленность и мотивированность человеческой жизни и конкретным деяниям и поступкам (Новейший социологический словарь 2010).

Некоторые высказывания из приведенных фрагментов текста могут показаться излишне пафосными для простого бытового диалога, однако всякий раз речь идет о принципиально важных для говорящего вещах. Иногда конкретные ценности не называются — и тем не менее понятно, что при помощи модели *X is about Y* говорящий расставляет правильные, с его точки зрения, акценты, обозначая самую суть конфликта — как в ситуации, где герой старается объяснить причины, побудившие его положить конец и так затянувшимся отношениям с женщиной:

(63) *'Please spare me the 'I'm not worthy of you' speech.' 'That's not what it is,' he said testily. 'I mean all of that sincerely. It's not about you. It's about us. It just isn't where I am, Liz* (Brown 333).

Причиной кризиса в отношениях оказываются не какие-то внешние обстоятельства и даже не кто-то один из этой пары, а они оба, точнее, отношения между ними, переставшие устраивать инициатора расставания. Суть объяснения, на наш взгляд, можно было бы передать так: Дело не в тебе, дело в нас, поскольку выражение «дело в (том, что...)» в русском языке, по данным Толкового словаря русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1992), подчеркивает в предложении основное, сущность сообщаемого, т. е. именно тот аспект, о котором было неоднократно сказано в связи с моделью *X is about Y*.

Каждый язык обладает богатой системой собственных средств выражения ценностных представлений. В английском языке к ним, как мы пытались показать, относится рассматриваемая модель. В русском языке регулярного эквивалента этой модели нет, поэтому интересно посмотреть, каким образом осуществляется перевод формулы *X is about Y*. Что касается последнего примера, то высказанное нами предположение нашло подтверждение: «Я не об этом. ...Дело не в тебе. Дело в нас» (перевод Крупичевой). Это, однако, далеко не единственный вариант; приведем некоторые другие. Разными средствами русского языка передаются оттенки причины и цели действия персонажей:

(64) *The threat to Lily was all about money* (Clark, 147)

Лили угрожают, чтобы получить деньги (перевод А. Руденко);

(65) *But if it is all about money...* (Clark, 148).

Но если все из-за денег (перевод А. Руденко);

(66) *'What's that about?' 'It's about hurting us, I think* (McDermid, 402)

«Зачем ему это?» «Он хотел сделать нам больно» (перевод В. Гришечкина);

(67) *This is all about scaring her home* (McDermid, 412)

«Он хотел, чтобы она боялась работать на улице» (перевод В. Гришечкина). При расследовании убийств на первый план выходит выяснение того, с чем связаны эти преступления, что двигало убийцей:

(68) *He'd been absolutely right when he had said these killings were not about lust or sex. He didn't even think they were about power. They were about something absolutely different <...> So if it wasn't about the killing itself, what was the motivation for these murders? The answer had to lie with the victims, somehow* (McDermid, 349–350)

«Он был совершенно прав, когда настаивал на том, что эти убийства не связаны с сексом. Сейчас ему казалось, что и с властью они почти не связаны: здесь было что-то совершенно иное... Итак, если убийства совершаются не ради убийства, то какой мотив может за ним стоять?» (перевод В. Гришечкина). В ряде случаев английская модель X is about Y превращается в русскую X это Y:

(69) *'Or did you not know sex is about giving one's partner pleasure?' '...I have no idea. We didn't speak of that. We spoke very little at all after the initial arrangement. As he said this was about sex. The physical only'* (George I, 442).

«Разве вы не знали, что секс — это доставление удовольствия партнеру?» «...Ничего кроме секса. Отношения были чисто физические» (перевод Н. Омелянович).

Особенно интересно окказиональное использование структуры, подобной X is about Y, в русском языке, возможно, под определенным влиянием английского. Например, в одном из выступлений по радио в ходе подготовки к выборам мэра Москвы летом 2013 г. было сказано: «Ну, Навальный — это не про крыши» в том

смысле, что для этого кандидата хозяйственная деятельность вообще и ремонт крыш, в частности — далеко не первостепенная задача. А обозреватель Антон Орех по поводу всеобщего ликования англичан в связи с рождением наследного принца высказался весьма афористично: «Они понимают, какая у них страна, о чем она и зачем!»

Возвращаясь к использованию модели *X is about Y* в художественной литературе, еще раз отметим, что она служит для выражения ценностных представлений персонажей и выступает действенным средством воздействия на адресата, направленным на изменение в системе его (и, возможно, читателя) ценностей, убеждений и моральных установок.

Итак, ценности — это важнейшие элементы духовной культуры и в то же время — особые культурологические категории. Ценностная картина мира, объективно выделяемая в языковой картине мира, — фрагмент более общей системы представлений говорящих о мире и актуализируется в каждом языке разными лингвистическими средствами. К числу последних, как было показано в этой главе, относится структура типа *Life is about people* — одна из словесных моделей ценности, создаваемых носителями языка.

Список источников примеров с сокращениями

BNC	— British National Corpus — http://sara.nat.cor.ox.ac.uk
Brown	— <i>Brown S. Hello, Darkness. New York, 2003.</i>
Clark	— <i>Clark M. H. Nighttime is my Time. New York, 2004.</i>
George 1	— <i>George E. Careless in Red. London, 2009.</i>
George 2	— <i>George E. This Body of Death. London, 2010.</i>
Kinsella	— <i>Kinsella S. The Undomestic Goddess. London, 2006.</i>
McDermid	— <i>McDermid V. The Retribution. London, 2012.</i>
Patterson	— <i>Patterson J. First to Die. New York, 2002.</i>
Roberts	— <i>Roberts N. Three Fates. New York, 2003.</i>

Переводы

- Браун С. Смерть в ночном эфире / пер. И. Крупичевой. М., 2007.
 Джордж Э. Женщина в красном / пер. Н. Омелянович. М., 2013.
 Кларк М. Х. Мое время — ночная пора / пер. А. Руденко. М., 2005.
 Макдермид В. Возмездие / пер. В. Гришечкина. М., 2012.

Глава V

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО АНГЛИЙСКИХ АНТИПОСЛОВИЦ

Характерное для последних десятилетий исследование языковых единиц в антропоцентрической научной парадигме предполагает анализ языковой семантики как отражения культуры того или иного языкового социума. Поиски «следов» культуры в языковом знаке привели к становлению лингвокультурологии как самостоятельной дисциплины в когнитивной лингвистике. Если когнитивная лингвистика направлена на изучение процесса и результата познания и интерпретации мира на основе анализа языковых явлений, то лингвокультурология концентрирует свое внимание на культурно-специфических характеристиках мировосприятия, закреплённых в языке.

Необходимо отметить, что соотношение языка и культуры представляет собой весьма сложное и неоднозначное явление. С одной стороны, язык — неотъемлемая часть культуры, с другой, инструмент хранения и передачи культуры от поколения к поколению. Исследователи неоднократно подчеркивали, что язык участвует в хранении, воспроизводстве и передаче культуры (Телия 1996: 224; Гак 2001). При этом семантика языкового знака обладает своего рода «культурной памятью»: на ее основе можно реконструировать те или иные факторы культуры (Черданцева 1996; Яковлева 1998). В связи с этим следует непременно подчеркнуть существование двух сторон в той роли «хранителя культуры», которую играет язык. Язык служит инструментом создания многочисленных текстов (философских, религиозных, литературных и других), образующих собой культурное наследие народа, и выступает как средство познания культуры в процессе онтогенеза и филогенеза. И в то же время сама по себе языковая семантика, репрезентированная языковыми знаками, взятыми в парадигматике, отражает результаты

познания и интерпретации мира, осуществленные в определенной культуре и несущие на себе ее печать. Именно эта сторона связана в первую очередь с исследованиями языковой картины мира и описанием концептуализации мира на основе языковых данных.

Понятие «культура» — многогранное и насчитывает несколько сотен определений, при этом исследователи, как отмечает В. Н. Телия, выбирают то его понимание, которое наиболее соответствует стоящим перед ними задачам (Телия 1996:223). В самом деле, культуру можно описывать с позиций философии, истории, социологии, культурологии, языкознания, литературоведения, искусствоведения и пр.

Весьма удобным для когнитивных и лингвокультурологических исследований представляется определение культуры как совокупности результатов и процессов любой социальной деятельности человека, состоящей из материальной и духовной форм, предложенное Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым (1990: 23). При таком подходе культура противопоставлена природе как совокупности внешних, не зависящих от человека условий его существования (там же). Этот подход, позволяющий говорить о культуре в очень широком смысле, охватывающем как материальные, так и духовные ее проявления, позволяет выявить в семантике языкового знака набор признаков, обусловленных деятельностью человека, и противопоставить их признакам, связанным с условиями географического проживания социума—носителя языка.

Понятие «культура» входит в число ключевых в работах по анализу фразеологических единиц. По наблюдениям ученых, именно эти языковые пласты обнаруживают наиболее непосредственную связь с материальной, социальной и духовной средой существования языковой общности, именно в них находит свое проявление национальная самобытность народа (Телия 1996:215).

Однако вопрос о национально-культурной специфике фразеологических единиц весьма сложен. Хотя ученые и сходятся во мнении, что фразеология представляет собой наиболее культурно-специфический пласт языковой системы, в то же время они не могут не отмечать значительные совпадения в отношении значения и образности фразеологизмов разных, даже неблизкородственных языков. В связи с пословичными фондами, например, Ю. И. Левин

пишет о существовании паремиологического парадокса, суть которого и состоит в том, что наряду с национально-специфическими пословицами, отражающими культуру определенного социума и особенности его менталитета, существует большой корпус пословиц, имеющих эквиваленты и аналоги в других языках (Левин 1984: 123).

Совпадение значения и образности можно легко обнаружить на примере следующих двух пословиц:

- (1) *Don't cut the bough you are standing on;*
- (2) *Не руби сук, на котором сидишь.*

Вместе с тем в английском языке существует, например, группа пословиц о мести, не имеющая соответствий в русском пословичном корпусе (*Revenge is sweet*). Подобное соединение национально-специфического и межнационального в корпусе фразеологизмов объясняется тем, что культура представляет собой чрезвычайно неоднородное явление: наряду с национально-специфическими чертами она включает межнациональные и универсальные, свойственные всем или многим социумам черты. Как писал В. О. Ключевский, «приобретения культуры или цивилизации <...> созданы совместными или преемственными усилиями всех культурных народов, и ход их накопления не может быть изображен в тесных рамках какой-либо местной истории...» (Ключевский 1987:35). Поэтому при анализе отражения культуры народа в языковых единицах необходимо учитывать, что культура всякого сложного общества полиморфна, что основу ее составляют универсальные черты, определяющие в целом развитие цивилизации (Ерасов 1997: 266, 273). В связи с этим возникают определенные сложности при выделении национально-специфических черт культуры и культурно-специфических характеристик языковых знаков.

При анализе национальной самобытности народа, выражаемой в языке, используются понятия «национально-культурного компонента» или «национально-культурная коннотация». Как отмечают исследователи, национально-культурный компонент присутствует в наименованиях реалий типа «самовар», в топонимах, антропонимах, историзмах, выявляется при буквальном прочтении пословиц, например, «В Тулу со своим самоваром не ездят» (Вереща-

гин, Костомаров 1990:78), или буквальном прочтении фразеологических единиц (ФЕ), выделяющем их образную составляющую, например, «задать баню» (Телия 1996: 249). Подход к критериям выделения национально-культурного компонента варьируется у разных исследователей. Так, с точки зрения Д. О. Добровольского, о присутствии в плане содержания ФЕ национально-культурного компонента следует говорить только при наличии культурно обусловленных причин или следствий для осмысления других знаковых систем культуры (Добровольский 1997: 37–40), только при культурной релевантности ФЕ, например, такой, как «седьмая вода на киселе» (там же: 42). Похожую позицию занимает В. Н. Телия, указывая на необходимость соотнесения образных составляющих ФЕ с культурными знаками — категориями, концептами, мифологемами, стереотипами и эталонами национальных культур (Телия 1996: 231). Более широкий подход к национальной специфике ФЕ представлен в работе Н. Н. Кирилловой (1991) о сопоставительном исследовании ФЕ четырех романских языков. Отмечая, что у каждого этноса своя логика отношений между одними и теми же предметами, автор считает различия в компонентном составе ФЕ проявлением характерного для нации специфического фразеологического отбора реалий предметного мира (там же: 14–16), что дает возможность говорить о проявлении национально-специфического мировосприятия в подобных единицах.

Необходимо учитывать относительность выделения национально-культурной коннотации. Так, при сопоставлении с русским языком компонент *castle* представляет собой наименование реалии, отсутствующей в русской бытовой культуре и не нашедшей отражения в пословичном фонде, а при сопоставлении с испанским он перестает быть наименованием национально-специфического объекта.

(3) *An Englishman's home is his castle;*

(4) *Castillos muy fuertes vienen al suelo de repente.*

Кроме того, вряд ли возможно игнорировать тесную связь культуры с природно-географическими условиями проживания народа, несомненно, откладывающими на нее свой отпечаток.

С нашей точки зрения, для описания национально-культурной специфики (коннотации, компонента) фразеологизмов, выявляемой при их сопоставлении с другим языком, необходимо в первую очередь учитывать следующие факторы.

1. Присутствие в составе ФЕ компонентов-наименований реалий, национально-специфических абстрактных концептов и национально-окрашенных концептов (предметных и абстрактных). Наименования реалий понимаются при этом в традиционном смысле как наименования предметов материального быта, свойственных тому или иному народу (*pence, pudding; рубль, щи*). Наименования абстрактных национально-специфических концептов — как наименования абстрактных концептов, свойственных только этому народу (*self; авось*). Наименования концептов с национально-специфической окраской — как концептов, обладающих определенной значимостью для народа и характеризующихся рядом особенностей, отсутствующих у эквивалентных концептов других народов (*tea, hedge; хлеб, баня*).

2. Закрепление в языке в виде значения фразеологизма знания, отсутствующего во фразеологических значениях другого языка, или же представление одного и того же знания через разные образы (разную внутреннюю форму ФЕ): *If at first you don't succeed, try, try, try again / Плетью обуха не перешибеши*.

3. Наличие различий в концептах и прототипах, реконструируемых на основе анализа содержательного пространства, образованного всей семантикой группы ФЕ. Так, прототипом лошади в русских пословицах выступает крестьянская лошадь, запряженная в воз и выполняющая тяжелую работу, тогда как в английских пословицах прототип лошади — это лошадь верховая (*A good horse should be seldom spurred / Лошадка в **хомуте** везет по могуте*).

Итак, фразеологические единицы в целом связаны с культурой языкового социума во всем многообразии сочетания в ней универсальных, межнациональных и национально-специфических характеристик. Национально-специфические характеристики носят относительный характер и могут быть обнаружены при сопоставлении с другим языком/языками. В связи с тесной взаимосвязью фразеологии и культуры необходимо особое внимание обратить на пословицы. В. Н. Телия рассматривает пословицы как язык веками

формировавшейся обыденной культуры, отражающий установки жизненной философии народа — носителя данного языка (Телия 1996: 241). Пословицы на протяжении своей тысячелетней истории в определенные времена играли весьма важную роль в жизни общества. Связано это с ситуативным характером значения пословицы (пословица обозначает законченную ситуацию) и с потенциальным сценарием поведения, рекомендуемого пословицей на основе этой ситуации.

В течение жизни человек попадает в разнообразные ситуации и вступает во взаимодействие с разными людьми, при этом, с точки зрения Р.Джекендоффа, человек руководствуется определенными моделями, позволяющими ему оценить каждую новую социальную ситуацию и выбрать правильную линию поведения (Jackendoff 1994: 208). Эти модели, составляющие социальный контекст, усваиваются человеком в значительной степени аналогично языку: отчасти им обучают, отчасти ребенок сам конструирует некоторые схемы опыта, наблюдая за поведением других людей (Ibid: 204–208). Пословицы можно рассматривать как вариант моделей социального контекста, так как в них суммируются общие черты разнообразных частных ситуаций и определяется сценарий поведения. А.Тейлор пишет о том, что пословица как руководство по решению жизненных проблем подводит итог ситуации, выражает суждение о ней или предлагает линию поведения (Taylor 1975: 79). К.Фонтейн называет пословицы средством социального контроля, так как они используются для оценки прошлых действий человека или влияния на его будущее поведение (Fontaine 1994: 403). В средневековой Франции, например, пословицы использовались в суде (Obelkevich 1994: 217), а в некоторых изолированных от мира африканских племенах они по сей день составляют опору старейшин при решении различных споров (Ibid.).

В пословицах легко прослеживается двойственная роль языка как хранителя культуры. С одной стороны, как своеобразные «коды» культуры (Телия 1996:219) пословицы содержат в себе знания о правилах поведения, нормах обыденной, житейской философии. С другой стороны, образуемое их семантикой содержательное пространство представляет собой пословичную составляющую языковой картины мира.

В реальном социальном контексте, встречаясь с новой ситуацией, человек проводит аналогию между нею и уже знакомой, названной пословицей, и на основании аналогии включает эту новую ситуацию в уже известную ему категорию. При включении ситуации в категорию при помощи наименования ее пословицей игнорируется своеобразие этой ситуации, нивелируются ее отличительные признаки, и на первый план выступают общие, аналогичные уже известной. Как отмечает Т.М.Николаева (1995: 311), пословица дает возможность стирать индивидуальные черты события, подгоняя его под длинный ряд аналогий. При этом происходит экономия усилий: вместо извлечения какой-то новой формы опыта, знания, человек включает полученную информацию в знакомую ему когнитивную структуру. Наряду с отрицательными чертами (своего рода «торможением» мышления) это имеет и положительную сторону, помогая человеку ориентироваться в социальном контексте. По определению Дж. Обелкевича, пословицы — это стратегии действий в повторяющихся ситуациях (Obelkevich 1994: 213). Пословицы предлагают человеку проверенный и одобренный опыт предшествующих поколений, на который он может опереться и которым он может обосновать свою линию поведения (Carnes 1994: 475).

При знакомстве с новыми людьми, при встрече с новыми ситуациями человек стремится сделать их предсказуемыми, неизбежно приписывая мотивы и намерения поведению других людей (Giles, St.Clair 1979: 13). Понятие «люди» — фундаментальное в концептуализации человеком мира, на протяжении всей жизни человек постоянно соотносит «я» и «люди», оценивает свое поведение, опираясь на сложившиеся в обществе стереотипы морали (Вежбицкая 1997: 329). Кроме того, человеку важно чувствовать стоящее за ним плотное социальное пространство, сознавать, что его мнение — это мнение масс (Николаева 1995: 311). Используя пословицы, говорящий прибегает к общественному мнению и слагает с себя ответственность, прячет свои мысли и чувства за авторитетом общества (Cram 1994: 86; Norrick 1994: 147–149).

В современном обществе, однако, используется лишь незначительная часть пословичного фонда (Obelkevich 1994: 224). Как показывают полевые исследования, существуют наиболее употребительные пословицы, тесно взаимодействующие с культурой

того или иного социума (Mieder 1994: 297, 299, 302, 307). Однако в развитых странах в различных социальных группах отмечается снижение употребительности пословиц (Obelkevich 1994: 216). Многие пословицы воспринимаются как чужеродные, устаревшие образования, непонятные и ненужные современному человеку, в особенности, молодому (Mieder 1994: 303–306). Репрезентируемая пословицами картина мира несет в себе во многом устаревшее знание о мире и культуре. С течением времени языковые единицы все в большей степени начинают отражать культуру прошлого, чем современную культуру (Sapir 1973: 102), пережиточную в значительной степени картину мира (Касевич 1990: 100).

Итак, пословицы отражают не самую современную интерпретацию мира, несмотря на то что описываемые в них ситуации повторяются на протяжении веков, и они повествуют, как отмечает Дж. Обелкевич, о том, что неизменно в человеческой природе (Obelkevich 1994: 214). Если мы хотим получить более актуальное представление о мире на основе анализа семантики языковых единиц, мы должны обратиться к недавно появившимся ФЕ, в частности, к так называемым антипословицам.

Антипословица — это суждение, построенное на основе традиционной пословицы и изменяющее ее значение. Оно называется антипословицей потому, что отрицает утверждаемые пословицей нормы и правила поведения, часто высмеивает их или же демонстрирует несерьезное к ним отношение. Существует и более широкое понимание антипословиц, согласно которому последние рассматриваются не только как модификации традиционных пословиц, но и как модификации афоризмов, а также как высказывания, созданные на основе переосмысления сказочных и иных прецедентных текстов (Вальтер, Мокиенко 2005). Однако в нашей работе будем придерживаться более узкого определения.

Часть антипословиц представляет собой просто языковую игру, каламбур, появляется из стремления пошутить, сострить:

- (5) *All that glitters is sold as gold (All that glitters is not gold)**;
- (6) *An apple a day makes 365 a year (An apple a day keeps the doctor away).*

* Примеры антипословиц собраны по словарю (Mieder, Litovkina 2002).

Другая же часть отражает менталитет современного человека, его изменившийся взгляд на «вечные истины», незыблемые ценности, его отношение к реалиям современного мира:

- (7) *Marry in haste, and pay alimony at leisure (Marry in haste, and repent at leisure);*
- (8) *A man's house is his castle, let him clean it (A man's house is his castle).*

В целом антипословицам (АП) присуща ирония, иногда сатира, цинизм и эпатаж. В отличие от традиционных пословиц, позволяющих человеку спрятаться за спины других людей, воспользовавшись устоявшейся системой взглядов и ценностей, АП демонстрируют стремление индивида выделиться из толпы, подчеркнуть свою индивидуальность, блеснуть остроумием и неординарностью мышления, утвердить собственное «я».

Английские АП мало изучены как за рубежом, так и в отечественной лингвистике. Поэтому, прежде чем обратиться к их когнитивно-семантическому анализу, рассмотрим основные способы образования АП на основе традиционных пословиц.

Во-первых, замена компонента или части традиционной пословицы:

- (9) *A **lie** in time saves nine (A stitch in time saves nine);*
- (10) *All is fair in love and **golf** (All is fair in love and war);*
- (11) ***Even a waiter finally** comes to him who waits (Everything comes to him who waits);*
- (12) *If at first you don't succeed, you are **fired** (If at first you don't succeed, try, try again);*
- (13) *All work and no play makes **you a valued employee** (All work and no play makes **Jack a dull boy**).*

Во-вторых, подстановка компонента или компонентов в традиционную пословицу:

- (14) *The best things in life are **duty free** (The best things in life are free);*
- (15) ***Not all** the best things in life are free.*

В-третьих, добавление развернутых членов предложения или предикативных структур, расширяющих структуру исходного пословичного предложения:

- (16) *Silence is golden, **especially for a blackmailer** (Silence is golden);*
- (17) *A woman's work is never done, **especially the part she asks her husband to do** (A woman's work is never done);*
- (18) *Dead men tell no tales, **which makes it easier for widows to remarry** (Dead men tell no tales).*

Возможно сочетание нескольких приемов, например, добавления и замены:

- (19) ***In a dictatorship, suppression** is nine points of the law (Possession is nine points of the law).*

Слово suppression заменяет possession, кроме того, добавляется новый член предложения (in a dictatorship), указывающий на условие, когда это суждение справедливо.

Пословица может быть инкорпорирована в структуру более объемного изречения, при этом с ней могут происходить синтаксические изменения:

- (20) *A pessimist is a man who doesn't choose the lesser of two evils, but both (Of two evils choose the lesser/least);*
- (21) *No wonder time flies — there are so many people trying to kill it (Time flies).*

В некоторых случаях от исходной традиционной пословицы сохраняются лишь отдельные компоненты и образ внутренней формы, на основе которого создается АП:

- (22) *If you must rise early, be sure you are a bird and not a worm (The early bird catches the worm).*

В ряде случаев языковая игра строится на возможности одновременной реализации двух лексико-семантических вариантов слова:

- (23) *Old female lawyers never die; they just lose their appeals (Old soldiers never die, they simply fade away).*

В этом случае непосредственно связанное с юридической практикой и деятельностью юриста значение слова appeal 'a formal request to a court of law for a judgement or a decision to be changed' совмещается с одновременной реализацией другого значения —

‘a quality that makes sb/sth attractive or interesting’ (хотя последнее и присуще единственному числу существительного appeal).

(24) *When there's a will there's a lawyer's bill* (*When there's a will, there's a way*).

Значение will ‘a legal document that says what is to happen to sb's money and property after they die’ заменяет собой исходное значение этого компонента в традиционной пословице: ‘what sb wants to happen in a particular situation’.

Иногда в замене реализуется паронимазия — намеренное использование близкого по звучанию слова:

(25) *Strike while the **iron** is hot* (*Strike while the **iron** is hot*);

(26) *One's man fish is another's man poisson* (*One's man meat is another's man poison*).

В примере (26) компонент meat заменен на компонент fish, компонент poison — на похожее по звучанию и написанию французское слово poisson, означающее «рыба». В итоге возникает изречение, значение которого отличается от значения исходной пословицы (*What might be good for one person might well be bad for another*) и в то же время, констатируя, что один и тот же объект имеет разные названия для разных людей, т. е. воспринимается по-разному, обладает определенным семантическим сходством.

Иногда встречается обыгрывание омонимов:

(27) *Taste makes **waist*** (*Haste makes **waste***).

На основе одной пословицы, как правило, образуется несколько АП. Например, на основе пословицы “Never (Don't) put off till (until) tomorrow what you can do today” возникли 26 АП:

(28) *Always put off till tomorrow what you shouldn't do at all*;

(29) *Don't do today what you can put off until tomorrow*;

(30) *Never put off till tomorrow what you can get someone else to do for you today*.

При этом значения и внутренние формы АП могут быть достаточно близкими, как в примерах (28)–(30), где человеку советуют откладывать или же не откладывать назавтра различные дела. Зна-

чения и внутренние формы в группе АП могут также расходиться достаточно далеко:

- (31) *Even when opportunity knocks, a man still has to get off his seat and open the door (Opportunity (fortune) never knocks twice at any man's door/Opportunity knocks but once);*
- (32) *Fortune knocks but once at any man's door, but misfortune has much more patience;*
- (33) *Opportunity always knocks at the least opportune moment;*
- (34) *Opportunity knocks once, and the neighbors the rest of the time.*

Во всех приведенных АП сохраняется переосмысление абстрактного концепта (opportunity) в антропоцентрическом направлении, однако в (31) подчеркивается необходимость предпринять какие-то действия самим человеком для того, чтобы благоприятные возможности реализовались. В (32) везение противопоставляется невезению и отмечается большая вероятность невезения в жизни. В (33) повествуется о том, что благоприятные возможности подворачиваются в неподходящие моменты, а в (34) редкость везения подчеркивается противопоставлением его прихода частым визитам соседей.

Не существует данных о степени распространенности той или иной АП, что позволило бы судить о ее языковом статусе — превратилась ли она в единицу языка, как традиционная пословица, или же остается за его пределами. Однако само направление переосмысления значения и внутренней формы традиционных пословиц представляет значительный интерес, поскольку позволяет судить о менталитете современного человека и его интерпретации мира. Возникновение АП продиктовано издавна действующей в пословичном фонде тенденцией создавать новые пословицы, противоречащие уже существующим. Это явление получило название “crossing of proverbs” и выступает причиной наличия большого количества антонимов фактически в любой семантической группе пословиц. При этом пословицы не столько противоречат друг другу, сколько позволяют взглянуть на одну и ту же ситуацию под разным углом зрения, описать все стороны «существующего положения дел». Кроме того, менталитет человека достаточно противоречив по своей природе, что также способствует вышеуказанной

тенденции. И, наконец, хотя традиционные пословицы и предлагают проверенное опытом решение сложившихся проблем и дают человеку возможность снять с себя ответственность, принимая это уже апробированное решение, все же велико стремление противопоставить свои взгляды общепринятым, опрокинуть вечные истины и пойти своей дорогой (скорее, тропинкой). В результате действия рассмотренных причин возникает большое количество антипословичных выражений. Их содержательное пространство, формируемое как значением, так и внутренней формой, образует антипословичную картину мира. Эта антипословичная картина мира (АПКМ) представляет собой своего рода кривое зеркало пословичной картины мира. И одновременно она и есть кривое зеркало современной культуры, подчеркивающее наиболее гротескные ее черты.

Рассмотрим характеристики некоторых фрагментов АПКМ, репрезентированных АП американского варианта английского языка и построенных на основе традиционных пословиц, бытующих как в американском, так и в британском социумах. При этом не будем выявлять культурно-специфические черты американских АП на основе сопоставления, например, с русскими АП, а просто опишем «изображение» современной американской культуры, общества и человека этими пословичными «перевертышами».

Объемные тематические группы, соотнесенные с обширными фрагментами АПКМ, представляют «Деньги и богатство», «Характеристику человеческой природы и общества» и «Отношения между мужчиной и женщиной (преимущественно в браке)». В традиционной пословичной картине мира (ПКМ) тема денег и богатства также широко представлена. Оппозиции «Богатство — бедность», «Деньги — безденежье» принадлежат к базовым социальным оппозициям и репрезентированы многочисленными пословицами и АП. Определяющая сила денег в обществе констатируется АП *“Money doesn't mean everything in this world, but somehow everything in this world seems to mean money”* (Money isn't everything). Другие АП, образованные на этой же основе, касаются некоторых дополнительных нюансов всемогущества денег: их большей важности по сравнению с другими ценностями (*“Money isn't everything, but it's a long way ahead of whatever comes next”*), их значения в общении с детьми

(*“Money isn’t everything, but it sure keeps you in touch with the children”*), их роли в ощущении благополучия (*“Money isn’t everything — but it’s a nice consolation until you have everything”*). В противоположность традиционному пословичному взгляду АП утверждают важность денег для счастья, а также для поисков счастья и ощущений комфорта:

- (35) *Anyone who says money doesn’t buy happiness doesn’t know where to shop (Money doesn’t buy happiness);*
- (36) *Money can’t buy happiness, but it helps you to look for it in many more places;*
- (37) *Money can’t buy happiness, but it helps you to be unhappy in comfort.*

Отрицательная роль денег или же их отсутствия в современном мире провозглашается АП *“Love of money is the root of half the evil in the world, and lack of money is the root of the other half”* (*“Money is the root of all evil”*). АП по сути обрисовывает безысходную ситуацию, замкнутый круг, обрекающий человека на столкновение со злом.

Деньги играют существенную роль в оценке человека современным обществом: *It used to be said that a man is known by the company he keeps, but now it’s the money.* В АПКМ в противоположность ПКМ возникает представление о растущей дороговизне жизни, о высоких ценах, налогах и ипотеке.

- (38) *Prices seem to think there is plenty of room at the top (There’s always room at the top);*
- (39) *Take care of your pennies, and the high cost of living will take care of your dollars (Take care of your pennies and the pounds (the dollars) will take care of themselves);*
- (40) *It used to be that a fool and his money were soon parted — now it happens to everybody (A fool and his money are soon parted);*
- (41) *A penny saved is a penny taxed (A penny saved is a penny spent);*
- (42) *Be it ever so mortgaged, there’s no place like home (There’s no place like home);*
- (43) *Eat, drink and be merry for tomorrow you may not be able to afford it (Eat, drink, and be merry (for tomorrow we may die).*

В содержательном пространстве, образованном семантикой АП, можно выделить повторяющиеся когнитемы “prices are high”,

“everything is expensive”, которые отсутствуют в ПКМ. (Когнитема — это пропозициональная единица знания, вычленяемая в содержательном пространстве, образованном семантикой языковых единиц, и функционально значимая для описания языковой картины мира, концепта или прототипа. Более подробно см.: (Иванова 2002).)

В ПКМ повторяется когнитема “money is powerful”, та же когнитема весьма характерна и для АПКМ, например, при описании взаимоотношений между мужчиной и женщиной:

(44) *Faint heart never won fair lady — but a full purse can always pull the trick (Faint heart never won fair lady).*

Важность денег во взаимоотношениях даже с близкими людьми подчеркивается в группе образованных на одной основе АП, занимающих промежуточное положение между группами «Деньги и богатство» и «Характеристика человеческой натуры и общества»:

(45) *A friend in need is a friend to avoid (A friend in need is a friend indeed);*

(46) *A friend in need is a friend to keep away from;*

(47) *A friend in need is a friend you don't need;*

(48) *A friend in need is a pest indeed.*

Все варианты построены на основе противоположного традиционному прочтения семантико-синтаксических отношений между словами friend и need: друг, остающийся с человеком, испытывающим нужду, превращается при этом в нуждающегося друга.

АП, характеризующие человека, повествуют о его различных слабостях и непреодолимых недостатках:

(49) *To err is human, but to admit it isn't (To err is human, to forgive divine).*

В АП склонность человека совершать ошибки противопоставляется его неспособности признать их. По своей семантической модели и значению такая АП очень близка традиционной пословице, лежащей в ее основе. В обоих случаях свойственная человеку черта противопоставляется черте несвойственной. Еще одна образованная на этой же основе АП дополняет представление о присущей человеку слабости:

(50) *To err is human, to blame it on someone else is even more human.*

Стремление найти оправдание совершенным ошибкам и не принимать на себя ответственности за них, ссылаясь, в частности, на молодость, описано также в следующей АП:

(51) *You are only young once, after that you have to blame your mistakes on something else (You are only young once).*

В этом случае происходит полное изменение значения исходной пословицы (*Youth cannot be repeated, so enjoy it while it lasts*).

Пословицы провозглашают ценность молчания, осуждают чрезмерную болтливость и неосторожность в высказываниях, и та же мысль в утрированном виде предстает в АП:

(52) *Think twice before you speak and then talk to yourself (Think twice before you speak).*

Распространенные во многих языковых социумах представления о жизни как игре, соответственно, о мире как театре, что, в частности, находит свое отражение в традиционной пословице, в АП преломляется в описание участников этой театральной постановки как плохих актеров или даже работников сцены:

(53) *All the world's a stage, but most of us are stagehands (All the world's a stage);*

(54) *The world is a stage, but the play is badly cast.*

Мир предстает в АП как склонный ко лжи и не приемлющий правды:

(55) *Lie and the world lies with you, tell the truth and the world lies about you (Laugh and the world laughs with you; cry and you cry alone).*

АП учат, как наиболее эффективно прибегать ко лжи:

(56) *A lie in time saves nine (A stitch in time saves nine).*

Человеку советуют не рассказывать никому о своих достоинствах и недостатках:

(57) *Know thyself...but don't tell anyone (Know thyself).*

АП констатируют стремление многих людей получать что-либо от других, нежели давать что-либо другим:

- (58) *It is more blessed to give than to receive — but lots of folks prefer others to have the blessing (It is better (more blessed) to give than to receive).*

Интересна образность АП о пессимисте. Склонность пессимистически настроенного человека видеть все в мрачном свете предстает как стремление сжечь мосты, еще не добравшись и не перейдя их, или же как способность увидеть облако в блеске серебра. АП образованы на основе хорошо известных пословиц, что способствует яркости образов:

- (59) *A pessimist burns his bridges before he gets to them (Don't burn your bridges behind you);*
 (60) *A pessimist is someone who sees a cloud in every silver lining (Every cloud has a silver lining).*

Человек описывается в АП как существо себялюбивое:

- (61) *The reason we can't see ourselves as others see us is that love is blind (Love is blind).*

Любовь, испытываемая человеком, обращена на него самого, он не видит собственных недостатков, поскольку слепо обожает себя. Широкое значение исходной пословицы, имеющей параллели во многих языках, детализируется в АПКМ, подчеркивая эгоцентричный характер человеческого существа. Если в традиционной пословице речь идет в первую очередь о любви к кому-то другому (мужчины к женщине, матери к ребенку), то в современной АП это чувство оказывается направленным у человека на самого себя. Человеку рекомендуется с осторожностью относиться к библейской заповеди о любви к ближнему:

- (62) *Love thy neighbor, but don't remove the fence (Love your (thy) neighbor as yourself).*

В этой АП совмещаются два значения слова neighbor: “(lit) any other human being” и “a person who lives next to you or near you”. Необходимость существования в современном обществе определенной преграды между людьми, препятствующей их тесному сближению и искренней, безоговорочной любви друг к другу, и одновременно необходимость соблюдать осторожность с непосредственным соседом по дому, не забывая о границах земельных участков и гра-

ницах сближения, совершенно отчетливо прочитываются в АП. Ее двойной семантический план, соотнесенный как с значением, так и с внутренней формой, отражает существенные черты мировосприятия современного общества.

АП, образованные на основе пословицы *“Don’t build castles in the air”*, усиливают ее значение *“Don’t dream too much about unattainable goals and things”* за счет добавления информации о нежелательных последствиях привычки витать в облаках. Так, в АП — пример (63) — содержится намек на неизбежные в этом случае психические расстройства, влекущие за собой расходы на психиатра:

(63) *Build castles in the air and your psychiatrist will collect the rent.*

Передается этот намек с помощью яркого образа, построенного на соединении несоединимого — квартирной платы за проживание в воздушном замке, идущей в карман психиатру. АП — пример (64) — подчеркивает опасность столкновения с реальностью после пребывания в грезах за счет не менее яркого образа, рисующего попытку выйти за дверь воздушного замка:

(64) *Castles in the air are all right as long as you don’t step out of the door.*

АП — пример (65) — повествует об опасности намерения длительного и основательного пребывания в воздушных замках:

(65) *Castles in the air are all right until you try to move into them.*

И, наконец, АП — пример (66) — констатирует неотвратимость расплаты за беспочвенные мечтания и устремления, связывая воздушные замки с необходимостью платить ипотеку:

(66) *There are mortgages on every castle in the air.*

Таким образом, в АП остроумно обыгрывается образ воздушного замка как жилого помещения, в которое можно въехать и из которого можно выйти, за которое нужно платить ипотеку или ренту.

Тема брака и описание взаимоотношений мужчин и женщин, занимающие значительное место в пословичном фонде, важны и для корпуса АП. Свойственное пословицам отрицательное отношение к браку находит свое продолжение в АП:

(67) *Tis better to have loved and lost than to have loved and married (It’s better to have loved and lost than never to have loved at all).*

Характерное для традиционных пословиц противопоставление любви браку не в пользу последнего (*Marriage is the tomb of love*) совпадает с мнением, декларируемым АП:

(68) *Love is blind, and marriage is an eye opener (Love is blind).*

Брак предстает как источник зла:

(69) *Matrimony is the root of all evil.*

Как и в пословицах, в АП отмечаются различные неблагоприятные стороны супружества, при этом в первую очередь неблагоприятные для мужчины. Так, он расстанется в браке со своими деньгами:

(70) *A married man and his money are soon parted (A fool and his money are soon parted).*

Попадает под каблук, хотя и тешит себя при этом какими-то иллюзиями:

(71) *If experience is the best teacher how is it that some husbands still think they're the boss of the family? (Experience is the best teacher).*

О нем плохо заботятся:

(72) *A stitch in time is a surprise to many a husband (A stitch in time saves nine).*

АП присуще крайне ироничное отношение как к мужчинам, так и к женщинам, в особенности при описании их реальных или предполагаемых взаимоотношений:

(73) *There are two sides in every man: the side his wife knows, and the side he thinks she doesn't know (There are two sides in every question);*

(74) *A bachelor looks before he leaps, then stays where he is (Look before you leap);*

(75) *Time and tide wait for no man but a woman expects all three to wait for her (Time and tide wait for no man).*

Несколько АП повествуют о неумной болтливости женщин:

(76) *A woman never puts off till tomorrow what she can say today (Never put off till tomorrow what you can do today);*

(77) *The only golden thing that some women dislike is silence (Silence is golden).*

Женщина предстает как существо непонятное и непостижимое:

(78) *Another thing stranger than fiction is a woman (Truth is stranger than fiction).*

Помимо традиционной пословичной тематики, касающейся «вечных истин», в АП появляются частные темы, непосредственно отражающие проблемы современного общества:

(79) *He who hesitates loses the place to park his car (He who hesitates is lost);*

(80) *Seeing is believing, but not when you are looking at a television commercial (Seeing is believing);*

(81) *Anybody who thinks talk is cheap has never argued with a traffic cop (Talk is cheap);*

(82) *Like charity, obesity begins at home (Charity begins at home).*

У этих АП нет образности, они представляют собой максимы и повествуют о сложностях парковки, печальных последствиях общения с дорожной полицией, обманчивости телевизионной рекламы или же причинах лишнего веса. Однако вполне вероятно допустить, что, например, у первой АП со временем может появиться второй план и может развиться более обобщенное значение типа: *he who hesitates loses what he could have got*. Данные предположения о потенциальных изменениях в АП созвучны догадкам о возможных путях генезиса пословицы: от описания конкретной, частной ситуации к ее обобщенному выражению и сопоставлению с аналогичными частными ситуациями.

Отдельную небольшую группу образуют АП о политике и политиках:

(83) *Every **politician** has his price, especially those who are worthless (Every man has his price);*

(84) *A **politician** is known by the promises he doesn't keep;*

(85) *Brevity is a foreign word to any politician's vocabulary (Brevity is the soul of wit);*

(86) *You can elect the **President** to the White House, but you can't make him think (You can lead a horse to the water, but you can't make him drink);*

- (87) *In Congress, it's never too late to amend (It's never too late to mend);*
 (88) *God helps those who help themselves, and the **government** helps those who don't (God helps those who help themselves).*

В семантическом пространстве, образованном этими АП, можно, в частности, выделить следующие когнитемы-характеристики политиков: *politicians are corrupt, politicians are worthless, politicians don't keep their promises, politicians are verbose speakers.*

В АП появляются компоненты, полностью отсутствующие в традиционных пословицах, такие как *mortgage, tax, rent, water/gas/electric bill, television, remote control, computer, telephone, supermarket, obesity, golf, politician, politics, government, president, space travel:*

- (89) *Home is where the **mortgage** is (Home is where the heart is);*
 (90) *Man proposes, and the **computer** disposes.(Man proposes, God disposes);*
 (91) *Talk is cheap, but not on the long-distance **telephone** (Talk is cheap);*
 (92) ***Space travel** originally started with hitching your wagon to a star.*

В своем большинстве АП представляют собой максимы, т. е. не имеют переносного смысла, не содержат образности, хотя встречаются и яркие метафорические АП, как, например, вышеприведенные АП о воздушных замках.

Когнитемы, в особенности повторяющиеся когнитемы, выделяемые на основе анализа семантики АП, весьма красноречиво свидетельствуют о недостатках и пороках современного общества, будучи соотнесенными в подавляющем числе случаев с его отрицательными чертами: *money buys happiness, money buys women, people love themselves above all others, lies are useful, one should be wary of other people, politicians are corrupt, politicians are worthless, marriage is bad, etc.* Они также весьма показательны при описании портрета современного человека на основе интерпретации им окружающего мира, которая нашла отражение в английских антипословицах.

Глава VI
**СИНКРЕТИЗМ ВЫРАЖЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО
И ЗНАКОВОГО ОТНОШЕНИЙ
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ**

Цель главы — показать синкретичное выражение сравнительного и знакового отношений, а также определить факторы, которые делают возможным синкретичное, слитное нерасчлененное выражение исследуемых отношений.

Проблема синкретизма связана с выявлением особенностей речемыслительной деятельности человека, представляющей собой совокупность ментальных процессов и способов их языкового выражения, и в настоящее время одна из наиболее значимых и перспективных. Во многом это определяется становлением когнитивной парадигмы знания, научным интересом к изучению языка как когнитивного механизма, с помощью которого можно получить данные о мышлении человека, его сознании, психике и разуме. Эти проблемы рассматриваются в свете онтологической неразрывности языка, сознания и культуры и в первую очередь национальной и культурной обусловленности языковых выражений ментальных сущностей. Каждый «народ», «нация», «этнос», «личность» воспринимает окружающий мир по-своему, т. е. выявление особенностей когнитивного и языкового освоения действительности отдельными лингвокультурами актуально.

Прежде всего следует пояснить, что понимается под выбранными для анализа отношениями. Сравнение — это отношение ассоциативной связи между двумя явлениями. Характер одного явления раскрывается путем сравнения с другим явлением, т. е. человек пытается охарактеризовать какое-либо явление другими словами, чтобы сделать его более образным, наглядным, понятным. Сравнение играет ведущую роль в процессе познания мира, представляет

собой один из основных приемов, методов, способов осмысления человеком окружающей действительности. Роль сравнения в познании подчеркивается во многих высказываниях, которые стали крылатыми: «без сравнения нет познания», «все познается в сравнении», «сравнение — мать познания» и т. п.

Важность сравнения отмечается философами, психологами, лингвистами. Н. О. Лосский указывал на то, что мышление появляется в сравнении, а само знание достигается процессом сравнения (Лосский 1991: 838). Л. С. Рубинштейн отмечал, что «вещи познаются сначала путем сравнения» (Рубинштейн 2005: 349). Лингвисты считают, что «сущность сравнения состоит в том, что определенные объекты соотносятся между собой по какому-либо общему признаку, свойству, основанию сравнения» (Варшавская 1991: 22). Сравнение в англоязычной лингвокультуре играет значительную роль. В английском языке одно из центральных мест занимают устойчивые сравнения. Они отражают особенности мышления человека, содержат знания человека об окружающей действительности, участвуют в передаче национальных эталонов и стереотипов от поколения к поколению. Устойчивые сравнения — это языковое средство оценки и интерпретации воспринимаемых человеком событий. Сравнение, как оно трактуется в формальной логике, всегда предполагает: 1) *субъекта*, который устанавливает отношение сравнения; 2) *сравниваемое* (*comparandum*) — *объект сравнения* — то, что сравнивается и требует пояснения; это может быть любой чувственно воспринимаемый объект или знания, которые субъект хранит в своей памяти; 3) *сравнивающее* (*comparatum*) — то, с чем сравнивается, понятие, которое служит для пояснения; 4) *основание сравнения* (*tertium comparationis*) — связывающий элемент, служащий «мостиком» между сравниваемым и сравнивающим.

Сравнивающее — образный элемент, который служит для пояснения, — также называют образцом, стереотипом, прототипом, эталоном. Это понятие, как отмечает Н. Д. Арутюнова, имплицитно включает сравнение, с ним сравнивают, чтобы объединить в класс. При этом она подчеркивает, что выделение классов (разрядов, категорий, типов) через сравнение с образцом составляет ресурс не только устойчивой таксономии природных реалий, но и отвечает

постоянно возникающей потребности в окказиональной типизации (Арутюнова 1988: 18). Социальная обусловленность стереотипов подчеркивается многими учеными (Колшанский 1990; Тер-Минасова 2000 и др.).

Идеалы, стереотипы, стандарты составляют неотъемлемую часть человеческого сознания. Л. Витгенштейн пишет: «Идеал неподвижно сидит в наших мыслях. Он подобно очкам сидит у нас на носу, и то, на что мы глядим, мы видим сквозь него» (Витгенштейн 1985: 122). Представление о стандартах, или эталонах и есть та «антропометрическая позиция, которая служит тем фильтром, сквозь который, как через цветное стекло, воспринимается мир» (Телия 1986: 39).

По мнению Е. А. Барляевой, в качестве сравнивающего, эталона сравнения используются символы сознания человека. Актуализацией символа в языке выступают метафора и сравнительные конструкции. Все символы Е. А. Барляева делит на две группы — первичные и вторичные. Первичные символы связаны с бессознательной сферой. Они иницируют смыслы инстинктивного характера (например, посуда, оружие, вода, деревья, цветы, звезды). Вторичные символы — результат рефлексии. Часто они представляют собой идеологический продукт соответствующей эпохи. Эти символы отражают такие содержания сознания человека, которые связаны с его жизнью в обществе (например, театр, деньги) (Барляева 2010).

В английском языке эталон, образный элемент, символ может быть распределен по следующим группам: 1) предмет, творение человека (*as bright as new penny, as bald as a billiard ball*¹); 2) животный мир (*as gaudy as a peacock*); 3) вещество, материал (*as fine as silk*); 4) растительный мир (*as fresh as a daisy, as cool as a cucumber*); 5) религиозные и языческие представления (*as ugly as sin, look like death*

¹ Эталон человеком всегда избирается из тех предметов и объектов, которые непосредственно связаны с его деятельностью. Вероятно, образ бильярдного шара более близок англичанам, так как Англия одна из тех стран, которые претендуют на то, чтобы называться родиной бильярда. Здесь всегда любили и любят эту игру.

warmed up); 6) явление природы; 7) реалия (as tall as a maypole², as thin as a whipping post³); 8) часть тела (as flat as your hand).

В качестве эталонов-символов в сравнительных конструкциях используются деньги (penny), предметы быта (button, pin, hat, boots), птицы (crow, peacock), вещества (silk, wax) и т. д. Семантический анализ сравнений позволяет выявить важные ментальные установки народа. Эти символизируемые предметы и явления окружающей действительности порождают смыслы англоязычной лингвокультуры, характеризуют наиболее значимые сферы жизненного опыта человека, особенности их осмысления.

Большое значение в английской лингвокультуре также придается знакам. Взаимодействие человека с окружающим миром всегда происходит в условиях широкого применения знаков. Ни одна из форм человеческой деятельности не может обойтись без знаков. Понятием знака оперируют многие науки: логика, философия, математика, семиотика, лингвистика и др. Все многообразие знаков можно условно разделить на две основные группы: языковые знаки, к которым относятся знаки естественных вербальных языков, и неязыковые знаки, не связанные напрямую с естественным языком. Нас будут интересовать неязыковые знаки, которые также можно разделить на конвенциональные (условные, общепринятые, понятные большинству представителей определенной культуры) и окказиональные (неконвенциональные). В центре нашего внимания будут окказиональные знаки, созданные человеком непреднамеренно, спонтанно, по случаю.

Под знаковым отношением мы понимаем отношение означивания, когда человек осмысливает некоторое чувственно воспринимаемое событие (объект, действие человека, животного и пр.) как

² Это сравнение имеет особую национальную окраску, так как в его составе находится реалия, связанная с проведением английских праздников. Так называемый майский шест (maypole) существовал в каждой английской деревне и городе. Первого мая он украшался цветами, а также лентами, которые необходимо было держать в руках всем, кто водил хоровод. Это сравнение обладает неодобрительной оценкой.

³ Такое сравнение по своему значению соответствует русскому варианту *худой как шест*. Однако создаваемый образ позорного столба создает дополнительный негативный оттенок. В Англии у позорного столба (whipping-post) высекали провинившихся.

знак чего-то иного. Человек часто не обращает внимание на то, что он — творец знаков, не замечает роли этого вида своей знаковой деятельности в повседневной жизни. Однако он часто говорит о знаках, актах означивания. Способность человека к окказиональному означиванию появляется у человека на самых ранних этапах его развития. Этот вид знаковой деятельности представляет собой один из первичных видов деятельности человека, подобно питанию, ориентации в пространстве, передвижению. По мнению Л. С. Выготского, сигнификация (способность человека создавать и использовать знаки) «основной и самой общей деятельностью человека, отличающей его от животного с психологической точки зрения» (Выготский 1983: 79–80). Знакоприсвоение — это результат активной деятельности человека, благодаря которой он познает окружающий мир, осуществляет самопознание, самооценку, приобретает, хранит и преобразует свои знания (подробнее об отношении означивания см.: (Варшавская 1997)).

В настоящей главе сравнительное отношение (СО) — основное, исходное отношение, а знаковое отношение (ЗО) накладывается на него, поэтому анализ отношений начинается с исследования СО.

Сравнение относится к категории отношений, поскольку выражает отношение между минимум двумя ситуациями (объектами). Непосредственным результатом логической операции сравнения выступает выявление отношений сходства и различия между объектами. Отметим, что, несмотря на наличие сравниваемых объектов в окружающем мире, сравнительные отношения (сходства, различия), подобно ЗО не даны непосредственно в объективной действительности, а представляют собой результат категоризирующей, обобщающей мыслительной деятельности человека.

Знак создается в знаковой ситуации, которая описывается в высказывании. Понятие знаковой ситуации в нашей работе основывается на том, что в знаковой ситуации действует не сам знак, а то, что человек сделает знаком. В своих работах А. И. Варшавская называет такого рода ситуации знакотворческими (Варшавская 1997: 215–225). В рассматриваемых ситуациях некоторый реальный объект «означивается» и становится окказиональным знаком.

Знаковая ситуация включает: 1) *субъект*, который может присвоить знаковую функцию объекту; 2) *объект*, которому присваи-

вается знаковая функция (это может быть любой предмет с каким-то его свойством или признаком, явление природы, действие человека, животного); 3) *смысл «знака»* — то, как субъект понял увиденное, или смысл понятого; а также 4) ЗО, которое устанавливает субъект.

Сопоставляя знаковую ситуацию и ситуацию сравнения, можно обнаружить их структурное сходство. Рассматриваемые ситуации имеют одинаковые элементы: субъект (кто устанавливает рассматриваемые отношения), первый член — материальный, чувственно-воспринимаемый объект сравнения/означивания, второй член — сравнивающее, смысл знака.

Сходство СО и ЗО можно также выделить при анализе познавательной деятельности человека. Процесс взаимодействия человека и мира можно условно разделить на онтический, сенсорный, перцептивный, мыслительный и языковой уровни. *Онтический уровень* характеризуется тем, что в окружающем мире происходит множество событий, которые тесно связаны законами природы, активно взаимодействуют и зависят друг от друга. Человек видит в этом непрерывное проявление разнообразных законов, влияние одних событий окружающего мира на другие. В своем желании познать, понять и объяснить окружающий мир человек использует сенсорные данные. *Сенсорный уровень* — это элементарный базисный уровень познания, на котором далее строится восприятие. На этом этапе человек сенсорно ощущает некоторое внешнее воздействие, воспринимает (видит, слышит) некоторое событие, происходящее в окружающем мире. В результате в сенсорной системе человека образуется предперцепт некоторого воспринимаемого события. Под предперцептом мы понимаем, согласно В. А. Барabanщикову, «заготовку», «зародышевую клетку» восприятия (Барabanщиков 2006). Предперцепт — это элементарное ощущение, не нагруженное некоторым смыслом. На этом этапе мы будем условно говорить о «чистом» восприятии, не дополненном знаниями человека, его памятью, опытом. Этот этап представляет собой самое начало акта познания. На *перцептивном уровне* идет формирование перцепта, который образуется в результате прохождения этапов локализации, идентификации, категоризации воспринятого (Барabanщиков 2006; Величковский 2006). Результатом акта перцеп-

ции будет перцепт события (слуховой, зрительный, тактильный и т.д.). На этом этапе вступает в действие субъективный фактор говорящего, который проявляется в конкретной фокусировке события, анализе его признаков, подведении под общую категорию. Следовательно, зрительный/ слуховой перцепт содержит в себе не только чувственные данные, но и мыслительное содержание, которое организовано определенным образом. В разных условиях и обстоятельствах события, объекты, их свойства и признаки воспринимаются и интерпретируются по-разному. На *мыслительном уровне* осуществляется дальнейшая категоризация, концептуализация воспринятого. Человек понимает воспринятое в зависимости от тех знаний о мире, которые определяют его концептуальную картину мира. На *языковом уровне* человек сообщает о том, что он понял, выражает результат осмысления в языке в зависимости от того, как он хочет и может об этом сказать. Мыслительное содержание реализуется в форме высказывания, которое организуется каким-либо отношением (причинным, временным, пространственным, знаковым, сравнительным и др.).

Представленные уровни — достаточно условное деление, тем не менее их можно использовать как начальный момент упорядочения материала. Анализ СО и ЗО на этих уровнях позволит выявить их общие черты, которые служат основанием для их синкретичного выражения. Для нас важно то, что в качестве объектов сравнения и объектов означивания могут выступать материальные чувственно воспринимаемые объекты. Это роднит СО с ЗО, а также с другими содержательными отношениями, которые человек устанавливает, осмысливая окружающий мир. Это свидетельствует о сродстве⁴ СО и ЗО на онтическом уровне.

Как было сказано, на этапе чувственного познания мы выделяем два уровня — сенсорный и перцептивный. На сенсорном уровне происходит зарождение предперцепта. Мы выделяем в чувственном познании сенсорный уровень, этап ощущений, чтобы показать, что есть такой элементарный базисный уровень познания, на котором далее строится восприятие. Этот этап — общий для создания

⁴ Термин «избирательное сродство» был введен И. Бехертом для описания родства некоторых грамматических категорий (Бехерт 1982).

ситуации сравнения и знаковой ситуации. Прежде чем сравнить реальный объект или осмыслить его «знаково», человек должен его сенсорно ощутить (сродство на уровне ощущений). Будущее сравниваемое (объект сравнения) и будущий окказиональный знак или имеют единый предперцепт.

Как представляется, справедливо говорить о близости СО, ЗО с другими ситуациями и отношениями, которые человек устанавливает в ходе своей познавательной деятельности. Это объясняется тем, что у различных содержательных отношений на этапе ощущения может быть обнаружена глубинная единая первооснова. Любое событие, происходящее в окружающем мире и воспринятое органами чувств, человек может осмыслить знаково, сравнить с чем-то иным, воспринимаемое событие может вызвать ассоциацию, может заставить человека задуматься о причинах, следствиях, условиях и т. д. Все это может свидетельствовать о наличии у различных содержательных отношений единого перцептивного основания.

Еще одно сходство сравнения и означивания — их функциональность. Под функциональностью знака понимается его способность представлять, обозначать некоторое другое содержание. Идея сравнения также связана с возможностью использования чего-то одного для понимания и интерпретации другого. Характер одной ситуации раскрывается путем сравнения с другой ситуацией, т. е. человек пытается охарактеризовать какую-либо ситуацию другими словами, чтобы сделать ее более образной, наглядной, понятной, на основе контраста, сравнения. Думается, что это роднит означивание и сравнивание, поэтому вполне уместно утверждать, что идея знаковости заложена в семантику сравнительных предложений.

Языковые единицы, выражающие СО, представлены единицами различных уровней языка: союзами (like, as, as if, as though), глаголами (to resemble, to remind), прилагательными (like, similar, analogous, equivalent, different и др.) (Варшавская, Карташова, Кузьмина, Сафронова 1991: 22–47; 2008: 54, 78; Барляева 2010: 44). В нашем исследовании будут рассматриваться конструкции с союзами as if, as though, like, as. Названные союзы многозначны и могут актуализировать в высказываниях большое количество содержатель-

ных отношений. Согласно словарным дефинициям, союзы *as if* и *as though* имеют:

1) сему «кажимости» — *as if*:

- (1) *in such a way that smth seems to be true* (Macmillan English Dictionary 2006);
- (2) *used to describe how a situation seems to be* (Cambridge American English Dictionary 2011);

2) сему «реальности/ирреальности» — *as if*:

- (3) *used when you are describing smth and you imagine an explanation for it that you know is **not the real one*** (Macmillan English Dictionary 2006);
- (4) *as **would be** the case if* (Oxford English Dictionary 1995).

Различные грамматики английского языка указывают на то, что придаточное с *as if/ as though* может иметь оттенок предполагаемого действия, выражать гипотетичность, возможность (Структурный синтаксис... 1972; Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 1972; Eastwood 1994; Murphy 2010). Лингвисты также отмечают, что рассматриваемые союзы могут вводить придаточные сравнения, образа действия, меры и степени, придаточные предикативные, а также инфинитив со значением цели (Гвоздилина 1991). Как мы видим, семантическая структура сложноподчиненного предложения (СПП) с придаточными *as if / as though* достаточно разнообразна, что объясняется полисемией союзов *as if* и *as though*. Мы рассматриваем СПП с союзами *as if / as though* как СПП с придаточными сравнительными. В сложных предложениях этого типа то, о чем говорится в главном предложении, поясняется при помощи сравнения, заключенного в придаточном предложении.

В ситуации сравнения, которая рассматривается нами, один ее член — сравниваемое — представлен материальными элементами. Это некоторая реальная ситуация, наблюдаемая человеком. Другой член — сравнивающее — это элемент мысли, знания. Необходимо отметить, что сравниваемое, подобно смыслу окказионального знака, не закреплено за сравнивающим, последнее связано непосредственно с опытом человека, его практической деятельностью. Подтверждением того, что сравнивающее принадлежит менталь-

ной сфере, может служить тот факт, что в предложениях с *as if* / *as though*-придаточным могут употребляться формы сослагательного наклонения, прошедшего времени, которые указывают на ирреальность, гипотетичность, предположение значения придаточного. Приведем пример:

- (5) *My back burns as if a thousand gridirons were laid on it.*^{*5}

В этом примере объектом сравнения выступают ощущения героя. Боль в спине сравнивается с другой ситуацией — к спине приложили тысячу раскаленных решеток для пытки огнем. Сравнение идет не с реальным явлением, а лишь с условно предполагаемым, на что указывает факт употребления сослагательного наклонения в придаточной предикативной единице: на самом деле героя никто не пытал. Сравнивающее в ситуации сравнения подуманное, принадлежит концептуальному, не наблюдаемому уровню, что роднит его с окказиональным смыслом знака в знаковой ситуации.

Как уже было отмечено, СО — основное, исходное отношение, а ЗО накладывается на него, поэтому далее мы будем анализировать высказывания, в которых формально выражено СО. Тем не менее, несмотря на отсутствие в рассматриваемых ниже высказываниях средств выражения ЗО, описанные в них ситуации также можно считать знаковыми:

- (6) *It is unlike any other village in Kashmir. Passing by the main road that cuts through Hawal a good part of the village looks as if it has been subjected to aerial bombing with scores of houses lying in ruins, bereft of humans. ... Brown brick houses and villas are crumbling amid green walnut trees, giving a ghostly look to the village. The erstwhile kitchen gardens are now covered under grass and wild bushes. The houses are without windows and doors and in some cases without rooftops. The stink of the decaying walls, human and animal waste fills the air inside. The graffiti by village boys narrates teenage love stories, broken promises and scandalous affairs.**

Несмотря на то что в этом высказывании нет маркеров ЗО, на наш взгляд, его можно рассматривать как высказывание о знаковой ситуации. Окказиональный знак здесь — внешний вид зданий,

⁵ Примеры, отмеченные * взяты из эл.ресурса www.natcorp.ox.ac.uk.

особняков, садов в деревне. Смысл знака — мысль героя о том, что по деревне был нанесен авиационный удар (it has been subjected to aerial bombing).

Сравнение и знаковое осмысление осуществляется в пределах социального опыта человека, опыта его миропонимания, его знаний о мире. Приведем примеры высказываний, в которых человек приписывает воспринятому одинаковый смысл, однако в качестве воспринятого (осмысляемого) выступают совершенно разные объекты:

- (7) *The house looked **as if** nobody had lived there;**
- (8) *Hallward glanced round him, with a puzzled expression. The room looked **as if** it had not been lived for years. A faded Flemish tapestry, a curtained picture, an old Italian caisson, and an almost empty bookcase — that was all that it seemed to contain, besides a chair and a table (Wilde).*

Эти высказывания о ситуации сравнения допускают и знаковое истолкование. Субъекты этих семиотических актов перцептивно воспринимают некоторое помещение (дом, комнату). Они видят следы заброшенности, запустения этих помещений и приходят к выводу, что в них никто не живет.

Следующее высказывание интересно тем, что содержит как союз *as if* — показатель СО, так и существительное *a sign*, номинирующее ЗО:

- (9) *The distant flat roof of the house came into sight over sea of trees ahead. The children stopped, **as if** the house was **a sign** that they should go no farther (Fowles).*

Дом, увиденный детьми, воспринимается ими как знак того, что дальше им идти нельзя. В рассматриваемом высказывании представлена информация о прагматическом эффекте, т.е. реакции интерпретаторов на знак. Реакцией на понимание выступает то, что дети остановились.

Условно *as if*-предложения, вводящие знаковую ситуацию, можно разделить на две группы.

Первая группа. *As if*-предложения, вводящие типичную знаковую ситуацию. Эта группа примеров содержит практически всех

участников знаковой ситуации (знак, субъект, смысл, а также прагматический эффект):

- (10) *The Mock Turtle sighed deeply, and drew die back of one flapper across his eyes. He looked at Alice and tried to speak, but for a minute or two sobs choked his voice. «Same **as if** he had bone in his throat», said the Grifphon, and it set to work shaking him and punching him in the back (Carroll).*

Здесь субъектом семиотического акта выступает Грифон. Странное поведение его друга — для него знак того, что тот подавился. Он по-своему интерпретирует эту ситуацию, придает ей особый смысл, т. е. он воспринимает всю ситуацию как знаковую, а отсюда и прагматический эффект: Грифон старается помочь своему другу (принимается его трясти, стучит по спине):

- (11) *“Shut up!” Cohn said. He stood up. “Shut up, Mike”. “Oh, do not stand up and act **as though** you are going to hit me. That won’t make any difference to me” (Hemingway).*

Субъект этой знаковой ситуации представлен Майклом. Поведение Кона он расценивает как знак того, что тот хочет его ударить. Из текста известно, что ранее Кон занимался боксом, поэтому, видимо, для устрашения своего противника, чтобы заставить его замолчать, он становится в стойку боксера. Майкл понимает его намерение, разгадывает смысл этого знака и сразу же реагирует: Я не боюсь вашей угрозы (Не испугаете!).

Вторая группа. *As if*-предложения, описывающие знаковую ситуацию, в которой одна знаковая ситуация имеет двух субъектов семиотического акта:

- (12) *The salutations of the young men were cordial and frank, and, on the part of Henry Wharon, as collected **as if** nothing had occurred to disturb his self possession (Cooper).*

С одной стороны, субъект 1 этой знаковой ситуации — сам капитан Уорон, который хочет, чтобы его поведение служило знаком того, что ничего не случилось. С другой стороны, субъект 2 — офицеры, которые воспринимают поведение капитана Уорона как знак того, что он хочет, чтобы все думали, что ничего не случилось.

Знаковая ситуация, описанная в примере (12), возникает тогда, когда со стороны какого-либо лица есть интенция, намерение, желание придать своему поведению, своей внешности определенный вид, выступающий в этом случае знаком. Как правило, предложения такого рода содержат высказывания типа «делать вид», которые сами по себе и есть как бы сигналы знаковой ситуации.

- (13) *“They’re good, aren’t they?” She asked. He said nothing, nodded his head and raised his eyebrows. She gave him the left earpiece so he could clearly hear both channels. She smiled at him. He was just staring at her blankly, completely uninterested of what he’s hearing. He found the music too loud and whiny. He’s thinks of himself as a connouisseur when it comes to choosing music. Finally, he smiled back **as if it is a sign of approval**. She smiled again and uttered, “I told you so!”**

Герои вместе слушают музыку. Молодой человек — субъект 1 знаковой ситуации (he) слушает музыку, предложенную ему девушкой (субъект 2). Он скрывает свои истинные чувства, обманывает девушку, скрывает тот факт, что ему не нравится ее музыкальный вкус. Он улыбается в знак того, что наслаждается мелодией. Девушка улыбается ему в ответ, не замечая обмана.

Далее рассмотрим конструкции с союзами *like*, *as*. Наиболее распространенная модель конструкции с этими союзами — модель «существительное + *like/as* + существительное». Высказывания с такими сравнительными конструкциями строятся по такой же логической формуле, которая упоминалась выше. Напомним ее еще раз: 1) объект, который сравнивают; 2) объект, который служит для пояснения; 3) основание сравнения. С точки зрения Е. А. Барляевой, сравнивающее (объект, который служит для пояснения) — это символ сознания человека, который используется в качестве опорного слова, эталона сравнительной конструкции (Барляева 2010: 71). Таким образом, лингвист рассматривает сравнительные конструкции как структуры языка, фиксирующие символические элементы сознания человека.

Итак, мы рассматриваем символы как знаковые единицы и выделяем первичные и вторичные символы, по Барляевой. Далее речь пойдет о вторичных символах. Выступая в качестве сравнивающего в ситуации сравнения, они определяют связь операций

сравнения и означивания. Е. А. Барляева делит вторичные символы на три группы: 1) идеологически переработанные первичные символы; 2) собственно вторичные символы как самостоятельные продукты разных культур и идеологий; 3) социальные символы (там же: 221). Наше внимание будет уделено социальным символам. Социальные символы, подобно мифам, традициям, обычаям составляют часть социального мира человека. Они наиболее удобны и доступны для понимания регулирования общественных отношений.

Выбор социальных символов происходит не случайно. Он связан с человеческой деятельностью. Известно, что поведение человека в обществе опосредовано социальными ролями, которые регламентируют и определяют жизнь всех членов определенной социальной группы (в семье, школе, церкви, клубе, на работе и т. д.). Эта функция может проявляться как во внешних формах, например, поведении или форме одежды, так и во внутренних, например, эмоциональной реакцией на определенные события, поступки и слова, соответствующие людям определенного статуса, профессии и т. д. Существуют определенные стандартные представления — типы учителя, студента, солдата, доктора и т. д. Человек пытается угадать сферу занятий другого человека по тому, как тот одет, как разговаривает. Внешний вид, одежда, поведение человека могут быть знаком его принадлежности к определенной профессии. Это свидетельствует о символизации социальных представлений. Приведем несколько примеров таких символов:

- (14) *While Allyce and Alex were reading the menu completely oblivious to our surroundings, I looked next to me and a cook (or at least he looked **like** a cook) was standing outside in a plastic looking apron holding a knife while casually smoking a cigarette.**

В этом примере человек оценивается по внешности. Герой видит перед собой человека в фартуке. Воспринятое связывается в его сознании с образом повара.

- (15) *The pen dropped from Dorian Grey's hand, and he felt as if his heart had suddenly stopped beating. "A sailor?" — he cried out. "Did you say a sailor?" "Yes, sir. He looks **as if** he had been a sort of sailor tattooed on both arms and that kind of thing" (Wilde).*

В этом примере субъектом семиотического акта выступает группа людей, в представлении которых люди с татуировками имеют отношение к профессии моряка, поэтому, увидев татуировку на руках Джека Вейна, они воспринимают ее как знак того, что он моряк.

В примерах сходство с представителями разных профессий определяется голосом, речью. Известно, что в языке существуют закрепленные стереотипы, формы, стандарты речи представителей разных социальных слоев, родов деятельности. Человек часто ссылается на эти стереотипы в своих описаниях речевой деятельности окружающих его людей, производя сравнение. Как отмечает Е. А. Барляева, «самый незначительный на первый взгляд оборот речи, специальный термин или произношение могут быть восприняты как показатель определенного образа жизни. В результате данный речевой акт становится символом той или иной социальной группы с ее образом жизни и деятельности» (Барляева 2010: 224):

(16) *You talk **like** a public accountant or a landscape gardener.**

В этом примере речь говорящего сравнивается с речью бухгалтера и садовника-озеленителя.

(17) *Stand, sit, lie... sit, lie, stand... You sound **like** a dog trainer.**

В этом примере речь идет о стереотипе речевого поведения дрессировщика собак.

Желание выполнять какую-то определенную роль в обществе может быть достигнуто, если использовать в своей речи специальную лексику:

(18) *Prison slang words make you sound **like** a tough guy;**

(19) *Learning such words as inflation, alpha, reinvestment risk, implied volatility, convexity, duration, swap spread etc will make you sound **like** a Wall Street Hotshot.**

На основании сказанного можно сделать вывод о том, что синкретизм выражения сравнительного и знакового отношений обусловлен их сходством на онтическом, сенсорном, перцептивном, мыслительном уровнях. Рассмотренные союзы *as if*, *as though* об-

ладают широкой семантикой, что позволяет по-разному интерпретировать высказывание, которое в них содержится. В сравнительных конструкциях с союзом *like* в качестве сравнивающего могут выступать символы сознания — наиболее значимые предметы и явления жизни, что, в свою очередь, позволяет говорить о знаковом характере сравнения. В заключение отметим, что сравнение, символизация, означивание составляют важный момент в познавательной деятельности человека, позволяют лучше понять самого человека в целом, особенности его мышления, языка, а также его культуры, истории, бытия.

Список источников примеров с сокращениями

- Hemingway — *Hemingway E. Fiesta, the Sun Also Rises. Moscow, 1981.*
 Wilde — *Wilde O. The Picture of Dorian Grey. Moscow, 1963.*
 Fowles — *Fowles J. The Magus. New York, 1976.*
 Carroll — *Carroll L. Alice's Adventures in Wonderland. Moscow, 1967.*
 Cooper — *Cooper J. F. The Spy. Moscow, 1975.*

Глава VII

“I’M NOT A FEMINIST, BUT...”: ФЕМИНИЗМ И САМОПРЕЗЕНТАЦИОННЫЕ ТАКТИКИ ЖЕНЩИНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ В АМЕРИКАНСКИХ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ)

Одним из фундаментальных принципов современной лингвокультурологии выступает представление о языке как форме существования национального мировоззрения («культурном коде нации»). Репрезентация и воспроизводство ценностных установок общества языковыми средствами стали объектом пристального внимания для лингвистов. И если вербальная деятельность человека позволяет судить о содержании его внутреннего мира (Караулов 1987: 6; Гусева 2008), об особенностях социального мышления индивида, то она же обеспечивает возможность научного доступа к базовому комплексу социальных знаний, усвоенных определенным индивидом в ходе его интеграции в национальную лингвокультуру.

В настоящем исследовании мы попытаемся выявить некоторые особенности национального мировоззрения, которыми регулируются вербальные действия американской женщины при выражении ею гендерно-ориентированных суждений. Кроме того, будут рассмотрены аспекты вербальной самопрезентации американских женщин в ситуациях коммуникативного риска в зависимости от наличия или отсутствия у адресанта приверженности феминизму.

Исследование выполнено на материале 200 Интернет-публикаций (постов в электронных журналах, блогах и на Интернет-форумах) и пользовательских комментариев к ним; авторы исследованных текстов — женщины, проживающие в США, носительницы английского языка.

Общеизвестно, что сегодня положение женщины считается одним из самых надежных индикаторов гуманистической ориенти-

рованности общества; исключение женщины из культурного процесса, посягательство на ее личную автономию и творческое самовыражение рассматривается как пагубное для развития культуры (Крыкова 2009). Феминизм, пересматривая традиционные гендерные нормы, отстаивает право человека (вне зависимости от биологического пола) «на беспрепятственные самоопределение, самореализацию, выбор приоритетности видов той или иной деятельности» (Шаповалова 2006:2). Сопоставив несколько дефиниций лексемы *feminism*, приведенных в англоязычных словарях, можно заметить, что в качестве основы феминистского мировоззрения лексикографические источники отмечают установки на равный доступ женщин и мужчин к властным ресурсам, достижение гендерного равноправия в политической, экономической и социальной сферах и искоренение гендерной дискриминации: *political, economic, and social equality of the sexes; women should be allowed the same rights, power, and opportunities as men and be treated in the same way*. Таким образом, цель феминизма — справедливое, эгалитарное распределение социальных свобод, прав и полномочий между людьми. Приведем дефиниции лексемы *feminism* семи словарей:

MW	— 1. the theory of the political, economic, and social equality of the sexes; 2. organized activity on behalf of women's rights and interests
CALD	— the belief that women should be allowed the same rights, power, and opportunities as men and be treated in the same way, or the set of activities intended to achieve this state
LDCE	— the belief that women should have the same rights and opportunities as men
OI	— an attitude favoring the movement to eliminate political, social, and professional discrimination against women.
RHKW	— 1. a doctrine advocating social, political, and economic rights for women equal to those of men; 2. a movement for the attainment of such rights.
CED	— a doctrine or movement that advocates equal rights for women
CAD	— 2a. the principle that women should have political, economic, and social rights equal to those of men; 2b. the movement to win such rights for women

Социальная справедливость и уважение к личности не только представляют собой универсальные гуманистические ценности, но и рассматриваются лингвистами как смысловые доминанты американской культуры и языковой картины мира (Pachter 2005;

Селиверстова 2007). Тем не менее феминистская идентичность, основанная на этих ценностях, остается трудноприемлемой для многих американок (*a tough badge to wear* — Kelly 2012 — электронная версия).

Антифеминистская кампания 1980–1990-х годов, развернутая в американских СМИ неоконсерваторами, а также внутренние противоречия женского движения во многом способствовали формированию отрицательного имиджа феминизма в американском обществе (Воронина 2011). Несмотря на важные завоевания феминизма и его устойчивое положение в социальном и культурном пространстве США, американские женщины нередко отмечают, что использование ими самообозначения *feminist* может провоцировать болезненную реакцию окружающих. В связи с этим феминистками периодически осуществляются попытки по созданию альтернативных автономинаций (*equalist, equal opportunist*), не имеющих такой отрицательной отмеченности, как слово *feminist*:

“I was once at a feminist art conference and a when discussing Gen-Y’s¹ hatred of the phrase feminism, someone suggested that we make up another more ‘user-friendly’ word in its place” (Colvin 2011).

Повышенный коммуникативный риск, связанный с утверждением *I am a feminist*, обычно прогнозируется сторонниками гендерного равенства, о чем могут сигнализировать модально-оценочные элементы, используемые в самоидентификационных высказываниях с этим содержанием.

Сообщение *I am a feminist* нередко дополняется компонентами, которые эксплицируют отношение адресанта к факту своей приверженности феминизму. Обычно аксиологическая оценка пропозиционального содержания *I am a feminist* имеет положительный знак, например:

- (1) *I am a **loud and proud** feminist* (PS);
- (2) *I am a **happy** feminist* (Ibid.).

Тем не менее одни из наиболее частотных средств передачи авторского восприятия своей феминистской идентичности — при-

¹ Generation Y (поколение «игрек») — поколение родившихся в период с 1980 г. по начало 1990-х годов.

лагательные *unapologetic*, *unabashed*, *unashamed* или однокоренные наречия. Все перечисленные лексемы выражают отсутствие у человека таких отрицательных эмоций, как вина, стыд, сомнение, смущение или сожаление (ср. *unapologetic* — *offered, put forward, or being such without apology or qualification; not feeling or showing regret or shame* (MW); *unashamed* — *being without guilt, self-consciousness, or doubt* (MW); *unabashed* — *not embarrassed or ashamed about openly expressing strong feelings or opinions* (MW)):

- (3) *I am an F word, **unapologetically** a feminist* (KT);
- (4) *<...> I am an overt and **unabashed** feminist: I believe women have the same civic and human worth men do* (ES);
- (5) *I'm a 54-year-old working woman and a wife, stepmom and grandmother. I'm also an **unashamed** feminist* (VB).

Использование этих дескрипторов моделирует предполагаемую реакцию слушателей на пропозицию *I am a feminist*; очевидно, от адресанта высказывания ожидается, что она *будет* испытывать моральное неудобство, сообщая о своем жизненном выборе. Отчасти источником такого дискомфорта служит сам факт открытого выражения жизненных позиций или сильных чувств, которое приводит к резкому сокращению психологической дистанции с собеседником и противоречит американской коммуникативной установке на неимпозитивность (Ларина 2003). Это предположение подтверждается широким использованием лексем *unapologetic*, *unabashed*, *unashamed* в сообщениях о наличии у человека любых устойчивых мировоззренческих форм. Действительно, в «Корпусе американского варианта английского языка» зафиксированы сочетания этих прилагательных с существительными *Catholic*, *Muslim*, *liberal* и др.

Тем не менее нельзя не признать, что словосочетания с лексемами *unapologetic*, *unabashed*, *unashamed* обязательно содержат предсуппозицию о негативном отношении окружающих к предмету высказывания. Такое явление удобно наблюдать на материале сочетаний с существительными отрицательной семантики, обозначающих порицаемые действия или качества:

- (6) *An unabashed **chain-smoker** who alternates (sometimes in rapid succession) between inexpensive Garcia Y Vega stogies...* (COCA);

- (7) *Muslim Brotherhood founder, Hassan al-Banna, an unabashed admirer of Hitler and Mussolini...* (COCA).

Таким образом, можно предположить, что включение лексем *unapologetic, unabashed, unashamed* в высказывание *I am a feminist* сигнализирует о допущении адресантом возможности негативной реакции слушателей на ее сообщение.

Неоднозначный статус феминизма в американской картине мира приводит к парадоксальной ситуации, когда женщины, разделяя идеи гендерного равенства в межличностных и социальных отношениях, не стремятся позиционировать себя как феминисток (Leaper, Arias 2011; Zucker 2004). Писательница и журналистка Э. Левенсон использует для характеристики этой группы ироническое обозначение *feminisn'ts* («я-не-феминистки»). Показателен пример, который приводит американская писательница Т. Мой:

- (8) *At Duke, I occasionally teach an undergraduate seminar called Feminist Classics. In the first session, I ask the students whether they consider themselves to be feminists. The answer is usually no. When I ask them if they are in favor of freedom, equality, and justice for women, the answer is always yes. "Doesn't this mean that you are feminists after all?" I ask. The answer is usually, "Oh, well, if that's all you mean by feminism, then we are feminists. But we would never call ourselves feminists"* (Moi 2006: 1735).

Героини этого сюжета отказываются применять обозначение *feminists* по отношению к себе, справедливо полагая, что феминистская идентичность связана для женщины с такой бытийной и коммуникативной нагрузкой, которая далеко не исчерпывается преданностью идеалам свободы, равенства и сёстринства — *if that's all you mean by feminism, then we are feminists*.

Интересно, что дистанцирование от феминизма может использоваться современными американскими женщинами в коммуникативных действиях, направленных на положительную самопрезентацию говорящей. Это особенно характерно для ситуаций, когда адресант выступает с критическим суждением в отношении гендерного устройства общества. В таких случаях поведение коммуниканта определяется двухвекторной интенцией, которая направлена на выражение согласия с позициями феминизма при од-

новременной диссоциации от феминистской идентичности. Одно из основных средств реализации такого коммуникативного намерения — структура *I am not a feminist, but...* (например, *I am not a feminist, but I believe in equality for women* (Byrne, Lentin 2000: 1)), которая, по мнению ряда теоретиков и исследователей феминизма (Friedan 1981; Moi 2006), воплощает в себе ценностные предпочтения и языковые практики значительной доли современных жительниц США².

Гендерно-ориентированные суждения³ проблемного характера, оформленные структурами *I am not a feminist but; not that I am a feminist (but...)*, выступают результатом социальной рефлексии говорящего и эксплицируют мнение адресанта по поводу конкретных жизненных ситуаций (9) или гендерной системы в целом (10):

(9) *"I'm not a feminist, but **the fact that she had been drinking doesn't mean that she was 'asking for it'**"* (KP);

(10) *<...> there are many young women these days who often start their sentences with, "I'm not a feminist, but ..."
But I believe in equal pay for equal work.
But I think women can do anything men can do.
But I think girls can become any profession guys can* (JB).

Гендерно-ориентированные суждения, оформленные структурами типа *I'm not a feminist but...*, обычно содержат семантические и формальные элементы, которые могут интерпретироваться слушателем как приметы феминистского дискурса. Например, адресант может предсказывать женщинам и мужчинам одинаковые способности в профессиональной сфере и выражать критику не-

² Впрочем, аналогичное явление отмечено и в русской лингвокультуре: «Осторожное, промежуточное название говорит о том, что протест уже есть, но безопасная платформа для его выражения еще не найдена. Двигаясь по тому же типу, многие женщины в России начинают говорить о своих социальных позициях со слов "Я не феминистка, но..." Я не феминистка, но: мне неинтересно читать женские журналы; я не ношу каблуки и не использую косметику; чувствую непонятное раздражение, когда слышу слова "телка" и "баба", когда случайный знакомый комментирует мою внешность, а на работе спрашивают, почему у меня все еще нет детей» (Плунгян 2011).

³ Термин А. С. Вахрамеевой (2009).

равномерного распределения трудовой нагрузки между мужчинами и женщинами:

- (11) *"I'm not a feminist, but **women are just as capable of holding high political office as men**"* (KP);
- (12) *I am not a feminist, but **it really annoys me that working women have to work a double shift*** (Byrne, Lentin 2000: 1).

Гендерно-ориентированное суждение может отвергать общепринятые нормативные конструкты в отношении мужчин и женщин, их межличностного и социального поведения или мотиваций; так, в примере (9) (*the fact that she had been drinking doesn't mean that she was 'asking for it'*) адресант выражает несогласие со стереотипным представлением о том, что употребление женщиной алкоголя может служить основанием для навязывания ей сексуального контакта. Встречаются случаи употребления вводной структуры *I'm not a feminist, but...* при сообщении о жизненных планах адресанта, которые не совпадают с представлениями о жизненной траектории женщины, актуальными для американской лингвокультуры на момент произнесения высказывания:

- (13) *I'm not a feminist, but **I'm going to be an astronaut*** (Friedan 1981: XX);
- (14) *I'm not a feminist, but **I don't know yet whether I'll be a judge and head for the Supreme Court or for the Senate*** (Ibid.).

Наконец, модели *I'm not a feminist, but.../Not that I am a feminist...* могут вводить или замыкать высказывания, содержащие критику многообразных проявлений гендерной асимметрии в языке — словарные лакуны (15), смена фамилии женщиной при вступлении в брак (16) и т.д.:

- (15) *Cuckold: **The husband of an unfaithful wife. What?! There is an actual, established word for this!** Of course I searched if a term existed for the wife of an unfaithful husband. **If one didn't exist, I would have been extremely offended and created one myself.** Not that I am a feminist, I am more so just a modern woman* (UC);
- (16) *Something to consider if you are a woman contemplating divorce (**and isn't it interesting that only women change their names?**) is whether or not you wish to resume your maiden name, (**and a maiden name is another medieval concept**) not that I am a feminist or anything* (VT).

Особый интерес для лингвокультурологического анализа представляют самопрезентационные действия говорящей, которые мотивируют ее нежелание идентифицировать себя как феминистку. Такие мотивирующие действия наглядно отражают представления носителей американской лингвокультуры о **факторах социальной приемлемости мировоззрения** и о **нормах поведения** для человека как носителя идеологической системы в американском социуме. Избранный нами языковой материал дает возможность заключить, что система интеллектуальных установок может быть приемлемой при условии, если эта система: 1) актуальная; 2) провозглашает приоритет индивидуальности; 3) гарантирует интеллектуальную свободу; 4) дает возможность придерживаться нормативного социального поведения. Подробнее эти факторы приемлемости будут рассмотрены ниже.

Общественное сознание на современном этапе социальной истории США, определенном как постфеминистский, характеризуется представлениями о том, что феминизм выполнил свое историческое предназначение, гендерное равноправие успешно достигнуто, поэтому дальнейшее существование феминизма как идеологии не имеет смысла (Wilson L., Wilson S., Dufly, Mandel 2006). Поэтому свое дистанцирование от феминистской идентичности американские женщины могут объяснять тем обстоятельством, что феминизм, выросший из протестной культуры 1970-х годов, утратил связь с текущей политической и социальной ситуацией, «вышел из моды»:

(17) *It simply isn't "in" to be a feminist anymore, so why bother?* (Colvin 2011).

Представление об анахроничности феминистского мировоззрения может выражаться в форме включения понятия *feminism* в один смысловой ряд с морально устаревшими коммерческими и культурными продуктами (*Uggs, nylons, landlines, underwire bras, Breck ads, Ms magazine*); лексическими единицами, вышедшими из активного употребления (языковое клише *that time of the month*); психологическими и поведенческими характеристиками (*bellicose attitude of 70's culture*), которые стойко ассоциированы с историческим прошлым:

- (18) *And now it would appear as though feminism has joined the unfortunate graveyard of **Uggs, landlines and Myspace** — decidedly “out”* (Colvin 2011);
- (19) *The word also feels a lot like **nylons, that time of the month, underwire bras, Breck ads, Ms. Magazine** and the **bellicose attitude** of 70’s culture at its worst. No one wants to point to that and say, ‘That’s me!’* (Caperton).

Интересно, что в российском контексте представление о нерелевантности феминизма актуализируется путем установления связей между идеями гендерного равенства и отошедшей в прошлое политической формацией: «...у этой неприязни к феминизму есть свои особые корни в нашей культуре: образ кухарки, управляющей государством (как совокупный имидж коммунизма — а заодно и других “-измов”) вызывает всеобщую неприязнь — “кухарка” (по иронии судьбы являющаяся лицом женского пола) оказалась макроозначающим всего повергнутого режима» (Усманова 1999: 228).

Отказ от феминистской идентичности может оформляться женщиной как нетерпимость к социальной категоризации, пренебрегающей уникальными особенностями человеческой личности, а также как неприятие ярлычных обозначений, возникающих в результате такой категоризации (Heywood, Drake 1997):

- (20) *Isn’t that what women have been fighting against for years? Against others telling them who they are, and what they are capable of doing? <...> If one wishes to be called a feminist, then so be it. I respect other women who consider themselves feminists. But personally **I refuse to subject my own identity to a label*** (SB).

Интересно, что в примере (20) говорящая выражает свое сопротивление групповой идентичности *feminist*, апеллируя к дискурсу феминизма, важными смысловыми компонентами которого выступают расширение личной автономии и возможностей выбора для женщины (*women have been fighting against <...> others telling them who they are, and what they are capable of doing*).

Неприемлемость феминизма в качестве базовой идентичности многие американские женщины объясняли догматическим харак-

тером феминистской идеологии, который компрометирует нравственные ценности женского движения; склонностью феминисток к формированию объектов интеллектуального культа и неспособностью к самокритике:

- (21) *I would never call myself a feminist (although I know some people whose tea would come out of their nose if I said that while they were drinking a cup). Yes, I have hairy legs and would never dream of shaving my armpits but subscribe to any kind of ideology? Never. I cannot stand "aggrieved minority group proselytisers" or anyone who spouts **any kind of dogma no matter how worthy the cause** (KD);*
- (22) *Alexandra: Branches of feminism are **scary and cultish**, I might add. I really liked a lot of the early 1970s radical feminist authors I read when I was sixteen — Kate Millett and Susan Brownmiller made a big impression — but the real-life versions I've encountered in the new millennium have been absolutely **horrible parodies of themselves, bigots so self-righteous they're incapable of any form of self-criticism** (Caperton 2012 — электронная версия).*

Социальная приемлемость идеологии для американцев не в последнюю очередь определяется отсутствием экстремальных действий со стороны ее приверженцев. Показательно, что дискредитация женского движения в электронных СМИ нередко осуществляется через характеристику феминисток как носительниц деструктивных поведенческих проявлений (*fanatics; extremist*) или как психически неуравновешенных лиц (*lunatic*):

- (23) *Since every sensible person is in favour of equality and justice for women, feminists are a bunch of **fanatics**, a **lunatic fringe**, an **extremist**, power-hungry minority whose ideas do not merit serious assessment* (Moi 2006: 1736).

В этих условиях дистанцирование от феминистской идентичности используется женщиной с целью предотвратить возможную атрибуцию ей таких социально не востребовавшихся характеристик, как раздражительность, брюзгливость, а также конфликтность и воинственность:

- (24) *Saying 'I'm not a feminist, but...' is a proxy for 'Please don't see me as **uptight or annoying**'* (Sobieraj 2012 — электронная версия);

- (25) *I don't think that I would consider myself a feminist. I think that, I certainly believe in equal rights. I believe that women are just as capable, if not more so, in a lot of different dimensions. But I don't, I think, have sort of **the militant drive** and sort of **the chip on the shoulder that sometimes comes with that*** (Tennery 2012 — электронная версия).

Скорее всего, феминистская идентичность представлена в американском массовом сознании как несовместимая с уважением и любовью к мужчинам. Поскольку любовь традиционно рассматривается как основная сфера женской самореализации, то апелляции к стереотипным представлениям о «мужененавистничестве» феминисток активно используются в гетеронормативном дискурсе антифеминизма. Женщины, которые идентифицируют себя как феминисток, нередко пытаются реабилитировать себя перед слушателями, отклоняя гипотетические обвинения в мизандрии и признаваясь в любви к своим мужьям, отцам, братьям и мужчинам вообще:

- (26) *I like to think **I don't bash men** so much as champion women and their long history of being ignored* (LT);
- (27) ***I've always loved men**, especially my husband and son (and my father)* (LT);
- (28) *Don't get me wrong... **I love my two sons, my father, my brother and my husband**. But what I don't like is living according to their standards. Or any man's standard* (LT).

Тактика положительной самопрезентации через дистанцирование от феминистской идентичности нередко основана на представлении о феминизме как «антиженственности». Этот стереотип прочно закреплен в американском массовом сознании и продолжает активно транслироваться в СМИ: “In contemporary media and general representations, women who identify as feminists are still seen as people to not be taken seriously. They are either too passionate, or even worse, too nonconforming to the world's ideals of how a woman should present herself” (Ahuja 2014 — электронная версия).

По мнению А.Фридман (Friedman 1999), отказ от автореференциального обозначения *feminist* в значительной мере связан с восприятием женщинами феминизма и женственности как

взаимоисключающих идентичностей (Ibid.). Такое явление удобно рассмотреть на примере структуры *(I am) not a feminist, just a N*, где *N* — именная группа, состоящая из существительного (с определением или без него): *I am not a feminist, just a **strong woman**; Not a feminist, just **a realist***. Как можно увидеть, в этой структуре устанавливаются отношения противопоставления между понятием *feminist* и альтернативным типом идентичности, предпочтительным для адресанта (*strong woman*; *realist*). Этот тип идентичности характеризуется ментальными, языковыми и поведенческими проявлениями, на основании которых окружающие могли бы ошибочно классифицировать адресанта как феминистку. Тем не менее носительница такой идентичности ориентируется на ряд значимых для себя ценностных установок, которые исключают для нее возможность феминистского самоопределения. Анализ употребления структуры *(I am) not a feminist, just a N* в речи жительниц США показывает, что идентичность «феминистка» может рассматриваться как несовместимая с такими общеприемлемыми женскими идентичностями, как «(счастливая) женщина», «жена», «христианка», «любительница моды/шопинга»:

- (29) *I am not a feminist, just **a girl** (PS);*
- (30) *Not a feminist, just **a happy woman** (VB);*
- (31) *I'm not a feminist, just **a Christian and a wife** who couldn't seem to hold onto a pregnancy (LT);*
- (32) *Dont worry, im not a feminist (just **a girl who loves shopping for shoes**)⁴ (LT).*

Интересно сравнить наши данные с результатами исследования Д.Прентис и Э.Карранса, которое проводилось с целью обнаружения прескриптивных гендерных стереотипов, существующих в американской культуре постмиллениума (Prentice, Carranza 2002). Авторам исследования удалось выявить ряд качеств, которые американцы считают необходимыми, желательными, нежелательными и недопустимыми для женщины и мужчины. Среди женских гендерных прескрипций были отмечены следующие:

⁴ В примере сохранена орфография оригинала.

Необходимые качества	warm and kind, sensitive, friendly, clean, attention to appearances, patient, polite, cheerful, cooperative, wholesome, expresses emotion, flirtatious.
Желательные качества	intelligent, high self-esteem, sense of humor, strong personality, self-reliant, defends own beliefs, decisive, ambitious, leadership ability, persuasive, assertive, intense, competitive, aggressive, forceful.
Нежелательные качества	yielding, emotional, impressionable, shy, naïve, superstitious, weak, melodramatic, gullible.
Недопустимые качества	rebellious, stubborn, controlling, cynical, promiscuous, arrogant.

В целом, характеристики, отнесенные к нежелательным для американской женщины (податливость, слабость, излишняя впечатлительность, наивность и легковёрность, мелодраматичность), практически не атрибутируются феминисткам. Можно предположить, что эта матрица нежелательных качеств хорошо совместима с конструктом патриархатной женственности, который служит для феминизма объектом интенсивной критики. Одновременно с этим многие качества, отмеченные как необходимые или желательные для американской женщины (*warm and kind, sensitive, friendly, attention to appearances, cheerful, cooperative, wholesome, flirtatious, intelligent, sense of humor*), представлены как отсутствующие у феминисток. В то же время феминисткам последовательно приписывается как минимум одно качество, входящее в категорию недопустимых, а именно конфликтность, воинственность (*rebellious*, ср. *bellicose; militant; chip on the shoulder*). Самопрезентационные действия женщин, определяющих себя как феминисток, нередко связаны с присвоением комплексу таких антифемининных характеристик положительного оценочного знака:

- (33) **Stephanie:** *First of all, what the hell is wrong with being militant?!—I AM a **militant** woman, and proud as hell of that fact; I am a radical woman, and yes, it's true—I am **the scary, angry (and justifiably so) hairy feminist you've heard about** <...> feminism is a political movement; as such, it's serious business; this is not a birthday party here; it is **not my job as a feminist to be pretty and vibrant and sassy, or not to scare you—what I'm about IS dangerous, and serious, and earthshaking** (Tennery 2012 — электронная версия).*

Рассмотрев некоторые тактики самопрезентации, используемые американскими женщинами при выражении проблемных гендерно-ориентированных суждений, мы можем прийти к следующим выводам. Несмотря на многие достижения в сфере гендерного равенства, феминистская идентичность все же имеет неоднозначный статус в американской лингвокультуре и зачастую конструируется как дефектная фемининность (через отсутствие значимых для женщины свойств и качеств). По этой причине высказывания, которые могут быть интерпретированы слушателем как проявления феминистского дискурса, нередко содержат пресуппозицию о возможном негативном восприятии говорящего и сообщения адресатом. Выбор самопрезентационных тактик говорящим обычно определяется наличием или отсутствием сформированной приверженности феминизму. В последнем случае средства дистанцирования адресанта от феминистской идентичности могут служить ценным источником сведений о социальной приемлемости мировоззрения для женщины как носительницы американской лингвокультуры.

Список источников примеров с сокращениями

- COCA — Corpus of Contemporary American English. — <http://www.american-corpus.org/>
- ES — *Solaro E.* Introductions: An unabashed feminist writes about women in the military. — <http://www.pbs.org/pov/regardingwar/conversations/women-and-war/introductions-an-unabashed-feminist-writes-about-women-in-the-military.php>
- JB — *Bamberger J.* You are a feminist. No buts. 2012. — <http://www.the-broad-side.com/you-are-a-feminist-no-buts>
- KD — *Dey K.* Being director. — <http://www.rapecrisisblog.wordpress.com/2012/03/08/>
- KP — *Sobieraj S.* Why doesn't Katy Perry want to be called a feminist? — <http://www.cognoscenti.wbur.org/2012/12/05/feminist-but-sarah-sobieraj>
- KT — *Kuhn T.* I'm not a feminist, but... — <http://www.booksbywomen.org/im-not-a-feminist-but-by-tracy-kuhn/>
- LT — How did you become interested in feminism? // Форм LibraryThing. — <http://www.librarything.com/topic/64402>
- MW — Merriam Webster Dictionary. — www.merriam-webster.com
- PS — Pilgrim Soul. Regarding feminist irrelevance. — <http://www.harpyness.com/2009/02/06/regarding-feminist-irrelevance/>
- SB — *Bunting S. D.* Yes, you are. — <http://www.tomatonation.com/culture-and-criticism/yes-you-are/>

- UC — Unorthodox Classroom. Cuckold: What Steve Carell of Crazy, Stupid, Love and Peter (Catherine the Great's Husband) have in common. — <http://www.theunorthodoxclassroom.blogspot.ru/>
- VB — *Van Brocklin V.* America needs more women leaders. — <http://www.adn.com/2008/09/03/515444/america-needs-more-women-leaders.html>
- VT — *Van Tyne N.* Reclaiming your name. — <http://www.massachusettsdivorcelawmonitor.com/2011/04/articles/post-divorce-2/reclaiming-your-name/>

Глава VIII
**ПОХВАЛА КАК ВЕРБАЛЬНЫЙ КОД ХАРАКТЕРА ПЕРСОНАЖА
(ОПЫТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ЛИТЕРАТУРНЫХ ОБРАЗОВ)**

*Language most shows a man.
Speak that I may see thee*
Ben Johnson. «Discoveries and some poems»

Теоретические основы исследования

Одна из интереснейших тем когнитивной лингвокультурологии — исследование языковой ментальности, т. е. языковой актуализации того, как мы воспринимаем и структурируем наш внутренний и внешний мир. Эти исследования помогают нам проникнуть в тайны нашего сознательного и бессознательного, выявить ментальные и психологические особенности носителей языка, проникнуть в их духовный мир. В этой главе мы рассмотрим, как языковая ментальность проявляется в похвале и как это используется писателями для создания определенных литературных образов.

В процессе создания художественного текста автор решает три основные задачи: развитие сюжета, создание образов, приобщение читателя к своей картине мира. Причем последняя и, возможно, главнейшая из них, которая, часто, собственно, и заставляет творца взяться за свой труд, осуществляется во многом путем раскрытия характеров персонажей, их отношения к миру. Культурно-когнитивной особенностью художественного текста выступает сложная архитектура его смыслового и образного содержания, находящая свое вербальное выражение в монологических и диалогических фрагментах текста. С точки зрения когнитивной и прагматической лингвокультурологии очень интересен анализ диалогических фрагментов текста, в которых автор устами своих персонажей создает различные характеры и различные картины мира, а через

них опосредованно актуализирует свою концепцию мировосприятия, свою шкалу ценностей, оценок и смыслов. Этот полилог «автор — литературный образ — читатель» несет в себе очень важную эксплицитную и имплицитную лингвокультурную информацию и создает вербальный код как для раскрытия характеров персонажей, так и для понимания авторской позиции.

Термин «код» в нашей работе понимается весьма традиционно в духе дефиниций Большого энциклопедического словаря (БЭС 2002), который дает перевод французского *code* как «совокупность знаков (символов) и система определенных правил, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из таких символов» и Философского энциклопедического словаря (1983), который трактует код как «обозначение правил или ограничений, обеспечивающих речевую деятельность или функционирование какой-либо знаковой системы».

Р.Якобсон отмечал, что коммуникативная релевантность различных признаков, основанная на их семантической значимости, исключает любые случайные явления в их структуре. При этом инвентарь различных признаков, существующих в языке, ограничен. Их совместимость характеризуется динамическим взаимодействием и имплицитными универсалиями (Якобсон 1963: 95–105). Р.Якобсон подразделял эти признаки на контекстуальные и стилистические. Контекстуальные варианты указывают на совместную или последовательную встречаемость этого признака, а стилистические варианты несут в себе еще и добавочную маркированную (эмоциональную или поэтическую) информацию помимо нейтральной, чисто когнитивной информации, передаваемой этим признаком. Названные два варианта принадлежат к единому общему языковому коду, благодаря которому собеседники наделены способностью понимать друг друга (Якобсон 1985: 312).

Эта концепция перекликается с теорией кода и интерпретации, разработанной У.Эко. Вслед за Р.Якобсоном У.Эко представляет процесс коммуникации как состоящий из отправителя, адресата, собственно сообщения и кода, посредством которого происходит расшифровка сообщения. При этом У.Эко рассматривает все феномены культуры как факты коммуникации и считает, что все они организуются и становятся понятными в соотношении с кодом

(Эко-1 2004:35). К области художественных произведений эта схема применима в следующем виде: отправитель-автор, получатель-читатель, художественный текст, сопряженный с определенным кодом (языковым, культурным, историческим) (Эко-2 2004:95). Как видно, при такой трактовке код перебрасывает мостик от чисто языковой интерпретации сообщения к его лингвокультурологической сущности.

Еще Д. Хаймс подчеркивал, что изучение реального функционирования языка ведет нас к этнолингвистике и социолингвистике. Социолингвистика исходит из того, что каждый человек — член нескольких различных типов групп, и в каждой из них он обладает определенным статусом. Каждому статусу приписываются определенные роли — структурируемые и регулируемые правилами способы участия в деятельности группы. Каждая роль характеризуется своими нормами поведения, которым индивид с точки зрения окружающих должен в большей или меньшей степени следовать. Некоторые из этих норм — нормы языкового поведения — коды соответствующего языка. Исходя из этого, Д. Хаймс считал, что в любом речевом сообществе и в любом существующем языковом коде нет жесткого единообразия: каждый человек входит одновременно в несколько речевых сообществ и сочетает в себе разные коды, отражающие его национальные, гендерные, социальные, возрастные и прочие характеристики. Эти характеристики вариативно актуализируются в различных коммуникативных ситуациях и в различных манерах речи — от официальной до крайне небрежной, от архаичной до новомодной, от тяготеющей к эксплицитным языковым моделям до полной импликации (Хаймс 1975: 45).

Итак, с точки зрения кода язык можно представить функционирующим в повторяющихся ситуациях, где роль, проигрываемая участниками, частично состоит в актуализации соответствующего речевого поведения посредством выбора соответствующего кода из языковых репертуаров членов конкретной национальной и социальной группы. Каждое речевое сообщение можно рассматривать как языковой код определенной языковой ментальности, отражающей собственно языковые навыки говорящего, его национальную и социальную принадлежность, психологические характеристики и ценностную картину мира. На наш взгляд, одним

из наиболее очевидных вербальных кодов, предлагаемых в художественном произведении ценностных картин мира, которые во многом определяют когнитивные и психологические черты их обладателей, — это оценочные хвалебные высказывания персонажей.

Основным ключом к раскрытию механизмов актуализации языковой ментальности в хвалебных высказываниях выступает рассмотрение ценностно-смыслового аспекта исследуемой лингвокультуры и проявления этого аспекта в живой разговорной речи. Поэтому инструментами нашего анализа в первую очередь служат такие понятия, как «ценность», «оценка», «смысл» и «речевой акт». Несмотря на то что ценности — относительно стабильные понятия, каждая историческая эпоха обладает своей иерархией ценностей. Более того, несмотря на общечеловеческий характер основополагающих гуманитарных ценностей, в каждом срезе культуры (национальном, религиозном, социальном, возрастном, гендерном) существует своя шкала ценностей. Можно сказать, что система ценностей составляет инвариантную картину мира, соотношенную с особенностями культуры определенного народа, определенной группы населения. В. Е. Чернявская определяет понятие ценностей как сформированные представления, значения некоторого объекта для субъекта (Чернявская 2005:225). При таком подходе ценность выступает разновидностью значения, в нашем случае значения оценочного хвалебного высказывания.

Понятие ценностей неразрывно связано с понятием оценки в широком смысле этого слова, с размещением рассматриваемого явления на шкале «хорошо — плохо» с точки зрения принятых ценностей, что и определяет отношение к этому явлению. Н. Ф. Алефиренко очень метко определяет оценку как форму существования ценностей. Он выделяет три вида оценок: 1) эмоционально-чувствительную, которая находит выражение в наших эмоциях; 2) рационально-вербальную, которая актуализируется в высказываниях самого разного объема и жанра, и 3) прагматически-поведенческую, которая проявляется в форме реального действия или поведения (Алефиренко 2010:100). Но в жизни, как и в хорошем произведении, мы, безусловно, в основном имеем дело со смешанными, комбинированными типами оценок. Рассматриваемые нами хвалебные высказывания невозможны без эмоций

и часто сопровождаются тем или иным вербальным и невербальным поведением.

Таким образом, хвалебные высказывания — это разновидность оценочных и как таковые они выступают вербальной формой актуализации ценностных отношений между оцениваемым объектом, тем представлением о нем, которое принято в этой конкретной культуре, и субъектом представления. Помимо существующих стандартных ценностей, характеризующих картину мира той культуры, к которой принадлежит субъект оценки, эти отношения определяются ментальным и чувственным опытом самого субъекта, его индивидуальной картиной мира и языковой компетенцией. Поэтому именно субъект представления, произносящий похвалу, определяет модальность речевой репрезентации всего ансамбля аксиологических, когнитивных, психологических, прагматических и эмоциональных компонентов вышеупомянутых отношений, и именно он наделяет свое хвалебное высказывание определенным смыслом.

Хвалебные высказывания реализуются в трех видах речевых актов: похвале, комплименте и лести. Представив структуру речевых актов формулой $F(p)$, где p — пропозиция, а F — иллокутивная сила, которая оформляет произносимую пропозицию в тот или иной речевой акт (Searle, Vanderveken 1986: 1–8), мы увидим, что пропозиция у всех типов хвалебных актов одна: (X — хороший), и отличаются они только своей иллокутивной силой. В самых общих чертах это различие можно описать, рассмотрев наиболее типичные характеристики трех основных составляющих иллокутивной силы этих трех актов: их иллокутивную цель, характер направления приспособления произносимых слов к миру и психологическое состояние говорящего. При произнесении похвалы основная иллокутивная цель заключается в информировании собеседника о высокой оценке говорящим некоторого X . Произнося свое оценочное высказывание, говорящий приспособливает свои слова к своей картине мира и присущей ей шкале ценностей. Как человек, вербализирующий свою картину мира и свою шкалу ценностей, говорящий испытывает психологическое состояние убежденности в истинности произносимой им пропозиции.

При произнесении комплимента основная иллокутивная цель — доставить удовольствие собеседнику. Эта цель определяет

и объект похвалы X, которым является или сам слушающий или что-то, входящее в сферу его интересов, и высокую оценку этого X говорящим. Пытаясь доставить удовольствие собеседнику, говорящий пытается посмотреть на мир его глазами, понять, что ему может понравиться, что может доставить радость, и, произнося свое высказывание, он в этом случае приспособливает свои слова к картине мира слушающего и к его шкале ценностей в этой картине мира. Говоря о психологическом состоянии говорящего, следует прежде всего отметить добрые чувства, которые он испытывает к своему собеседнику и желание доставить ему удовольствие.

При произнесении лести основной иллокутивной целью говорящего будет использование чувств собеседника, вызванных комплиментом, в своих интересах. Таким образом, лесть представляет собой комплексный речевой акт, характеризующийся двумя иллокутивными целями: вспомогательной, которая состоит в том, чтобы доставить удовольствие собеседнику оценкой X, и основной — использовать этот перлокутивный эффект от комплимента в своих целях. Причем языковая актуализация этих двух целей может быть разнесена во времени, но именно основная иллокутивная цель лести заставляет говорящего произносить свое хвалебное высказывание, и формирует макроконтекст этого речевого акта. Лестец всегда и, безусловно, хвалит то, что должно доставить удовольствие его собеседнику, приспособляя свои слова к его картине мира и его шкале ценностей. При этом он испытывает двойственное, но совсем не противоречивое психологическое состояние: он испытывает желание доставить удовольствие собеседнику и желание воспользоваться этим в своих целях (Мальцева 2012: 92–118).

Скажи мне комплимент, и я скажу, кто ты

Скажи мне комплимент, и я догадаюсь, *как* ты ко мне относишься. Я скажу, *что* ты считаешь для меня важным, хорошим, красивым. По тому, *что* ты похвалишь и *как* ты это сделаешь, я скажу, насколько ты проницательный и тонкий человек. Но еще больше я скажу о тебе, если ты просто произнесешь похвалу кому-то или чему-то. Ведь, произнося похвалу, ты даешь мне возможность заглянуть в *твой* внутренний мир. А если ты мне польстишь, и я до-

гадаюсь об этом, то, возможно, смогу вычислить, *для чего* ты это сделал, что у тебя на душе и какие у тебя планы на будущее.

Вернемся к нашей формуле речевого акта $F(p)$. Вычленив эти элементы в хвалебном высказывании, мы увидим, *что* хвалит персонаж (что такое p), *какие чувства* он испытывает, что у него на душе *и с какой целью* он это делает (составляющие иллокутивной силы F). Такой анализ раскроет нам ценностную картину мира героя, мотивы и цели его речевых поступков. Языковые средства, на основе которых мы определяем эти факторы, относятся к нормативным, парадигматическим (Ельмслев 1960: 367), регулятивным (Searle 1968: 33) правилам языка, в соответствии с которыми строится наша речь и которые, собственно, и делают возможным наше понимание друг друга, формируя узуальные смыслы высказываний (Варшавская 1984: 19–28) или, как говорил Р. Якобсон, контекстуальный вариант кода. Однако речь каждого человека крайне индивидуальна и в лексическом и в синтаксическом, и в модальном плане. И рассмотрение этих индивидуальных черт, та конкретная речевая форма, которая передает значение конкретного предложения/speaker's meaning (Grice 1971: 436–444) или его окказиональные смыслы (Варшавская 1984: 19–28), создавая индивидуальный (по Р. Якобсону стилистический) вербальный код, позволяют нам судить о когнитивных и психологических особенностях натуры говорящего, о его эмоциональном настрое. Таким образом, добавив к формуле Серля и Вандервекена $F(p)$ (Searle, Vanderveken 1986: 1–8) символы, обозначающие синтагматические (Ельмслев 1960), индивидуальные особенности речи говорящего, назовем их Se (*speaker's expression*), мы получим формулу-код определенной языковой личности: $Se[F(p)]$.

Используя формулу $Se[F(p)]$, попробуем посмотреть, как речевые характеристики хвалебных высказываний, которые произносят персонажи известного романа Дж. Остин (J. Austen) «Гордость и предубеждение» (“Pride and Prejudice”), формируют их литературные образы. Выбор этого романа неслучаен. Он очень интересен с точки зрения лингвокультурологии, так как представляет собой настоящую энциклопедию жизни поместного дворянства Англии первой половины XIX в., вербализованную картину их мировосприятия и самовыражения. При этом роман Дж. Остин отличает-

ся глубоким психологизмом, тонкостью наблюдений и четкостью литературных зарисовок. Еще Вальтер Скотт отмечал глубокое понимание человеческих отношений и большой такт, с которым Дж. Остин создает свои литературные образы (Scott W. — электронная версия). Надо сказать, что талант Дж. Остин в создании персонажей особенно ярко проявляется в диалогических фрагментах произведения. Именно в них в непосредственном общении друг с другом созданные автором характеры предстают перед нами как живые речевые личности, раскрывающие свой духовный мир, свои приоритеты и ценности, свой подход к жизни, свою манеру мыслить.

Сюжет романа строится вокруг семьи мистера и миссис Беннет, небогатых землевладельцев, джентри, и их пяти дочерей. У мр. Беннета нет сына, поэтому после его смерти и фамильный дом и поместье должны отойти его кузену мр. Коллинзу, оставив дочерей практически бесприданницами. А они все на выданье. Естественно, основной заботой мс. Беннет стал поиск выгодных женихов для своих девочек. На ее счастье в округ приезжает богатый молодой джентльмен мр. Бингли и влюбляется в одну из дочерей, красавицу Джейн. Поскольку романтическое произведение предполагает романтические ситуации, Джейн во время одного из визитов в поместье Бингли сильно простужается, заболевает и вынуждена остаться в поместье на попечении самого мр. Бингли и его кузин. Навещающая дочь, мс. Беннет говорит Бингли :

- (1) *I am sure ... (a) **if it was not for such good friends I do not know what would become of her, for she is very ill indeed ...**, though (b) **with the greatest patience in the world, which is always the way with her, for she has, without exception, the sweetest temper I have ever met.** I often tell my other girls (c) **they are nothing to her.** (d) **You have a sweet room here, Mr. Bingley, and a charming prospect over the grave walk. I do not know a place in the country that is equal to Netherfield.** You will not think of quitting it in a hurry, I hope* (Austen, 52)¹.

Рассмотрим хвалебные высказывания этого фрагмента, используя формулу $Se[F(p)]$. По содержанию пропозиций (p) и иллоку-

¹ Здесь и далее речевые акты похвалы выделены жирным шрифтом.

тивным целям (F) высказываний мс. Беннет сразу видно, что этой даме не откажешь в житейской хватке. Благодаря своим новым знакомых за заботу о Джейн, она произносит им комплимент (a), подчеркивая, что для нее семейство Бингли добрые друзья (*such good friends*), как будто бы забывая о том, что они едва знакомы и сокращая до минимума социальную дистанцию между ними. Она не забывает похвалить мр. Бингли ангельский характер Джейн (b), (c) и, как и положено вежливой гостье, восхищается его домом и садом (d). Но, сказав все, *что* надо F(p), она практически все сказала не так, *как* надо (Se). Посмотрим, что же скрывается за неумением мс. Беннет вести изящную салонную беседу. Первое, что бросается в глаза — это чрезмерная экзальтированность, которая по английским меркам неуместна для светского разговора, да еще с мало-знакомыми людьми. Этот эмоциональный настрой ярко выражается в лингвистическом явлении преувеличения/*overstatement*: и превосходная степень прилагательных (*the greatest patience in the world; the sweetest temper*) и сравнения-гиперболы (*they are nothing to her; I do not know a place in the country that is equal*). Эти речевые факторы, безусловно, говорят о восторженной натуре мс. Беннет, о ее непосредственности и неумении скрывать свои чувства. Но не только об этом. Очень важно, что явление преувеличения мы видим и в той характеристике, которую мс. Беннет дает своей дочери (b,c), и в которой по всем правилам английского хорошего тона должны главенствовать самоирония, преуменьшение/*understatement* или по крайней мере усреднение/*moderation*. Здесь перед нами уже не просто экзальтированность, а неумение посмотреть на себя со стороны и с юмором, а, главное, несоблюдения принятых в Англии этических норм, которые не рекомендуют открыто восхищаться своими детьми. Эти лингвистические характеристики говорят о несколько примитивном складе ума мс. Беннет. Очень важная особенность речи нашей героини — полное отсутствие так любимой англичанами и выступающей просто-таки коммуникативной нормой в галантном XIX в. косвенности/*indirectness*. Все свои прагматические цели мс. Беннет реализует чересчур прямо, открыто, «в лоб». Эта коммуникативная черта создает впечатление прямолинейности и даже некоторой бесцеремонности (напр., *such good friends*), что, безусловно, не было принято в дворянском обществе

того времени и, естественно, вызывало неприязнь у многих героев романа. Подтверждением этих слов может служить псевдокомплимент, который делает ей кузина мр. Бингли. Почувствовав, что мр. Дарси проявляет интерес ко второй дочери мс. Беннет Лизи, она иронично замечает:

- (2) *You will be having a charming mother-in law, indeed; and of course, she will always be at Pemberly with you* (Ibid., 34).

Как видно из этого комплимента-угрозы, кузине Бингли (в отличие от мс. Беннет) не откажешь ни в проницательности, ни в изысканности, ни в умении выражать свои мысли изящно и имплицитно.

Но вернемся к похвалам, произнесенным самой мс. Беннет. Уже упомянутое отсутствие чувства юмора и самоиронии хорошо видны в следующем небольшом диалоге. Обсуждая предстоящий визит в поместье мр. Бингли, для того чтобы познакомить его с дочерьми, ироничный мр. Беннет замечает, что самой мс. Беннет лучше не ехать к Бингли, а то она, наверняка, затмит красотой всех своих дочерей (a):

- (3) *You and the girls may go, or you may send them by themselves, which perhaps will be still better, (a) for as you are as handsome as any of them, Mr. Bingley may like you the best of the party. My dear, you flatter me, (b) I certainly have had my share of beauty, but I do not pretend to be anything extraordinary now. When a woman has five grown-up daughters, she ought to give over thinking of her own beauty* (Ibid., 6).

Как отмечает Т.Н.Баландина, самооценка — специфическая функция самосознания, «которая подразумевает наличие критической позиции индивида к тому, чем он обладает с точки зрения определенной системы ценностей» (Баландина 2003:8)². Безусловно, красивая внешность всегда занимала приоритетное положение в ценностной картине мира милых дам. Но тот факт, что мс. Беннет даже не понимает иронии мужа и в ответ кокетничает, не пытаясь скрыть высокую самооценку своей внешности (b), говорит о том, что ни критическая позиция индивида по отношению к своим ка-

² См. также гл. I наст. монографии (с.8–23).

чествам, ни самоирония, ни чувство юмора не присущи нашей героине. Здесь сбой происходит уже на уровне формулы $F(p)$: миссис Беннет не угадывает иллокутивную цель реплики мужа (F) в (a) и отвечает, придавая этически опасной пропозиции, в которой признак «красива» предиктируется самой себе в молодости (p), иллокутивную силу утверждения — самопохвалы (F) в (b).

Рассмотрим еще одну похвалу мс. Беннет:

- (4) *Oh! my dear Mr. Bennet, she exclaimed as she (Mrs. Bennet) entered the room, we had a most delightful evening, a most excellent ball. I wish you had been there. (b) Jane was so admired, nothing could be like it. Everybody said how well she looked; and Mr. Bingley thought her quite beautiful, and danced with her twice!* (Ibid., 16).

В этом пассаже мы вновь сталкиваемся с уже знакомой нам эмоциональностью, находящей выражение в восклицательных предложениях (*Oh! ...danced twice!*) и восторженностью, проявляющейся в преувеличении и употреблении прилагательных с коннотациями превосходной оценки, усиленных наречиями *most* и *quite* (*most delightful, most excellent, quite beautiful*); причастия, передающего восхищение, с усилительной частицей *so* (*so admired*) и любимого гиперболизированного сравнения с местоимением *nothing* (*nothing could be like it*). Но в разговоре с супругом они кажутся вполне уместными и, передавая непосредственность и эмоциональность нашей героини, очень красноречиво говорят о ее большой любви и гордости за свою девочку.

Надо сказать, что отношение к дочкам для мс. Беннет — основное мерило добродетелей их кавалеров. Своего кузена мр. Коллинза она не любит априори. Он сын родственника мр. Беннета, с которым у них всегда были плохие отношения, да к тому же наследник их фамильного поместья. Поэтому, получив от него письмо, она сначала негодует, рассматривая это как очередную дерзость. Но, как только она понимает, что он проявляет интерес к ее дочкам, моментально меняет свое отношение к нему. Годы идут, женихов нет, а Коллинз — наследник их фамильного имени. По крайней мере все останется в семье. Говоря комплимент доброты мр. Коллинза, наша героиня тут же выражает надежду, что его матримониальные планы осуществляются и ее дочкам не придется жить в бедности:

- (5) *You are very kind, I am sure; and I wish with all my heart it may prove so, for else they will be destitute enough* (Ibid., 80).

В льстивых комплиментах кузену очень хорошо проявляется житейская хватка мс. Беннет. Коллинз недавно получил сан и служит священником в приходе, который принадлежит богатой баронессе Кэтрин де Бург. Поскольку его материальное благополучие полностью зависит от его покровительницы, Коллинз постоянно льстит самой баронессе и хвалит ее всем и каждому, во-первых, чтобы объяснить свое раболепство перед ней, и, во-вторых, в надежде, что слух об этом дойдет до его покровительницы. Стараясь угодить племяннику и показать, что она разделяет его восхищение, мс. Беннет говорит:

- (6) *“That (her behavior) is all very proper and civil, I am sure”, said Mrs. Bennet, “and I dare say she is a very agreeable woman. It is a pity that great ladies in general are not more like her”* (Ibid., 83).

Эта лесть примечательна тем, что показывает еще одну, можно сказать, неожиданную черту характера мс. Беннет. Несмотря на свою непосредственность и прямолинейность, она способна хитрить, чтобы добиться своей цели.

Аналогичная ситуация с мгновенной переменой мнения о кавалерах характеризует и отношение мс. Беннет к мр. Дарси. Он умен, знатен и богат, но (увы и ах!) смотрит на все сельское общество свысока, общается только с семьей мр. Бингли и совершенно не обращает внимания на прелести барышень Беннет. Это возмущает мс. Беннет. Обсуждая с мр. Бингли бал в Мэритоне, она говорит:

- (7) (a) *What an agreeable man Sir William is, Mr. Bingley, is not he? So much the man of fashion! So genteel and easy! He had always something to say to everybody. That is my idea of good breeding;*
(b) *and those persons who fancy themselves very important, and never open their mouths, quite mistake the matter* (Ibid., 54).

Похвалы этого фрагмента очень интересны и в плане присущей им пропозиции (*p*) и иллокутивной цели (*F*), и в плане их конкретной речевой актуализации (*Se*). С одной стороны, мы здесь видим выражение обычной эмоциональности мс. Беннет: все те же восклицательные предложения с эпитетами, усиленными частицей *so*

(*so genteel and easy!*) и наречием *much* (*so much a man of fashion!*). Но, с другой стороны, все похвалы, адресованные сэру Вильяму (а), на самом деле высказываются для того, чтобы по контрасту усилить упрек заносчивому мр. Дарси и представить его невнимательность к обществу как недостаток воспитания и неумения вести себя в свете (b). Именно в этом заключается их скрытая иллюкутивная цель. Правда, отношение к Дарси мгновенно меняется, как только мс. Беннет узнает о том, что он сделал предложение Лиззи:

- (8) *Good gracious! Lord, bless me! Only think! Dear me! Mr. Darcy! Who would have thought it! And is it really true? Oh! My sweetest Lizzy! (a) How rich and how great you will be! What pin-money, what jewels, what carriages you will have! Jane's is nothing to it — nothing at all. I am so pleased, so happy. (b) Such a charming man! So handsome! So tall! Oh, my dear Lizzy! Pray apologise for my having disliked him so much before. ... Dear, dear Lizzy. (c) A house in town! Every thing that is charming!* (Ibid., 442).

Полностью меняется пропозиция оценочных суждений о Дарси. Он сразу же становится высоким, красивым, очаровательным молодым человеком (b). А Лиззи получает тысячу косвенных похвал за то, что так удачно вышла замуж (а), (с). Восклицательные односоставные предложения прекрасно передают непосредственность мс. Беннет, ее восторг и сумятицу мыслей, которые вызвала эта счастливая новость. Причем мать волнуют не душевные качества Дарси, а то высокое положение в обществе и богатство, которые принесет Лиззи ее замужество. Таким образом, эти два небольших монолога обнажают две важные черты в характере мс. Беннет. Во-первых, она легко меняет свои мнения и относится к людям так, как ей удобно и выгодно в данный момент. Во-вторых, ее мало беспокоит внутренний мир и характер избранников ее дочерей, она думает в основном о материальном благополучии, считая его основой счастливой жизни.

Часто мс. Беннет не до конца понимает окружающих ее людей и выносит ложные суждения о них. Сравнивая своих дочек и как всегда отдавая предпочтение внешним факторам — красоте Джейн (а) и веселому нраву Лидии (b), наша героиня даже не замечает, как выделяется из среды своих сверстниц умная и духовно богатая Лиззи:

- (9) *Lizzy is not a bit better than the others; and I am sure she is not (a) half so handsome as Jane, (b) nor half so good-humoured as Lydia* (Ibid., 7).

Надо сказать, что даже на основе этих девяти небольших фрагментов из диалогов уже можно в общих чертах составить портрет мс. Беннет. Она предстает перед нами как любящая мать, которая при каждом удобном (и неудобном) случае хвалит своих дочерей (примеры (1), (3), (7), (8)) Дома она хвалит их, потому что хочет выразить свою радость и гордость за них (примеры (3), (7)); а в свете — потому что хочет выдать замуж. Вероятно, в ее достаточно примитивном сознании существует схема: чем больше хвалишь, тем быстрее молодые люди поверят в их добродетели. Эти похвалы говорят о том, что для мс. Беннет на первом месте стоят семейные ценности: замужество и забота о детях. Наша героиня благоговеет перед богатством и высоким положением в обществе (примеры (1), (5), (7), (9)). Наравне с замужеством деньги и статус, безусловно, занимают приоритетное положение в ее ценностной картине мира (пример (7)). Ради счастья своих дочерей мс. Беннет готова мгновенно менять свои мнения о людях (примеры (4), (7)), говорить комплименты потенциальным женихам (пример (1)), льстить (пример (5)) и лукавить, хваля одних, чтобы покритиковать других (пример (6)). Правда, лукавство — нехарактерная черта мс. Беннет. К такой сложной фигуре речи она прибегает лишь однажды, когда хочет подчеркнуть обиду на холодность мр. Дарси. Это говорит о том, что наша героиня ранима, когда дело касается ее дочерей и готова постоять за них. Обычно же, что у мс. Беннет в голове, то и на языке: она выражает свои суждения просто и прямолинейно. Она проста даже в своей житейской хитрости (пример (1)). Эта прямолинейность и прозрачность стратегий речевых актов, направленных на достижение своих прагматических целей, нарушение этических норм светского общения создает такую черту характера мс. Беннет, как бесцеремонность. Приведенные фрагменты показывают, что мс. Беннет очень эмоциональна и непосредственна. Она не отличается ни большим умом, ни тонкой душевной организацией: не обладает чувством юмора и неспособна к самоиронии (примеры (1), (2)), не очень хорошо разбирается в людях (примеры (4), (9)) и мало задумывается о духовных ценностях. Ее

совершенно не волнует ни душевный мир своих любимых дочек (пример (8)), ни моральные и психологические характеристики их избранников (пример (7)). Для нее значимы внешние проявления благополучия — статус и богатство.

Для создания литературного образа очень важную роль играет элемент *Se (speaker's expression)* — индивидуальные речевые характеристики персонажа. И в нашем случае именно прекрасно созданные индивидуальные речевые характеристики мс. Беннет придают ее образу столько английского юмора и передают отношение Дж. Остин к ценностной картине мира ее героини, к ее менталитету и душевным качествам, заставляют нас уже третье столетие вместе с автором иронически улыбаться и смеяться над ее экзальтированностью и непониманием истинных духовных ценностей. Именно яркие речевые особенности мс. Беннет делают ее образ одновременно и гротескным и органичным, подчеркивая и достоинства и недостатки, и делают возможным тот чудесный факт, что вот уже несколько столетий мы, как живое, слышим ее восторженное щебетанье, радуемся ее радостям и с улыбкой прощаем ей ее слабости.

Очень интересными речевыми характеристиками отличается и другой персонаж романа — мр. Беннет. В отличие от мс. Беннет он немногословен, умен и язвителен. Практически все его похвалы и комплименты (а на протяжении романа он произносит их всего восемь раз) имеют противоположный смысл и звучат когда иронично, а когда зло и саркастично. В этом смысле очень показательны замечания мр. Беннета в адрес своего кузена Коллинза. Так, выслушав от Коллинза поток льстивых похвал в адрес его покровительницы Катрин де Бург, наш герой делает «комплимент»:

- (10) (a) *“You judge very properly,” said Mr. Bennet, (b) “and it is happy for you that you process the talent of flattering with delicacy. (c) May I ask whether these pleasing attentions proceed from the impulse of the moment, or are the result of previous study?”*
“...I sometimes amuse myself suggesting and arranging such elegant compliments as may be adapted to ordinary occasions, I always wish to give them as unstudied an air as possible” (Ibid., 84).

Лесть и открытое раболепство не вызывали симпатии во все времена, а в соответствии с дворянским кодексом чести лесть счи-

талась пороком, унижающим гордость и благородство джентльмена. Поэтому даже неискушенный читатель того времени чувствовал издевку в весьма пространных (а) и (b) и потому еще более оскорбительных псевдокомплиментах нашего героя. Чтобы еще больше поиздеваться над своим кузеном он «восхищенно» спрашивает, льстит ли тот по вдохновению или приходится долго тренироваться (с). Но рассмотрим «комплименты» с точки зрения нашей формулы $Se[F(p)]$. Совершенно ясно, что мр. Беннет в (а) и (b) произносит пропозиции, обратные тем, которые имеет в виду. Этот случай был подробно описан Г.Грайсом в рамках принципа кооперации (Grice 1975: 41–58). Однако Г.Грайс рассматривает случай, когда оба собеседника знают, что говорящий с иллокутивной целью продемонстрировать свою иронию произносит высказывание, в ложности которого оба они уверены. Для того чтобы не считать, что обращенные к нему слова совершенно бессмысленны, слушающий в рамках принципа кооперации и, основываясь на лингвистической процедуре импликации, решает, что говорящий пытается выразить пропозицию, отличную от той, которую вербализует, но очевидным образом связанную с ней. И в подобной коммуникативной ситуации такой пропозицией естественно будет отрицание той, которую озвучивает говорящий. Но в нашей ситуации принцип кооперации совершенно неприемлем между мр. Беннетом и мр. Коллинзом. Первый прекрасно оценивает умственные и нравственные качества второго. Поэтому-то он так спокойно иронизирует над ним, задавая свой каверзный вопрос (с). В этом случае, вкладывая псевдокомплименты (а), (b) в уста мр. Беннета, автор через голову его племянника обращается непосредственно к читателю, устанавливая с *ним* принцип кооперации, и преследуя сразу несколько целей: сделать акцент на манере Беннета (*Se*) выразить пропозицию (*p1*) обратную той, которую он имеет в виду (*p2*) как на вербальном показателе иронии и сарказма, которые отличают его менталитет и которые он под видимостью «комплимента» (*F1*) актуализирует в своих речевых актах (*F2*); открыть перед читателем ценностную картину мира своего героя, показав его неприязнь к лести и подхалимству (*p2*) (ведь его жена реагирует совсем иначе на те же слова Коллинза); показать глупость и низкие моральные качества мр. Коллинза, непонимающего иллокутивную

силу сарказма (F2) и обратный смысл озвучиваемой пропозиции. Таким образом, установив принцип кооперации с читателем, автор устами мр. Беннета обращается именно к читателю, формируя его восприятие персонажей и открывая перед ним свою, авторскую картину мира.

Продолжая диалог с читателем, автор рассказывает ему, какое удовольствие получил мр. Беннет, вдоволь поиздевавшись над глупостью и лестью своего племянника (еще одна черта его характера). После отъезда мр. Коллинза он говорит Лизи:

- (11) (a) *He seems to be a most conscientious and polite young man, upon my word, (b) and I doubt not will prove a valuable acquaintance, especially if Lady Catherine should be so indulgent as to let him come to us again* (Ibid., 79).

На этот раз, опять иронизируя, он не только озвучивает пропозицию обратную той, которую имеет в виду (a), но и свое желание вновь «повеселиться» при очередном визите мр. Коллинза (b). Псевдопохвала звучит в словах мр. Беннета и после его разговора с отъявленным негодяем Уикхемом. Тот обманным путем увозит дочку мр. Беннета Лидию и открыто живет с ней, компрометируя этим и девушку и всю семью. Чтобы уговорить его вступить в законный брак требуется немалая сумма денег, и положение спасает только благородный мр. Дарси. Сразу же после свадьбы мр. Беннет обращается к Лизи:

- (12) (a) *“He is a fine fellow” said Mr. Bennet, as soon as they were out of the house, “as ever I saw. (b) He simpers, and smirks, and makes love to us all. (c) I am prodigiously proud of him. (d) I defy Sir William Lucas himself to produce a more valuable son-in-law”* (Ibid., 384).

Здесь, как и в предыдущих «похвалах», буквальные, эксплицитные пропозиции (p-1) трансформируются в имплицитные (p-2), но передающие истинный смысл высказываний (a) и (c). Правда, здесь в отличие от ситуации с Коллинзом тональность сарказма (Se), с которой произносится пропозиция о том, что Уикхем отличный парень (a), расшифровывается в следующей ремарке (b): мр. Беннет прекрасно видит, как нагло и самодовольно ухмыляется и лебезит перед ними его новоиспеченный зять (*simpers, and smirk, and makes love to us all*). Глубокий сарказм, определяющий истин-

ные иллокутивные силы (F-2) высказываний, слышится и в репликах о том, что Беннет просто гордится своим новым родственником (с), и теперь ему позавидует даже сэр Лукас, чья дочь вышла замуж за Коллинза (d).

Мр. Беннет — хороший отец и муж. Но и в разговорах со своими домочадцами он не может обойтись без изрядной доли иронии. Правда, здесь она звучит незлобно, он скорее подтрунивает над ними. С его псевдокомплиментом жене мы уже столкнулись в примере (3) (*...you may send girls by themselves, ... you are as handsome as any of them, Mr. Bingley may like you the best of the party*). В прагматическом плане эта коммуникативная ситуация напоминает разговор с Коллинзом (пример (10)). Правда, они различаются содержаниями пропозиций и определяемыми ими качеством и интенсивностью эмоций, которые, в свою очередь, определяют качество иллокутивных сил. Если в «комплиментах» Коллинзу звучат глубокий сарказм и издевка, вызванные активным осуждением его жизненной позиции, то в «комплименте» жене мр. Беннет просто подшучивает над ее женским тщеславием. Но с прагматической точки зрения оба эти эпизода построены одинаково. В разговоре с женой, как и при общении с Коллинзом, мр. Беннет не рассчитывает на то, что она поймет тонкий подвох и иронию «комплимента», и произносит его скорее, чтобы позабавить самого себя. Поэтому можно сказать, что аналогично эпизоду с Коллинзом этот псевдокомплимент устанавливает принцип кооперации непосредственно между автором и читателем, предполагает идентичную картину мира и направлен на то, чтобы на основе этого идентичного мировосприятия сформировать у него определенные оценки характеров и мироощущений героев.

Даже в радости мр. Беннет не может обойтись без легкой иронии. Узнав, что Джейн выходит замуж за мр. Бингли, он говорит:

- (13) (a) *You are a good girl, ... and I have great pleasure in thinking you will be so happily settled. I have not a doubt of your doing very well together. Your tempers are by no means unlike.* (b) *You are each of you so complying, that nothing will ever be resolved on; so easy, that every servant will cheat you; and so generous, that you will always exceed your income* (Ibid., 142).

Комплимент мр. Беннета (b) проникнут неподдельной любовью к своей дочке и искренней радостью за нее. И на этом фоне особенно отчетливо звучит пусть мягкая, но все же ирония его прогнозов на будущее, которые делают этот комплимент не совсем комплиментом. Ведь все перечисленные в нем похвальные качества — уступчивость (*so complying*), легкий нрав (*so easy*), щедрость (*so generous*) — влекут за собой не очень похвальные последствия.

Но в романе звучат и три совершенно искренние похвалы мр. Беннета. Он хвалит своих старших дочек — добрую Джейн и умную Лизи. И ту и другую он хвалит открыто и чистосердечно. Джейн он говорит о том, что она хороший человек в примере (13)–(a), а Лизи предостерегает от неудачного замужества:

- (14) *Your lively talents would place you in the greatest danger in an unequal marriage* (Ibid., 154).

При этом мр. Беннету особенно импонирует цепкий ум Лизи. Очень трезво оценивая своих девочек, он говорит жене:

- (15) *They (our daughters) have none of them much to recommend them*” replied he; “they are all silly and ignorant like other girls; but **Lizzy has something more of quickness than her sisters** (Ibid., 7).

Именно к Лизи он обращается со своими двусмысленными «похвалами» Коллинзу и Уикхему (примеры (11), (12)), так как знает, что только умная и ироничная Лизи сможет понять и по достоинству оценить их.

Декодируя образ мр. Беннета по формуле $Se[F(p)]$, можно заметить следующее. Почти все его «похвалы и комплименты» содержат большую или меньшую долю сарказма или иронии, которая достигается за счет употребления пропозиций обратных тем, которые он имеет в виду. Таким образом, автор рисует его ценностную картину мира от противного, а именно, перечисляя то, что вызывает его неприязнь и критику. Как видно из приведенных фрагментов, мр. Беннет с возмущением и даже брезгливостью относится к лести, раболепству и самодовольной глупости (примеры (10) и (11)), нечистоплотности и корысти в любовных и семейных отношениях (пример (12)). Женское тщеславие его смешит (пример (3)). К недостаточной практичности и отсутствию жизненной хватки он

относится с ироничной улыбкой, ставя намного выше душевные качества — доброту и легкий нрав (пример (13)–(b)), а превыше всего — острый ум (примеры (14) и (15)). Декодирование высказываний мр. Беннета по формуле $Se[F(p)]$ дает нам возможность увидеть, что за образом едкого и язвительного джентльмена кроется нежный любящий отец и терпеливый супруг, человек с очень правильными ценностными ориентирами. И, безусловно, крайне важную роль в создании характера мр. Беннета играет элемент *Se (speaker's expression)*. Именно выбранный Беннетом вербальный способ выражения своих оценок окружающей действительности раскрывает его острый ум, язвительность и едкость его натуры, ироничность и сарказм, характерные для его языковой ментальности.

В эссе, посвященному Дж. Остин, С. Моэм писал: «У мисс Остин был острый язычок и изумительное чувство юмора. Она любила смеяться сама и любила смешить других <...> И, Бог видит, как трудно писать смешно, хотя бы изредка не добавляя небольшой доли язвительности. Ведь доброта такая пресная на вкус. Джейн очень тонко чувствовала глупость, неискренность, претенциозность и неестественность в поведении людей; и к ее чести надо сказать, что все это скорее веселило, чем раздражало ее. Она была слишком деликатна, чтобы сказать людям в лицо то, что могло причинить им боль, но не видела большого греха в том, чтобы самой посмеяться над ними...»³ (Maughm — электронная версия). Как видно, многие из этих черт вербальной ментальности автора нашли свою языковую реализацию при создании образа мр. Беннета.

Но еще в большей степени мировосприятие Дж. Остин и специфика его вербальной актуализации отразились при создании образа главной героини романа Элизабет Беннет. Как отмечает С. Моэм, Лизи была любимой героиней Дж. Остин. «Я считаю, — признавалась писательница, — что она самое прелестное существо, которое когда-либо появлялось на страницах книг». Моэм считает, что она, безусловно, наделила свою героиню чертами, присущими ей самой: оптимизмом, веселым и добрым нравом, цепким умом, юмором, мужеством и житейской мудростью (Ibid. — электронная версия).

³ Здесь и далее перевод наш. — Н. М., И. П.

Эти черты характера Лизи находят отражение в ее речи, в частности в ее хвalebных высказываниях.

Как и мр. Беннета, ее раздражают такие черты, как глупость, самодовольство и напыщенность. И свою реакцию Лизи тоже очень часто выражает в духе мр. Беннета. Хорошим примером этого стала ее ремарка в адрес дочери леди де Бург, Энн, которую прочат в невесты Дарси. Энн не отличается ни здоровьем, ни умом, но прекрасно понимает, что за ней стоят богатство и титул, и держится с большим апломбом. Это высокомерие напоминает Лизи мр. Дарси, благородную душу которого она сначала не разглядела за его внешней надменностью:

- (16) “(a) *I like her appearance*,” said Elizabeth ... (b) *She looks sickly and cross*. (c) *Yes, she will do for him very well*. (d) *She will make him a very proper wife*” (Ibid., 190).

Как и у мр. Беннета, высказывания Лизи (a), (c), (d) отличаются иронической импликацией. С одной стороны, она выражает совершенно искреннее мнение, что Энн будет великолепной женой для Дарси. Стоит лишь посмотреть на Энн, и видно, как они отлично подходят друг другу. С другой стороны, стоит лишь посмотреть на Энн, как мы видим болезненную и надутую девушку (b). Зная, что в этот период их взаимоотношений Лизи негативно относится к Дарси, и по принципу кооперации читатель понимает: они составят идеальную пару в плане гармонии недостатков — снобизма и высокомерия. Таким образом, иллокутивные силы позитивных оценок в (a), (c), (d) направлены на выражение критики, а разговорная имплицатура с недосказанными пропозициями придает этим высказываниям ироничное звучание, в создании которого Дж. Остин была непревзойденным мастером.

В конце романа, когда становится понятно, как низок внешне приятный и любезный Уикхем и как благороден внешне холодный и заносчивый Дарси, Лизи в разговоре со своей старшей сестрой замечает:

- (17) *There certainly was some great mismanagement in the education of those two young men*. (a) *One (Darcy) has got all the goodness*, (b) *and the other (Wickham) all the appearance of it* (Ibid., 267).

Осуждая лицемерие Уикхема (b), и восхищаясь благородством Дарси (a), Лизи и здесь не обходится без доли иронии (*some great mismanagemen*). Как уже отмечалось, таким мироощущением и его вербальной актуализацией наша героиня напоминает своего отца. Она разделяет его мнения, прекрасно играет смыслами «похвал» и умело использует разговорные импликатуры, передающие иронию и сарказм. При этом Лизи очень отличается от мс. Беннет. И не только своей ценностной картиной мира, но и ее вербальной актуализацией. Как и мр. Беннет Лизи скупа на похвалы. В ее оценках почти не звучат восторги, и они редко отличаются сильными эмоциями. Например, уже влюбившись в Дарси, Лизи в разговоре со своей тетей о нем сдержано замечает:

(18) *“He is certainly a good brother”, said Elizabeth, as she walked towards one of the windows (Ibid., 291).*

Эта малоинформативная пропозиция в похвале влюбленной барышни, да еще сделанной походя, по дороге к окну, говорит о многом. О контроле своих чувств, о скрытности и, главное, об очень низкой эмоциональности при выражении своей влюбленности. Надо сказать, что все героини Дж. Остин, вербализирующие своими устами мироощущение писательницы, даже в любви рассудительны, благоразумны и полны здравого смысла (напр., Eleanor из «*Sence and Sensibility*», Emma из «*Emma*»). Поскольку эти качества мало сочетаются с любовью, С. Моэм делает вывод о том, что мисс Остин вряд ли была способна к большой любви и вряд ли сама когда-нибудь была сильно влюблена, иначе она наверняка наделила бы своих героинь большей теплотой и силой эмоций. В их же любви совершенно нет страсти. Действительно, даже похвала дяде мр. Гардинеру, который, как считает Лизи, заплатил немалую сумму Уикхему, чтобы тот женился на Лидии, отличается большими чувствами, чем скупое признание заслуг своего возлюбленного в качестве хорошего брата:

(19) *“Generous, good man, I am afraid he has distressed himself. A small sum could not do all this” (Ibid., 355).*

В своих произведениях Дж. Остин последовательно проводит идею гармонии разума и чувств. Она убеждена — нельзя жить

только чувствами. Эта концепция в полной мере актуализируется в образе главной героини романа, которая, оценивая ситуацию и людей, всегда руководствуется здравым смыслом. В этом плане она противопоставляется чувствительной и всепрощающей Джейн. Например, когда мр. Дарси и кузины мр. Бингли уговорили его забыть о Джейн и уехать в Лондон, убитой горем девушке даже в голову не приходит осуждать своего сбежавшего возлюбленного, она винит во всем только себя:

- (20) *“He may live in my memory as the most amiable man of my acquaintance. ... I have ... nothing to reproach him with. A little time, therefore — I shall certainly try to get better. ... It has not been more than an error of fancy on my side ...”*
“My dear Jane!” exclaimed Elizabeth, (a) “you are too good. (b) Your sweetness and disinterestedness are really angelic; (c) I do not know what to say to you” (Ibid., 162).

Этот пример интересен не только с точки зрения эмоционально-нравственной концептосферы Лизи, но и в плане ее вербальной актуализации. Как всегда обратимся к формуле $Se[F(p)]$. Без учета психологического и ментального своеобразия нашей героини предложения (a) и (b) можно рассматривать как проявление восхищения благородством Джейн в столь трагичной для нее ситуации ($Fp-1$). Однако в контексте того здравого смысла, который характерен для всех поступков и суждений Лизи, ее переживаний за сестру и любви к импликациям (Se) усилительная частица *too* с прилагательным *good*, и прилагательное *angelic* придают этим высказываниям совсем другой смысл и превращают восхищение ($Fp1$) в мягкий упрек и предостережение о том, что нельзя проявлять такую неземную доброту на нашей грешной земле, и что к людям надо относиться так, как они того заслуживают ($Fp2$). Об актуализации именно этого иллокутивного смысла говорит и следующая фраза о том, что такая реакция Джейн на предательство ее возлюбленного просто ставит Лизи в тупик (c).

Какие же качества вербализирует «самое прелестное существо» в своих хвалебных ремарках, и, следовательно, какие качества наиболее существенные в ценностной картине самого автора? Первое, что бросается в глаза — это ум, здравый смысл и ироничность, скво-

зящая во всех суждениях главной героини. Она не терпит подлости, корысти и эгоизма (примеры (17) и (20)), с удовольствием смеется над глупостью и снобизмом (пример (16)), ценит благородство и доброту (примеры (17) и (19)). Ей несвойственны страстные порывы и взрывы эмоций в отношении своего возлюбленного (пример (18)), но она способна на глубокие и искренние чувства и готова поддержать своих близких в трудную минуту (пример (20)).

Проведенное исследование показывает, что в художественном дискурсе похвала ориентирована не только на выполнение различного рода экспрессивно-оценивающих функций, способствующих развитию сюжетной линии романа, но и на выявление определенных психологических, ментальных и эмоциональных черт характеров персонажей, произносящих, слушающих или являющихся объектами похвалы, на создание определенных литературных образов. И формула $Se[F(p)]$ — это один из ключей, позволяющих расшифровать, декодировать внутренний мир, представить мозаику когнитивных и психологических особенностей героев романа и того, как они вписываются в лингвокультурологическую картину их среды и эпохи. Вкладывая похвалы в уста своих героев, автор раскрывает характер того или иного персонажа, его речевого поведения в описываемой культуре, кодирует прагматические намерения, пресуппозиции и скрытые смыслы, обнажает психологические и когнитивные состояния говорящих, их духовный мир и, что очень важно, раскрывает перед читателем собственную картину мира. Причем этот литературный прием дает возможность автору рисовать портреты своих героев изящными мазками, используя полутона, намеки, недосказанность и тем самым вовлекая читателя в процесс творческого сомышления, приглашая его самого пройти по дороге декодирования внутреннего мира создаваемых им языковых личностей.

Список источников примеров и сокращений

- Austen J. — *Austen J. Pride and Prejudice*. СПб., 2002.
 Ben Johnson — *Johnson B.* — <http://www.everypoet.com/archive/poetry/>
 Maughm S. — *Maughm S.* — <http://www.librarything.com/work/336288>
 Scott — *Scott W.* — <http://litencyc.com/php/sworks.php?rec=true&UID=21604>

Глава IX

ВТОРОЕ ЛИЦО В ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В лингвистике, как и вообще в человеческой жизни, существует мода, мода на идеи — феномен загадочный в своей непредсказуемости, когда какая-то идея захватывает умы многих и заставляет их думать в одном направлении. Причем идея, захватившая своей привлекательностью, может быть высказана не сейчас, иногда очень давно, но овладевает вниманием людей по какой-то причине именно в определенный момент — тогда мы говорим, что высказавший идею человек, опередил свое время. В том, что появляется мода на идею, нет ничего плохого; разработкой идеи начинают заниматься различные ученые, с разных сторон, происходит своего рода мозговой штурм. Возникающая теория может распространяться на соседние области знания, возможно и на далекие. Нечто похожее произошло с понятием кода, изначально относящимся к сфере технической, а затем перенесенным в сферу культуры, семиотики, языка и пр. Как это нередко бывает, перенос осуществлялся метафорически, в результате сосуществуют многообразные определения культурного и семиотического кода, порою взаимоисключающие (<http://velikayakultura.ru/teoriya-kultury>). Как правило, культурный код в семиотике касается организации и понимания высказывания. В настоящей главе мы еще раз переосмысливаем и расширяем понимание культурного кода и в функции высказывания рассматриваем одну английскую морфологическую прономинальную структуру и связанный с нею структурно-семантический класс обращений, а в качестве кода — социолингвистический характер их функционирования, приводящий к определенным лингвокультурологическим характеристикам английского языка.

В России существует довольно распространенное мнение, которое можно считать стереотипом, о том, что англичане самые вежливые люди, потому что даже к детям они обращаются на «вы», употребляя *you*. Или же, что английский язык — самый вежливый по той же причине. На самом деле ситуация прямо противоположная: в современном английском языке нет возможности проявить вежливость через местоимение второго лица, так как язык не имеет или не предоставляет выбора. Вежливость — это сфера, которая наиболее кодифицирована и понимание кода — ключ к успешной коммуникации. Для восприятия вежливого языкового акта очень важно наличие в языке альтернативного невежливого поведения в той же языковой ситуации. Если такой оппозиции нет, то высказывание воспринимается нейтрально по отношению к критерию вежливости. В русском языке морфологическое выражение вежливости во 2-м лице единственного числа носит системный характер: *ты — вы; ты идешь — вы идете, смотри — смотрите, ты умен — вы умны* и т. д. Не говоря о том, что есть еще и степени выражения как невежливости (*Стоять!*), так и вежливости (*Не посмотрите ли?*). В английском языке отсутствие выбора во 2-м лице единственного числа местоимений, парадигме повелительного наклонения глагола и пр. не делает язык дефектным с точки зрения средств выражения вежливости, поскольку оно компенсируется богатством синтаксических моделей с глаголом в сослагательном наклонении (*Could you /would you...*) и прочих выражений (*Do you mind answering... Will you please...*). Сфера 2-го лица может рассматриваться не только в терминах вежливости, но и имеет более богатый спектр коннотаций. Так, русское выражение «*Перейти на ты*» свидетельствует о близости отношений. А. Вержбицкая считает английское *you* демократичным, тогда как славянское «ты» может обнаруживать сердечность (*cordiality*), любезность (*courtesy*), близость (*intimacy*), дружелюбие (*friendliness*) и пр., иначе говоря — эмоции (Wierzbicka 1991: 56–57).

В этой главе мы будем говорить об эволюции английских местоимений 2-го лица от чисто структурных морфологических единиц, обозначающих адресата высказывания, к единицам социолингвистическим, а затем лингвокультурологическим. Также рассматривается системная зависимость некоторых английских диалектных

обращений от сложившейся прономинальной ситуации и, наконец, включение в эту систему зависимости определенных форм имен собственных лица.

Исторически местоимения 2-го лица прошли путь от нейтрально-грамматического употребления через достаточно бурный период социализации и статусного значения к современной социально-нейтральной форме *you*, которую можно считать лингвокультурологическим маркером английского нормативного языка.

В древнеанглийский период система личных местоимений следовала общегерманскому и, шире, индоевропейскому типу: во 2-м лице противопоставлены парадигмы единственного, двойственного и множественного чисел. Местоимение единственного числа (ном. *thu*, ген. *thine*, акк./дат. *thee*) восходило к индоевропейской основе на *t-*, местоимение множественного числа супплетивно: ном. *ge*, косв. падежи *eow*. Парадигма двойственного числа, архаичная уже в дописьменный период слилась с множественным числом или ликвидировалась вовсе (Сравнительная грамматика... 1963: 305–308). В среднеанглийский период происходит перестройка формально-категориальная, в которой ед. число не участвует, изменяется лишь написание и позже произношение: *thou*, *thee*, *thine*, а во множественном числе сливаются падежи как по форме, так и по употреблению в форме *you*: начальный согласный [j] идет от именительного падежа, а гласный из косвенных падежей. Но самое главное — с XIII в. начинается объединение *you* с единственным числом. Р. Ласс (Lass 2001: 148) приводит пример из Моссе, где в стихотворном тексте *you* и *thu* практически взаимозаменяемы. Основная линия объединения — употребление *you* в единственном числе в текстах, принятых в высших классах, и в куртуазных контекстах.

Несомненно, история местоимения 2-го лица подвергалась неоднократно исследованию (R. Brown and, A. Gilman, Barber, R. Lass и др); результаты этих исследований показывают различные аспекты отношения между *you* и *thou* и различное лингвистическое наполнение. Очевидно, что на фоне взаимозаменяемости вызывает дифференциация. Сначала она носит отчетливый социолингвистический характер: *you* функционирует в речи высших классов, а *thou* маркировано социальной сниженностью; затем к этому добавля-

ется стилистический аспект: *you* нейтрально, а *thou* употребляется эмфатически, презрительно или ласкательно (Cooper 1685 цит. по: (Lass 2001: 150)). В ранненовоанглийском отчетливо статусное употребление при несимметричных социальных отношениях: к господину слуга обращается *you*, а господин к слуге — *thou*. Таким образом, наблюдается разное значение *thou* в зависимости от симметричности/несимметричности ролевых отношений, а именно, статусное при неравенстве и интимно-фамильярное при равенстве. Однако при учете всего корпуса исследований отмечается гораздо более сложная и пестрая картина. *You* из сферы употребления высших классов переходит в языковую норму для передачи и ед. и мн. чисел и нейтрально по отношению к стилю и статусу. Форма ед. ч. имеет два поля: «1) выражение несимметричности (временной или постоянной) статусных отношений и 2) показатель повышенной эмоциональности тона, но под сильным влиянием регистра, топика, ролевого распределения и других факторов, не связанных со статусом или выражением власти» (Ibid., 149). Наблюдается и грамматическая или текстовая обусловленность, напр. в XVI–XVII вв. *thou* предпочтительно употреблялось как подлежащее с вспомогательными глаголами, а *you* — со смысловыми. Анализ частной переписки показал, что к концу XVII в. «противопоставление ты/вы приобретает дейктический характер: *you* дистально (distal) (удалено от говорящего), ты — проксимально (proximal) (ориентировано на говорящего) (Ibid., 153). К новому времени *you* утратило все категориальные признаки (кроме 2-го лица) и характеристики, вытекающие из бинарной оппозиции с *thou*. Последнее же сохранилось в архаичной поэзии и Библии короля Якова. Библейское употребление, вероятно, скоро будет забыто, так как в последнее время в церковную службу внедряются обновленные версии Библии, в которых вся парадигма на *th*- полностью заменена на *you*.

Примечательно, что нейтрализация статусного употребления может рассматриваться как проявление общей тенденции сокращения коммуникативной дистанции в массовой культуре (Карасик 2012: 59), как реализация демократического призыва к всеобщему равенству. Однако французский язык — на родине этого лозунга — сохраняет противопоставление вежливого *vous* и фамильярного *tu*; русский язык — средство коммуникации на родине побе-

дившего социализма — также сохраняет это противопоставление. А Британия, знаменитая своим классовым консерватизмом, утратила в своем языке всякую возможность выражения социального неравенства в этой сфере. Если в настоящий период английский приобретает все более демократический характер (как норвежский язык или американский вариант), то исторический процесс де-социализации английского местоимения 2-го лица происходил в период жесточайшего авторитаризма нормы и социального расслоения языка (Мячинская 2012). Именно всевластие нормы, сложившейся на основе языка высших классов, привело к исчезновению *thou* в нормативном употреблении как письменном, так и устном.

Вместе с тем в системе английского языка существует подсистема, не подчиняющаяся диктату нормы, но имеющая свою собственную регулярность — это региональные варианты, диалекты, веками существовавшие параллельно нормативному языку, как правило, в устном виде. Некоторые диалекты, особенно диалекты американского варианта, стремятся сохранить категорию числа во втором лице через новообразования с *you*, например, возникают формы *yous*, *yez/yiz*, явно содержащие окончание множественного числа *-s*. Такие формы характерны для Северной Америки, Австралии, Шотландии и особенно Ирландии (Trudgill, Chambers 1991: 8). Для юга США типично обозначение множественности словосочетанием *you-all*, *y'all*, реже *you'uns*. В традиционных диалектах Восточной Англии функционирует словосочетание *you ... together*, например *Come you on together* (Ibid.). В таких диалектах отдельное *you*, не входящее в словосочетание, обозначает только единственное число, и таким образом грамматическая категория числа, получив иное формальное наполнение, адекватно функционирует как прежде. Наряду с множественным числом *you-all* отмечается также образование притяжательной формы *you-all's*, о чем О.Есперсен писал еще в 1913 г., но Р.Ласс считает, что это более старые формы (Lass 2001:155). Словосочетания в местоименной функции интересны морфологически, поскольку изначально носят выраженный аналитический характер, а при появлении форманта притяжательности *'s* демонстрируют процесс превращения аналитического компонента во флексивный. Аналогичное развитие видим в фор-

мах английского будущего времени, где *shall* и *will* трансформируются во флексию 'll. Эти явления свидетельствуют о цикличности или спиральности языкового развития и сигнализируют о возможном проявлении следующей типологической стадии. Тот факт, что диалектный материал участвует в инновационном процессе вместе с нормативным английским, опровергает представление о диалектах как о резервации архаичных форм, как о языковой периферии, которой можно пренебречь при формулировании эволюционных закономерностей и тенденций. Анализ диалектного материала расширяет границы исследуемых явлений и делает очевидной неединственность языкового развития. В этом контексте анализ диалектного материала, касающегося местоимения 2-го л. ед. ч. в сравнении с мн. ч., проливает свет на лингвистические и социолингвистические потенции, не реализованные языковой нормой.

Местоимения на *th-* зафиксированы в разных территориальных вариантах, имеют различающуюся форму и функцию именительного и косвенных падежей личного местоимения, а также притяжательного и возвратного местоимений. В диалектах графства Сомерсет вся парадигма выровнялась в форме *thee* и противопоставлена *you* и *ee*, которые, как и в норме, обозначают оба числа. Отмечается, что *thee* употребляется в близко дружественном стиле, но и в этой сфере становится все более редким. Осси Ихалайнен, подробно изучавший эти диалекты, пытается вывести закономерность употребления *thee* или *you* в зависимости от синтаксической позиции, ударения и текстовой выделенности (*prominence*). Для 2-го лица ему удастся сформулировать предпочтительное употребление *thee* в выделенной позиции, напр. *You taught thee self, didn'tee?* Эта закономерность не абсолютна, ср. *Art thee married?* — неэмфатический вопрос (Ihalainen 1991: 115). В качестве несомненно выделенной позиции автор приводит следующий разговор друзей:

- (1) B. L. *What be you, Herb?* (Сколько тебе лет?)
 H. T. *Gone seventy-five.*
 B. L. *Gone seventy-five! Thee!*
 W. B. *Thee! Thee! I didn't know you were gone seventy-five* (Ibid., 115).

Однако этот пример вовсе не так очевиден. Выделенность позиции не вызывает сомнений, но представляется, что *Thee!* и осо-

бенно его повтор здесь скорее восклицание, чем местоимение, ибо у него нет синтаксической функции, так как подлежащее выражено местоимением *you*. Можно предположить, что происходит своеобразная лексикализация *thee* или переход в другой лексико-семантический класс, вызванный идиоматизацией. Такое развитие не удивительно, так как сфера употребления местоимения ед. ч. резко сужается и возможны устойчивые фиксированные употребления типа идиоматических. Так, в Йоркшире, в диалектных текстах бытуют фразы, стягивающиеся в единое слово: *hasta* (*have you*), *dos't* (*do you*), *wilta* (*will you?*), *sitha* (*Look!*). Так или иначе, материал О. Ихолайнена показывает, что в современном функционировании нет статусного употребления, что переход на *thee* или *you/ee* не связан с социальными факторами, а управляется текстовыми грамматическими условиями, полностью при этом находясь в стилистико-регистровом кондиционировании.

Нами проведен анализ прономинального 2-го лица на материале переложения известных сказок и историй на йоркширском диалекте, выполненного Дэвидом Халламширом (Hallamshire 1994). Тексты написаны автором в той письменной форме, которая принята в публикациях фольклорно-диалектного материала, издаваемого Йоркширским диалектологическим обществом, поскольку у английских диалектов нет своей установившейся письменности, и для фиксации приспособляются орфоэпические возможности английской письменной нормы. Формы *th*- местоимений варианты: им. пад. *tha*, *thu*, косв. пад. *thi*, *thee*, притяжательное мест. *thysen*. Местоимение *you* не употребляется вовсе. *Th*-форма применяется и в диалоге и в нарративе, как между равными, так и неравными участниками коммуникации (симметричное и несимметричное ролевое распределение).

История о гонке между зайцем и черепахой начинается авторским обращением к читателям. Далее приводятся примеры, выбранные для иллюстрации различных значений.

- (2) Авторский зачин: *Have I telt thi one abart hare and tortoise? (Have I told you a story about the Hare and the Tortoise?)* (Hallamshire, 1).

В этом случае число ситуационно не выражено, только адресность.

- (3) Заяц говорит черепахе:

I must be smarter than thee cos I don't go rarnd wi' me house on me back like a daft chuff. Tha looks like a lizard on a caravan holiday. (I must be smarter than you because I don't go around with my house...) (Ibid., 1).

Здесь значение единственного числа совершенно очевидно.

- (4) “Hurryup!” **animals** start shouting at him. “Tha’s getting left behind. Get thisen moving!” (You are getting left behind. Get yourself moving) (Ibid., 3).

Здесь — единственное число с антецедентом *him*. На что черепаха отвечает животным: “Stop whittlin’. Tha’s not seen me top gear yet”. Отчетливое значение множественного числа с антецедентом *animals*.

Несимметричные отношения коммуникантов при одинаковом употреблении *th*-местоимений представлены в истории Архимеда и Короля. Король говорит Архимеду:

- (5) “As tha farnd art what I asked thi or what?” (Have you found out what I asked you?). Архимед в свою очередь спрашивает короля: “What’s tha want?” (Ibid., 17).

Таким образом, внутри фольклорного текста *th*-местоимения функционируют точно так же, как местоимение *you* в современном нормативном английском — нейтрально по стилю, по социальным ролям, обозначая и ед. и мн. число.

Анализируя диалектные тексты как фольклорного, так и художественного характера, следует иметь в виду, что мы имеем дело со стилизацией и использование маркированных элементов играет специфическую роль, поэтому их лингвистическое наполнение может отличаться от реального языкового употребления. Для выявления различия и установления реальных характеристик обратимся к описанию йоркширского диалекта, выполненному Питером Райтом (Wright 2001), выдающимся английским диалектологом, участником создания знаменитого «Обзора английских диалектов» под редакцией Г.Ортона (Orton, Dieth 1962–1971). При всей юмористической манере письма и легкости текста это абсолютно точное и надежное лингвистическое описание, основанное на глубококом знании материала: П. Райт долго жил на севере, собирал материал для «Обзора» и возвращался туда через какое-то время для

проверки своих наблюдений и добавления материала. Ему во многом помогали преподаватели и профессора университетов Лидса и Шеффилда, члены Йоркширского диалектологического общества и просто носители диалекта (Wright 2001: 32). Исследуемые нами тексты — в основном шутки местных жителей и о местных жителях, приведем некоторые из них.

Ситуация, когда человек спрашивает у незнакомых местных жителей дорогу в местечко *Harom* и в ответ слышит:

- (6) — “*Thoo’s in Airum*” [rhyming with scarem]. Путешественник спрашивает:

— “*How is it spelt?*” и получает ответ:

— “*Thoo doesn’t spell it, thoo ses it*” (“You don’t spell it, you say it”) (Ibid., 7).

В первом случае *th*-местоимение имеет четкое значение ед.ч. нейтрального оттенка, а во второй фразе — неопределенно-личное (соответствует по форме русскому “Его не пишешь, его говоришь”).

- (7) Фермер едет на лошади, а позади устало бредет его жена. Встречный спрашивает фермера:

— “*Why ain’t thi missus ridin’?*” (*Why isn’t your wife riding?*) и слышит:

— “*Shoo esn’t nooa ‘oss*” (*She has no horse*) (Ibid., 11);

- (8) “*Ah telled thee tha should’t ‘ve weshed t’parrot i’Persil*”, — говорит сосед соседу (I told you that you shouldn’t have washed the parrot in Persil) (Ibid., 29);

- (9) Человек тонет и зовет на помощь, проходящий мимо наемный работник спрашивает его:

— “*What’s thi name?*”

— “*John Robinson from Bielby’s Farm, an Ah can’t hodd aht mich longer.*” (*and I can’t hold out much longer*).

Бросив утопающего на произвол судьбы, работник мчится на эту ферму и спрашивает бригадира:

— “*Dusta know John Robinson’s drahnidin?*” (Do you know that John Robinson is drowning?) . — “*What abaht it?*” (Ну и что?) спрашивает бригадир.

— “*Ah’ve come for his job*”.

— “*Tha’s ower late. We’ve gin it to t’chap ‘at chucked ‘im in (You are too late. We’ve given it to the chap who pushed him in the pond)*” (Ibid., 12).

Если (7) и (8) — это диалоги между дружественными участниками, то примеры из (9) демонстрируют употребление *tha*, *thi dusta* между незнакомыми людьми, без всякого признака дружелюбия. Общим для всех примеров можно считать принадлежность к ареалу и диалекту.

Понимая, что для большинства носителей английского нормативного языка употребление *th*-форм ассоциируется с Библией, П. Райт замечает: «Не думайте, что все, кто говорят вам “ты” так уж религиозны». (Don't think that all those who *thou* and *thee* you are highly religious). Нет, просто там так говорят, и описанные автором ситуации подтверждают эмоционально-стилистическую нейтральность *th*-форм. Представляется, что они имеют иной тип маркированности: это, на наш взгляд, классический внутренний культурный код, выраженный лингвистическими средствами, обозначающий групповую принадлежность и гордость (group identity): «Мы — северяне». С внешней стороны, для не-северян, на этой лингвистической характеристике в частности базируется стереотипическое отношение к северянам как к людям дружелюбным и приветливым. Вместе с тем П. Райт делает печальное наблюдение, что у современных школьников младших классов [в Кастлфорде] *thee* и *thou* постепенно исчезает из употребления, хотя другие диалектные особенности сохраняются (Wright 2001:13). Прогнозы относительно жизни и смерти лингвистических средств дело, как известно, неблагоприятное, и вряд ли стоит говорить об исчезновении этой языковой черты, особенно, учитывая ее культурно-социальный статус в этом регионе. Тем более, что есть современные свидетельства живучести диалектных черт: так, например студентка английского отделения университета Шеффилда пишет: «Я горжусь, что использую этот диалект, потому что он подчеркивает мои корни, принадлежность к моей культуре (cultural heritage), столь богатой в языковом и историческом плане» (Daley 2013: 26).

В отличие от стилизации фольклорных сказок (2–5), в которых употребление *you* исключено полностью, в описании йоркширского диалекта формы этого местоимения представлены и имеют различные характеристики и сферы использования.

(10) Например, официальная ситуация в суде. Мировой судья говорит на нормативном языке:

— “*You were brought in by two police drunk, I suppose*”. Обвиняемый отвечает на диалекте:

— “*Aye, yer reverence, they was*” (Wright 2001: 11–12).

Очевидно, что здесь *yer* — уважительная официальная форма, значение ед. ч. в устойчивом сочетании с *reverence*.

- (11) Еще одна шутка социолингвистического характера, когда носитель северного диалекта упрекает кокни за неверное произношение фразы *a cup of tea*:

Any road (anyway), we say things proper, a cup o'tay or by letters a cup o'teea, not a cup o'tie like you lot (Ibid., 12).

Для обозначения множественности употребляется словосочетание *you lot*.

- (12) Довольно нелогичная угроза звучит в словах:

— *Next time Ah bring yo two to t'shops, Ah'll leave yer at whome (Next time I bring you two to the shops, I'll leave you at home)* (Ibid., 24).

Интересно, что в сочетании с конкретизатором *two* и в самостоятельном употреблении представлены различающиеся местоименные формы *yo* и *yer*. Насколько это случайно или регулярно, трудно сказать из-за недостаточности материала.

Например, в час пик женщина-водитель, остановившись перед светофором, никак не может завести двигатель. Подошедший полицейский постучал по крыше ее мини-машинки и спросил:

- (13) *Nah, madam, ev wi no colour you do like?* (Now, Madam, have we no colour you like?) (Ibid., 16).

Здесь *you* имеет значение единственного числа, характеризует вежливое употребление в сочетании с обращением *Madam*, но сочетается с другими диалектными чертами, т. е. это не нормативный язык. Возможно, *you* вызвано формальными отношениями между коммуникантами.

Отдельный случай представляют собой слова-паразиты, заполняющие паузы, — автор называет их *forced muscle spasms*; они, в основном, содержат *yer*: *yer knaws, yer sees, yer nivver*. Ситуация их употребления лишена формальности, но и используемая форма — диалектная, а не нормативная. Аналогично использование *yer* в поговорках:

(14) *Look a foor yer lowp*” (before you leap) (Ibid., 21).

Итак, *you*-формы присутствуют рядом с *th*-формами, имеют несколько значений, совпадающих с *th*-формами, за исключением формального употребления. При этом они в явном меньшинстве.

Если значение и текстовый характер местоимений выявляется из книги Питера Райта, то количественное соотношение двух местоимений и их территориальное распределение можно выяснить, проанализировав статью VIII. 2.8 “*How are you?*” в Обзоре английских диалектов Г.Ортона (Orton, Dieth 1963: 900–901; 1971: 1096–1097), где материал приводится в подробной фонетической транскрипции. В диалектах севера Англии, за исключением Нортумберленда, *t*- и *th*-формы имеют подавляющее большинство, причем в отличие от вышеописанных источников *t*-формы преобладают над *th*-формами. Для подтверждения приведем распределение фонетических реализаций по типам на территории Йоркшира (транскрипцию переводим в графический вид): *je/ja* -6, *te/ta:/ta* -30, *the/thu/tha* -3, т. е. 85% употреблений по населенным пунктам приходится на *thou* и 15% на *you*. Анализ материалов Г.Ортона выявляет еще одно обстоятельство: восточно-центральные графства, примыкающие к северным, повсеместно являют *je/ju* формы; местоимение *the* зарегистрировано всего один раз, в Линкольншире. Таким образом, суммируя наблюдения над диалектным материалом, можем сказать следующее.

1. Местоименные формы *you* и *thou* сосуществуют.
2. Они имеют сходные значения единственности, множественности и неопределенно-личности.
3. В современных диалектах отражается картина средне- и ранне-новоанглийского периодов и процессы, происходившие в то время.
4. Формы на *th*- и *t*- встречаются в самых разных ареалах, но преобладают над *je*-формами на Севере, где они носят выраженный лингвокультурологический характер.

В английской диалектологии и фольклористике в последнее время стал распространяться термин “enregisterment”, от существительного *register* ‘регистр’ и глагола *enregister* ‘связывать с определенным регистром’. «Когда носители языка начинают осознанно и эксплицитно комментировать такие языковые черты, как диа-

лектные слова или произношения, и этот набор черт оказывается связанным с определенными социальными ценностями, напр. ‘территория, класс, правильность’ или с более абстрактными концептами типа ‘аутентичность и дружелюбие’, то про эти черты говорят *enregistered*, т. е. признанные языковым сообществом как сигнализирующие вариант языка, характеризуемый определенными ценностями» (Cooper 2013: 27). Как правило, это не единичные черты, а набор или репертуар черт, и в этот набор входит местоимение *thee, thou*. Мы в этом случае говорим о социальной или лингвокультурологической маркированности. Важность приведенной цитаты не столько в содержании — нам, как внешним исследователям английского языка, эта выделенность и социальная нагруженность диалектных черт давно понятна — а в том, что носители английского языка стали ее отчетливо осознавать, тем самым подтверждая знаковый, или кодовый ее характер, а заодно и правильность наших оценок.

Важность и актуальность современной оппозиции *you — thee* поддерживается и употреблением (вкраплением) этих форм в художественной литературе, предназначенной для общей читательской аудитории, а не носителям и любителям диалекта. В романе Вал. МакДермиды “The Retribution”, написанном в 2011 г., персонаж-женщина, которая единственная проявляет сочувствие и заботу к маленькому мальчику, говорит ему:

- (15) “What’s the matter wi’ thee?” the woman said, her strong local accent making the question a challenge. ...startled, he’d realised she was looking at him. “Aye, thee, tha big daft lad” (McDermid, 427).

Затем она усаживает его за стол поесть и произносит:

- (16) “You are always the last in the queue”, she said, her voice kindly. “They pick on you, don’t they?” (Ibid., 428).

Мы видим, что автор использует *th*-формы только в начале диалога, для социально-психологической характеристики персонажа, а далее везде переходит на *you*, которое взаимозаменяемо с *th*-, но лишено коннотации.

В определенной связи с функционированием местоимений 2-го л. еще одним лингвокультурным маркером севера, а точнее

Йоркшира, выступает обращение *love* (*luv*). Для примера обратимся вновь к рассказу о Короле и Архимеде.

- (17) — “*I’ve got a problem, luv*”, *King* says.
 — “*Oh ah*,” says *Archimedes*. “*We’ll have this sorted art in no time, luv*”
 (Hallamshire, 16–17).

В отношениях социальной асимметрии оба коммуниканта одинаково употребляют и местоимение *th-* (пример (5)) и обращение *luv*.

Мы уже ранее обращались к специфике этого обращения и рассматривали его с точки зрения восприятия его англичанами и отношения к нему носителей йоркширского диалекта (Мячинская 2003: 75–81). Также мы рассматривали его с точки зрения двух типов социолингвистических отношений между людьми: первичных и вторичных (Белл 1980: 137–138), которые в обращении *luv/love* варьируют от ситуации сохранения дистанции между типами, через перекрещивание типов, до нейтрализации противопоставления (Мячинская 2008: 146–147). Первичные отношения проявляются в тесной пространственной близости, в малом количестве участников, объединенных «солидарностью» (напр., семья, школьный класс, группа друзей). Вторичные, напротив, демонстрируют дистанцирование как эмоциональное, так и физическое (напр., в ситуации магазин: покупатель — продавец или офис: начальник — подчиненный). На севере *luv/love* сохраняется в первой группе, но также распространяется и на вторую. На вопрос диалектолога «*Как дружелюбный продавец (а также парикмахер, водитель автобуса, университетский библиотекарь и пр.) может приветствовать покупателя (пассажира, посетителя)?*» были даны следующие варианты ответов: *Good morning/afternoon/Hello, Sir/Madam* (20%); *Hello, luv!* (60%); *Hello! Can I help you?*; *Good morning, Mr/MrsErrm!*; *Now then!*; *Hello there!*; *Hello then! Duck/Ducky* и др. Очевидно, что северное *luv/love* превалирует, «хотя есть значительные различия и ограничения в ответах разных возрастных групп. *Luv* стоит в одном ряду с привычными повсеместными формулами с прямым значением слов: *Good morning/afternoon/Hello*, с демотивированными северными формулами: *Now then! Hello there!*, а также с метафорически-ласкательным *Duck/Ducky*» (Мячинская 2003: 75–81). В во-

просе заданы все необходимые параметры ситуации: сфера общения — магазин (или транспорт, или места сферы обслуживания), ролевое распределение: продавец — покупатель (или обслуживающий персонал — потребитель); речевой акт — обращение/приветствие; отношения — незнакомые люди в общественном месте; тональность — формально-дружелюбная. Причем во вторичных отношениях оно может употребляться только, если происходит его десемантизация, присоединение к застывшим формулам типа *How do you do* или *Now then*. В нормативном разговорном английском *love* как обращение употребляется исключительно между близкими людьми. На севере обращение *luv/love* идет иным путем, меняя социальную ситуативную среду функционирования; именно это превращение обращения *luv/love* и сходных с ним *Duck/Ducky* мы называем социолингвистической нейтрализацией. Приведенный выше пример (17) с Архимедом и Королем иллюстрирует именно такую нейтрализацию. Вместе с тем представляется, что в примере (17) есть скрытая социолингвистическая игра слов: в понимании носителей йоркширского диалекта это простой обмен любезностями, а за пределами диалекта, для иностранцев с другим набором приветствий и формул любезности, Архимед проявляет недопустимую вольность, а Король слишком добр. Если же рецепторы «извне», носители нормативного английского осведомлены о йоркширской специфике, будучи своего рода «диглоссами», то для них это ироничная шутка. Таким образом, получается диалог «с тройным дном», углубляющий текст за счет уровня лингвокультурных маркеров. Знание подобных лингвокультурных маркеров необходимо для адекватной коммуникации. «Без кода культурный текст оказывается закрытым, его значение и смысл не поддается расшифровке. Если такой код есть, то текст становится открытым, его можно считывать. Каждый культурный текст может прочитываться иначе в зависимости от того, какой код используется» (<http://velikayakultura.ru/teoriya-kultury>). Как культурный код *Luv* действует сходным с местоимениями 2-го лица образом: для «своих» он сигнализирует о принадлежности к «своей» группе, а у «внешних» реципиентов создает стереотип йоркширцев как людей дружелюбных, добросердечных, хотя на самом деле они чужаков не любят. Нам представляется, что подобная нейтрализация обращения

встает в общую перспективу с диалектным выравниванием местоимений *you* и *thou*.

Возвращаясь к сфере нормативного языка, мы хотим сравнить употребление обращений-имен собственных с эмоционально и социально нейтральным *you*. Важность обращений для понимания системы отношений в той или иной лингвокультуре трудно переоценить, ибо одна и та же форма может нести разную эмоциональную и социальную нагрузку, которая должна осознаваться коммуникантами. В русском языке душевность и близость передается огромным количеством уменьшительно-ласкательных вариантов имени собственного Мария: Маша, Машуля, Мариша, Маруся, Машенька и т.д. — учтивость и дистанция — именем с отчеством Мария Владимировна, неформальность и дружелюбие — именем Маша, дистанцию и фамильярность — одним отчеством Ивановна. В польском учтивость вместе в дружелюбием и неформальностью передается обращением *пан/пани* плюс имя без фамилии, может быть даже в ласкательной форме. Для русского такая комбинация не характерна. Так или иначе, и польский и русский языки именами собственными могут выражать те же ценностные характеристики и эмоциональные оттенки, которые заключаются в местоименных формах 2-го лица ед. ч. — *ты* и *вы*. В английском такой разнообразной палитры нет, да и ценностные установки там другие. Вероятно, можно сказать, что универсальная для всех культур установка — “cherish and seek to promote good relations among people” (Wierzbicka 1991: 86). Но дальше выражение этих хороших отношений сопровождается в славянской культуре выражением сердечности и теплоты, особенно между близкими людьми, тогда как в белой англо-американской культуре основная эмфаза на личной автономии (для всех) на невмешательстве (*non-imposition, non-interference*). Одним словом, на соблюдении личного пространства (*privacy*).

Американская культура проповедует всеобщее дружеское отношение между людьми, включая незнакомых людей. Например, оно выражается в обычной формульной фразе *Have a nice day*, которую говорят и совсем чужому человеку, а иногда пишут на кармане униформы продавца магазина. Это дружелюбие, однако, не имеет ничего общего с русской душевностью, выраженной в ласкательных именах. Когда англоговорящие люди называют друг друга по име-

ни — *John*, а не *Dr. Holt*, или уменьшительными *Hob* или *Tom*, или даже уменьшительно-ласкательными, как *Robby*, их отношения не становятся более близкими, и употребление этих имен не отражает отношений более близких, чем при обращении *Dr. Holt*. Если человека по имени *Anthony Charles Lynton Blair* все, включая его самого, зовут Тони Блэр, Премьер-министр Великобритании, то это не передает никакой степени близости, дружелюбия или фамильярности — просто идентификация, имя. Русские, переехавшие жить на Запад, регистрируют в качестве официального имени уменьшительную форму своего русского имени: Витя, Наташа, Саша и пр., поскольку чувствуют в английской лингвокультуре иной статус этих форм по сравнению с русским языком, а именно нейтральный. Чтобы можно было воспринимать выражение близости, у говорящего должна быть возможность лингвистического выбора в зависимости от глубины и разнообразия чувств. Если какое-то слово или выражение употребляется без разбора, ко всем в равной мере (*indiscriminately*), то это не позволяет делать его более интимным, вежливым или менее.

Таким образом, мы видим, что 2-е лицо в английском языке — это не только личные местоимения, а комплекс средств, находящихся во взаимной обусловленности и подчиняющихся социолингвистическим условиям, в результате чего возникает лингвокультурологический феномен, служащий своего рода культурным кодом.

Список источников примеров с сокращениями

- Hallamshire — *Hallamshire D.* The Yorkshire Fables. Sheffield, 1994.
 Ihalainen — *Ihalainen O.* On grammatical Diffusion in Somerset Folk Speech. London; New York, 1991.
 McDermid — *McDermid Val.* The Retribution. London, 2012.

Глава X

ЭСТЕТИКА ПРИРОДЫ ГЛАЗАМИ АНГЛИЧАН

В ходе своей жизнедеятельности человек постоянно воспринимает и оценивает окружающий его мир. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, оценивается всегда то, что нужно физически и духовно человеку и Человечеству: «Оценка представляет Человека как цель, на которую обращен мир <...> Она не может быть независима от человека, и если жизнь Человечества имеет цель, оценка явно или неявно подчинена этой цели» (Арутюнова 1998: 181). В ряду других видов оценки эстетическая занимает особое место. Наслаждение красотой, любование есть священное чувство (Луначарский 1967), и, несмотря на то, что «сама по себе эстетическая потребность является вторичной, — имеет место “во втором ряду” за потребностями в утилитарном удовлетворении» (Циммерлинг 2004: 30), способность человека получать наслаждение при восприятии — одно из важнейших качеств, позволяющих сохранять душевное равновесие в противоречивом и полном катаклизмов мире, в котором он живет. Как справедливо отмечает проф. В. В. Бычков, сфера эстетического объединяет человечество во всех исторических измерениях: «Есть нечто в космоантропном бытии, что не устаревает со временем, что не исчезает по желанию людей, что относится к их сущности, даже если они не признают вообще никаких сущностей. Есть некие универсалии взаимоотношений человека и Мира, сохраняющие свою значимость на протяжении практически всей истории человека как существа цивилизованного. Именно к таким сущностным характеристикам космоантропного бытия и принадлежит сфера эстетического...» (Бычков 2004: 3).

Многие объекты окружающего мира могут вызывать эстетическую реакцию и называться красивыми. Так, по мнению А. В. Луначарского, вкусовые и тактильные ощущения, которые доставляют

человеку наслаждение, имеют полное право называться эстетическими. Но тем не менее в человеческой речи эпитет «красивое» или «прекрасное» применяется исключительно к области зрительных и слуховых ощущений, а также опосредованных ими чувствований и мыслей (Луначарский 1967). Однако, как отмечает А. Д. Шмелев, толкование красивого как чего-либо, «на что приятно смотреть и что приятно слушать», представляется недостаточным. Ссылаясь на философа Владимира Соловьева, ученый считает, что к этому «необходимо добавить, что *красивое* бывает приятно наблюдать или слушать даже при отсутствии личной заинтересованности (это вполне соответствует восходящему к античности представлению о красоте как о предмете «бескорыстного созерцания» или «чистой бесполезности»)» (Шмелев 2004: 304). Главным каналом постижения красоты выступает зрительное восприятие. «Взгляд есть орудие приспособления к окружающей среде, которая остается враждебной, как бы хорошо к ней ни приспособиться <...> глаз ищет безопасности <...> Этим объясняется тяга глаза к красоте, как и само ее существование. Ибо красота утешает, поскольку она безопасна» (Бродский 2013: 171).

Эстетическая оценка занимает значимое место в системе аксиологических координат любого лингвокультурного сообщества. Анализ литературных художественных произведений позволяет выявить основных участников ситуации оценки, исследовать языковые средства выражения эстетической оценки в разных языках, как универсальные, так и национально-специфические, а также позволяет рассмотреть, как эстетическая оценка взаимодействует с другими видами оценки, в частности, с этической и утилитарной.

Хорошо известно, что в структуре оценки выделяются субъект, объект, характер и основания оценки. Под *субъектом* (субъектами) понимается лицо (или группа лиц), приписывающее ценность некоторому *объекту* путем выражения такой оценки. *Характер* оценки определяется в терминах «хороший», «плохой», «безразличный» (для абсолютной оценки) и «лучше», «хуже», «равноценно» (для сравнительной оценки). *Основанием* оценки стало то, с точки зрения чего производится оценивание, та позиция, которая склоняет субъектов к одобрению, порицанию или выражению безразличия по поводу чего-либо. Основанием эстетической оценки

может быть чувство или ощущение («этот предмет хорош, так как он доставляет мне удовольствие»).

Субъектом оценочной структуры может быть лицо, часть социума или социум в целом, с точки зрения которого производится оценка. Таким образом, она может отражать личную позицию субъекта, а также может отражать некую усредненную картину мира данного языкового социума. Субъективная оценка, основанная на личном мнении говорящего, раскрывает его внутренний мир, характеризует его потребности и предпочтения. Социально обусловленная оценка дается исходя из норм и стереотипов, принятых в обществе, которые отражают мировоззрение, интересы, тенденции моды, принятые на определенном этапе развития.

В большинстве случаев в качестве объекта эстетической оценки выступают человек, отдельные неодушевленные объекты материального мира, природа и составляющие ее элементы или произведение искусства. Как правило, красота человека не ограничивается формальными визуальными признаками, такими как правильные черты лица или вьющиеся волосы. Здоровье, сила, ум, жизнеспособность — это элементы красоты. Помимо статической красоты, присущей неподвижному объекту, выделяется также динамическая красота, представляющая собой красоту движений (Луначарский 1967).

Современные лингвистические исследования позволяют выявить лингвокультурные особенности эстетической оценки человека представителями различных языковых этносов. Так, по мнению Е. В. Мякишевой, устойчивыми модификациями базовых кодов русской культуры в эстетической сфере человека выступают временной, пространственный и биоморфный коды (красота/безобразие — молодость/старость, красота/безобразие — наполненность/пустота, красота/безобразие — жизнь/смерть). В эстетической сфере русскоговорящих функционируют также такие коды культуры, как фототермический, космический, социальный (красота — свет, тепло, красота — порядок, красота — власть, богатство) (Мякишева 2009).

В ходе своего исследования, направленного на сопоставительный анализ концепта «красота» в английской и русской лингвокультурах Ю. В. Мещерякова приходит к выводу, что этнокультур-

ная специфика актуализации этого концепта в английском языке заключается прежде всего в выделении двух типов эстетической оценки — непосредственно эмоциональной и рационально отрефлексированной. При этом такое противопоставление релевантно только для положительной эстетической оценки (эмоциональное и рациональное восхищение), отрицательная эстетическая оценка синкретичная (Мещерякова 2004).

По мнению Н.Г.Мед, «в ценностной картине мира концепты красоты и уродства, ума и глупости, нравственности и безнравственности представляют собой основные критерии квалификации человека, его внешних и внутренних качеств» (Мед 2004: 251). Исследуя эстетическую оценку человека на материале испанской разговорной речи, ученый отмечает, что экспрессивно-оценочная метафора и фразеологизмы позволяют увидеть национально-культурную специфику языка, отраженную в особом семантическом функционировании языковых единиц.

Многочисленные исследования по эстетической оценке внешности человека, интересные выводы, к которым приходят ученые на основе изучения лексических единиц в различных дискурсах: метафор, образных сравнений, фразеологизмов, паремий, позволяют констатировать, что человек — один из важнейших объектов эстетической оценки. Вместе с тем эстетическая оценка природы также занимает значимое место в восприятии человеком окружающего мира. Эстетика природы неотделима от чувственного начала, а ее гармония и совершенство способствуют обретению гармонии и покоя созерцающим ее субъектом. Г.В.Аникин приводит мнение известного английского теоретика искусства и литературного критика Джона Рескина, согласно которому, любовь к природе — «самое здоровое чувство, свойственное людям», чувство, несовместимое со злыми страстями: «Отсутствие любви к природе не является несомненным недостатком, но наличие этого чувства — обязательный признак доброты сердца и справедливого нравственного чувства, хотя, ни в коем случае не моральной практики; степень глубины этого чувства, вероятно, определяет и степень благородства и красоты характера» (Аникин 1986: 98).

Наряду с необходимостью познать основные законы природы, с тем, чтобы успешно ориентироваться в мире и принимать необ-

ходимые решения повседневного характера, человек, в отличие от любых других живых существ, стремится получить удовольствие, созерцая окружающий его мир. Природа, отраженная в сознании человека, есть не просто фотографический слепок, а ментально и эмоционально обработанная картина, которую он интерпретирует доступными его сознанию языковыми средствами. Можно предположить, что эмоциональная составляющая эстетической оценки природы будет получать особенно яркое выражение при восприятии красоты родной земли.

Известно, что каждый язык формирует особую оценивающую картину мира. Разные языковые этносы на протяжении своего исторического развития вырабатывают различный арсенал лексических, грамматических и синтаксических средств для выражения оценки. В связи с этим очевидно предположить, что эстетическая оценка природы будет носить национально-специфический характер. Для анализа такого рода оценки в английском языке выберем несколько ярких романов английских писателей, в которых оценке природы отводится особое место. В литературном произведении эстетическая оценка природы может присутствовать в авторском тексте и служить определенным фоном в повествовании, создавая необходимое настроение у читателя. Такого рода оценка может даваться также с точки зрения персонажа, позволяя читателю глубже понять его переживания и раскрывая его внутренний мир. Восприятие природы одним и тем же персонажем может отличаться на протяжении повествования, в зависимости от того, какие события происходят в его жизни, и каким образом они влияют на его эмоциональное состояние.

Рассмотрим пример из романа С. Моэма «Время страстей человеческих», в котором представлена эмоционально маркированная эстетическая оценка природы:

- (1) *At last they came to an eminence from which they saw the valley of the Rhine spread out before them under the sun. It was a vast stretch of country, sparkling with golden light, with cities in the distance; and through it meandered the silver ribband of the river. Wide spaces are rare in the corner of Kent which Philip knew, the sea offers the only broad horizon, and the immense distance he saw now gave him a peculiar, an **indescribable thrill**. He felt suddenly **elated**. Though he*

did not know it, it was the first time that he had experienced, quite undiluted with foreign emotions, the sense of beauty. They sat on a bench, the three of them, for the others had gone on, and while the girls talked in rapid German, Philip, indifferent to their proximity, feasted his eyes.

"By Jove, I am happy", he said to himself unconsciously (Н.В., 149).

Персонаж романа Филипп, глядя на залитую солнцем долину Рейна, впервые в жизни испытывает чувство красоты. Эмоции Филиппа переданы в языке прямой номинацией (*indescribable thrill*), сочетанием глагола-связки *feel* и прилагательного *elated*, репрезентирующего эмоциональное состояние радостного возбуждения, существительным *sense* в характерном для эстетической оценки лексическом контекстуальном употреблении с существительными *emotions* и *beauty* (...*he had experienced, quite undiluted with foreign emotions, the sense of beauty*), а также фразеологическим выражением *feasted his eyes*. Наконец, эмоции персонажа выражены в его прямой речи (*"By Jove, I am happy", he said to himself unconsciously*). Жизнь Филиппа была полна одиночества и страданий, и только красота пейзажа приносит ему успокоение и даже ощущение счастья.

Можно было бы предположить, что эстетическая оценка природы в большей степени относится к эмоционально-чувственному восприятию мира. Однако, как явствует из примеров, эмоция удовольствия, возникающая при эстетической оценке природы, представляет собой лишь первую ступень многоуровневой когнитивной обработки эстетической информации. Эмоциональное восприятие красоты пейзажа в большинстве случаев служит своеобразным стимулом, приводящим к определенному ментальному процессу. Известно, что эмоциональный и рациональный аспекты оценки тесно взаимодействуют между собой. Как отмечал еще Ш. Балли, человеческая мысль постоянно колеблется между логическим восприятием и эмоцией. Она складывается одновременно из логической идеи или чувства. В одних случаях мысль имеет логическую доминанту, а в других — эмоциональную (Балли 1961: 22).

Известный психолог Кэррол Э. Изард характеризует связь между эмоцией и когнитивным процессом (восприятием, памятью,

мышлением) как динамичную: с одной стороны, эмоция может активировать когнитивный процесс и влиять на его протекание, с другой, когнитивный процесс может служить инициатором эмоции (Изард 1999: 88). Однако в эволюционном и онтогенетическом плане ученый признает первичность эмоции и наиболее фундаментальным принципом человеческого поведения считает то, что эмоции заряжают энергией и организуют мышление и деятельность. Именно эмоции образуют мотивационную систему человека (Изард 1980: 15).

А. Ортони, Дж. Клоур и А. Коллинз по-другому решают вопрос о соотношении когнитивных и эмоциональных моментов в ментальной интерпретации действительности. По мнению ученых, эмоции возникают в результате некоторых форм когнитивной деятельности: «Эмоции очень реальны и очень интенсивны, и все-таки они вытекают скорее из когнитивных интерпретаций окружающей действительности, чем непосредственно из самой действительности» (Ортони, Клоур, Коллинз 1995: 316). Кроме того, разные эмоции имеют разное когнитивное содержание и требуют разной когнитивной обработки: например, эмоция отвращения требует значительно меньшей когнитивной обработки, чем эмоция стыда.

Таким образом, в психологии и лингвистике нашли отражение две точки зрения на взаимосвязь между эмоциональными и рациональными процессами нашего сознания. Одна из них состоит в детерминирующей роли эмоций, а другая основана на том, что любая эмоция основана на когнитивной интерпретации действительности. Е. Ю. Артемьева выдвигает гипотезу, согласно которой восприятие объекта субъектом проходит две стадии: «первовидение» — когда объект оценивается нерасчлененно-целостно, и «второвидение» — когда объект отдается на поаспектное анализирование классифицирующим системам. На первом этапе эмоционально-оценочные свойства оказываются ведущими. На втором этапе рациональная оценка преобладает над эмоциональной (Артемьева 1980: 32).

Рассмотрим, каким образом актуализируется взаимодействие эмоционального и рационального компонентов эстетической оценки природы в английском языке:

- (2) *The sky was so blue, and the sun so bright, that an eternal summer seemed to reign over this prospect. Thistledown floated round them, enraptured by **the serenity of the ether**. The heat danced over the corn, and, pervading all, was a soft, insensible hum, like the murmur of bright minutes holding **revel between earth and heaven**.*

*Soames looked. In spite of himself, something swelled in his breast. To live here in sight of all this, to be able to point it out to his friends, to talk of it, to possess it! His cheeks flushed. The warmth, the radiance, the glow, **were sinking into his senses** as, four years before, Irene's beauty **had sunk into his senses** and made him long for her (MP, 68).*

Персонаж романа Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах» Сомс разглядывает участок, который ему рекомендует архитектор для строительства нового дома. Изначально не собираясь покупать его из-за высокой стоимости, холодный и сдержанный Сомс оказывается под впечатлением красоты природы, открывшейся его взору. В первом абзаце представленного примера эмоциональный фон создается описанием радости и покоя, которое испытывает сама природа (***serenity of the ether, revel between earth and heaven***). Английские глаголы, которые, как правило, репрезентируют физическую деятельность человека, метафорически передают состояние природы (*the heat **danced***).

Во втором абзаце автор представляет восприятие пейзажа персонажем, акцентируя внимание на его эмоциях и мыслях. Об испытываемой эмоции эстетического удовольствия свидетельствует указание на физическое состояние человека (*his cheeks **flushed***), использование глагола *swell* (*something **swelled** in his breast*), который в этом контексте получает эмоциональное состояние радостного возбуждения. Эмоциональный компонент эстетической оценки передается и контекстуально обусловленной фразеологической единицей *to sink into his senses*. Таким образом, на наш взгляд, актуализируется первый этап эстетической оценки («первовидение» объекта, по Е. Ю. Артемьевой), на котором приоритетен эмоциональный компонент. Затем, на этапе «второвидения», персонаж ментально интерпретирует увиденное. О рациональном анализе свидетельствуют актуализированные в несобственно прямой речи мысли персонажа о предоставляющейся ему возможности владеть и наслаждаться такой красотой (*To live here in sight of all this, to be*

able to point it out to his friends, to talk of it, to possess it!). Интересно отметить, что эстетической оценке сопутствует утилитарная: с одной стороны, реципиент испытывает визуальное наслаждение красотой и получает эстетическое удовольствие, а, с другой, у него появляется возможность выгодного вложения капитала и повышения собственного социального статуса.

Значительное место занимает эстетическая оценка природы в романе Д. Лоуренса «Любовник леди Чаттерли». Для сэра Клиффорда лес имеет особую ценность. Старые дубы служили нескольким поколениям Чаттерли. Для него, неспособного из-за инвалидности, передвигаться на дальние расстояния, это излюбленное место для прогулок, предмет гордости и любования. Любое нарушение целостности леса сэр Клиффорд воспринимает с негодованием:

- (3) *Clifford loved the wood; he loved the old oak-trees. He felt they were his own through generations. He wanted to protect them. He wanted this place inviolate, shut off from the world. <...> This was one of the places that Sir Geoffrey had cut during the war for trench timber. The whole knoll, which rose softly on the right of the riding, was denuded and strangely forlorn. On the crown of the knoll where the oaks had stood, now was bareness; <...> This denuded place always made Clifford curiously angry. He had been through the war, had seen what it meant. But he didn't get really angry till he saw this bare hill. He was having it replanted. But it made him hate Sir Geoffrey* (Ch.L., ch. 5).

В этом примере представлена как положительная, так и отрицательная эстетическая оценка. Положительная оценка актуализирована английским глаголом *love*, интерпретирующим сильные положительные эмоции, которые вызывает лес у Клиффорда. Рациональный аспект оценки передан глаголом *feel*, реализующим в этом случае скорее ментальное значение «знать», а также глаголом волеизъявления *want*. Отрицательная эстетическая оценка вызвана тем, что один из участков леса во время войны был вырублен. Эмоциональный компонент отрицательной оценки репрезентирован прилагательным *angry*, а рациональный компонент — ментальным глаголом *mean* (на лексическом уровне) и временем *Past Perfect*, актуализирующим указание на предшествующий опыт человека (на грамматическом уровне). Для прошедшего войну Клиффорда вид

голового и несчастного холма — источник сильных отрицательных эмоций. Он неизбежно соотносит насильственно лишенный растительности участок леса с разрушениями, которые несет война.

Таким образом, мы видим, что эстетическая оценка природы имеет два тесно связанных между собой компонента: эмоциональный и рациональный. Эмоциональный компонент актуализируется в тексте художественного произведения, главным образом на лексическом уровне: прямой номинацией эмоций, использованием эмоционально окрашенных существительных и прилагательных, репрезентирующих эмоциональное состояние воспринимающего красоту природы человека, глаголов, которые в контексте эстетической оценки проявляют эмоционально маркированные аспекты значения. Для эстетической оценки природы широко используются обладающие лингвокультурной спецификой метафоры, образные сравнения, фразеологические единицы. Рациональный компонент эстетической оценки актуализируется главным образом благодаря ментальным глаголам (на лексическом уровне), а также грамматическому времени Past Perfect, при помощи которого автор текста передает предшествующий опыт персонажа (на грамматическом уровне). Интересным представляется то, что эстетическое восприятие природы зачастую сопровождается воспоминаниями, размышлением о пережитых событиях и испытанных некогда чувствах. Так, теплота и свечение загородного пейзажа напомнили Сомсу Форсайту красоту любимой женщины, а вид оголенного участка холма вызвали у сэра Клиффорда воспоминания об ужасах войны. Таким образом, эстетическая оценка природы служит своеобразным стимулом, который приводит к актуализации индивидуальных когнитивных смыслов на основе личного опыта реципиента.

Вместе с тем, как показывает языковой материал, рациональный компонент эстетической оценки природы может содержать как ретроспективные, так и проспективные аспекты. Рассмотрим еще один пример из романа Д. Голсуорси:

- (4) *He had always been **responsive** to what they had begun to call "Nature", **genuinely, almost religiously responsive**, though he had never lost his habit of calling a sunset a sunset and a view a view, however deeply*

*they might move him. But nowadays nature actually made him **ache**, he **appreciated** it so. Every one of these calm, bright, lengthening days, with Holly's hand in his, and the dog Balthasar in front looking studiously for what he never found, he would stroll, watching the roses open, fruit budding on the walls, sunlight brightening the oak leaves and saplings in the coppice, watching the water-lily leaves unfold and glisten, and the silvery young corn of the one wheatfield; listening to the starlings and skylarks, and the Alderney cows chewing the cud, flicking slow their tufted tails, and every one of these fine days he **ached** a little from sheer **love** of it all, feeling perhaps deep down, that he had not very much longer to enjoy it. **The thought that some day — perhaps not ten years hence, perhaps not five — all this world would be taken away from him, before he had exhausted his powers of loving it, seemed to him in the nature of an injustice, brooding over his horizon** (M. P., 334).*

Персонаж романа восьмидесятипятилетний старый Джолион, всегда трепетно относившийся к природе (на что указывает прилагательное *responsive*), на закате своих дней с грустью думает о том, что довольно скоро уже не сможет наслаждаться красотой окружающего мира. Рациональный компонент оценки в этом примере маркирован существительным *thought* и ментальным глаголом *seem*. Размышления персонажа относятся не к прошлому опыту, а к тому, что неизбежно произойдет в будущем (*perhaps not ten years hence, perhaps not five — all this world would be taken away from him*). Интересно отметить, что в этом примере наблюдается явление *эмоционально-оценочного диссонанса*, имеющего место, когда характер оценки не совпадает по знаку с характером испытываемых персонажем эмоций (Петухова, Хомякова 2012). Так, в тексте дана положительная эстетическая оценка, которая актуализируется, например, глаголом *appreciate*, а также существительным *love*, которое в контексте оценки природы репрезентирует, на наш взгляд, эстетическую составляющую. О том, что природа выступает чем-то особенным и важным, свидетельствует тот факт, что существительное *Nature* дано в тексте с большой буквы. Вместе с тем эмоции персонажа носят скорее отрицательный характер, что обусловлено осознанием скорой потери возможности наслаждаться красотой. Отрицательный характер эмоций актуализируется глаголом *ache*,

который дважды встречается в приведенном отрывке и в обоих случаях в контексте означает «тосковать, печалиться».

Явление эмоционально-оценочного диссонанса свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в этом случае происходит многоуровневый процесс когнитивной обработки информации: эстетическая оценка природы, как правило, сопровождаемая положительными эмоциями, служит импульсом для ментальной деятельности персонажа, направленной на оценку своего будущего, которая, в свою очередь, вызывает отрицательные эмоции. Таким образом, эстетическая оценка природы, вне зависимости от того, положительная или отрицательная она, носит сложный характер, сопровождается эмоциями и многоуровневой когнитивной деятельностью. На уровне взаимодействия эмоционального и рационального компонента, можно выделить ситуации, в которых эмоциональный компонент первичен, а рациональный вторичен ((пример (2)) и, наоборот, ситуации, при которых рациональный анализ увиденного может привести воспринимающего красоту природы человека к сильным эмоциональным переживаниям (примеры (3) и (4)).

Анализ языкового материала показывает, что эстетическая оценка природы на языковом уровне может носить и безразличный характер. Триплеты оценочных понятий были выделены еще А. А. Ивином (хорошо — безразлично — плохо). Образование триплетов, по мнению ученого, справедливо и для случая эстетических оценок, которые приписывают своим предметам эстетические ценности: (прекрасное — безразличное — безобразное) (Ивин 1970: 24). Рассмотрим пример:

- (5) *He had been used to **delight** in the **grace** of St. James' Park, and often he sat and looked at the branches of a tree silhouetted against the sky, it was like a Japanese print; and he found a continual **magic** in the **beautiful Thames** with its barges and its wharfs; the changing sky of London had filled his soul with **pleasant fancies**. But now **beauty meant nothing to him**. He **was bored and restless** when he was not with Mildred* (H. B., 486).

Этот пример иллюстрирует изменение характера эстетической оценки персонажем романа С. Моэма «Бремя страстей человеческих». Восприимчивый к красоте природы Филипп раньше умел

наслаждаться прекрасными видами. Об этом говорит использование лексических единиц с положительной семантикой: *delight, beautiful, grace, magic, pleasant fancies*. Тем не менее несчастная любовь делает его равнодушным к красоте природы. О безразличном характере оценки однозначно свидетельствует предложение *But now beauty meant nothing to him*. Филипп испытывает отрицательные эмоции, обусловленные жизненной ситуацией (*He was bored and restless*), что делает его невосприимчивым к прекрасному. Эстетическая оценка при этом носит безразличный характер.

Анализ литературных художественных произведений позволяет выявить лингвокультурологическую составляющую эстетической оценки природы. Природа для англичан часто оказывается олицетворением родины. Об этом говорит сэр Клиффорд, персонаж романа Д. Лоуренса:

- (6) *Clifford sat with a fixed face as the chair slowly mounted. When they came to the top of the rise he stopped; he would not risk the long and very jolty down-slope. He sat looking at the greenish sweep of the riding downwards, a clear way through the bracken and oaks. It swerved at the bottom of the hill and disappeared; but it had such a lovely easy curve, of knights riding and ladies on palfreys.*

*"I consider **this is really the heart of England**", said Clifford to Connie, as he sat there in the dim February sunshine.*

"Do you?" she said, seating herself in her blue knitted dress, on a stump by the path.

*"I do! **this is the old England, the heart of it**; and I intend to keep it intact"* (Ch. L., ch. 5).

Наслаждаясь видом леса, который издавна принадлежит его семье, Клиффорд оценивает этот уголок природы как **сердце Англии** (*this is really the heart of England*), сохранить лес в целостности и сохранности означает для Клиффорда чтить традиции своей семьи. То, что близко его собственному сердцу, он рассматривает как сердце своей страны, тем самым стараясь подчеркнуть свою этническую принадлежность.

Рассмотрим еще один пример:

- (7) *In front of them ran the open cleft of the riding, between the hazel walls and the gay grey trees. The chair puffed slowly on, slowly surging into*

the forget-me-nots that rose up in the drive like milk froth, beyond the hazel shadows. Clifford steered the middle course, where feet passing had kept a channel through the flowers. But Connie, walking behind, had watched the wheels jolt over the wood-ruff and the bugle, and squash the little yellow cups of the creeping-jenny. Now they made a wake through the forget-me-nots.

All the flowers were there, the first bluebells in blue pools, like standing water.

*“You are quite right about its being **beautiful**”, said Clifford. “It is so **amazingly**. What is quite so **lovely** as an **English spring!**” (Ch. L., ch. 13).*

В этом примере положительная оценка природы (*beautiful, lovely*) сопровождается эмоциями удовольствия и восхищения (*It is so amazingly*). Клиффорд называет весну **английской** (*English spring*), тем самым акцентируя тот факт, что природа родной страны имеет особую эстетическую ценность.

Сомс Форсайт, персонаж романа Д. Голсуорси, по-особому оценивает вид Лондонского неба:

- (8) *Across the road, through the railings, Soames could see the branches of trees shining, faintly stirring in the breeze, by the gleam of the street lamps; beyond, again, the upper lights of the houses on the other side, so many eyes looking down on the quiet blackness of the garden; and over all, the sky, that **wonderful London sky**, dusted with the innumerable reflections of countless lamps; a dome woven between its stars with the refraction of human needs and human fancies — immense mirror of pomp and misery that night after night stretches its kindly mocking over miles of houses and gardens, mansions and squalor, over Forsytes, policemen, and patient watchers in the streets (M. P., 192–193).*

Лексические единицы, используемые для описания природы, передают положительную эстетическую оценку, обусловленную испытываемым персонажем ощущением красоты и покоя (*the branches of trees shining, faintly stirring in the breeze; the quiet blackness of the garden; wonderful London sky*). Использование имени собственного *London* в препозиции к существительному *sky* выявляет лингвокультурологическую составляющую эстетической оценки, имеющую, в свою очередь, как эмоциональный, так и рациональный компонент. С одной стороны, словосочетание *London sky* пере-

дает особые положительные эмоции, обусловленные восприятием красоты родного пейзажа. С другой, лондонское небо отражает, по мнению персонажа, противоречия и контрасты современного английского общества (*the refraction of human needs and human fancies — immense mirror of pomp and misery*). Эмоциональное восприятие природы сопровождается размышлениями о социальных аспектах.

Таким образом, природа глазами англичан предстает как личностно и культурно значимый концепт, апелляция к которому влечет актуализацию других индивидуальных и национальных концептов: любовь к женщине, неприятие войны, жажда жизни, любовь к родной стране, патриотизм, противоречия современного общества. При этом язык отражает существующую в сознании дифференциацию понятий «красота» и «красивость», которые представлены в английском языке как «beauty» и «prettiness» соответственно. По-настоящему ценная — только красота, заставляющая трепетать сердце и возможно даже страдать, в то время как красивость — это что-то обыденное, заурядное, чего следует избегать:

- (9) *There ran into the river, a little way off, a narrow canal bordered by poplars, and along the banks of this after their day's work they often wandered. They spent all day painting. Like most of their generation they were obsessed by **the fear of the picturesque**, and they turned their backs **on the obvious beauty of the town** to seek subjects which were devoid of a **prettiness they despised*** (Н. В., 361).

Молодые художники, презрев живописные виды городка, стремятся найти пейзажи, где нет ненавистой им сладости. Природа, как она есть, узкий канал, окаймленный тополями, привлекают их своей нетривиальностью. Положительные по своей семантике прилагательные и существительные приобретают в этом контексте отрицательный оценочный смысл: живописность, которой надо бояться (*the fear of the picturesque*), «правильная» красота (*obvious beauty of the town*), красивость, которая достойна презрения (*prettiness they despised*).

Герой романа С. Моэма «Бремя страстей человеческих» Филипп высказывает мнение, что красотой наделяют действительность ху-

дожники и поэты. Именно они в первую очередь творят красоту. И с течением времени произведения искусства обогащаются тем чувством, которое они вызывают в последующих поколениях. Интересно рассмотреть, каким образом эксплицируется эстетическая оценка природы через восприятие живописного произведения с изображением пейзажа.

- (10) *"I am an ignorant man, Monsieur", repeated Roulin, "and you will forgive me for speaking. But your cornfields are so very alive, as the field we passed back there, for instance, where I saw you at work".*

"Then you like it?"

"As for that, I cannot say. I only know that it makes me feel something, in here".

He ran his hand upward over his chest <...>

"When I was young, Monsieur", he said, "I used to think a lot about God. But He seems to have grown thinner with the years. He is still in that cornfield you painted, and in the sunset by Montmajour, but when I think about men <...> and the world they have made..." (L. L., 341–342).

Этот фрагмент репрезентирует ситуацию диалога между художником — создателем картины (Винсент Ван Гог) и реципиентом (Рулен). Не будучи экспертом в области живописи, обычный провинциальный почтальон совершенно естественно ищет в картине прежде всего сходство с окружающей действительностью (*But your cornfields are so very alive, as the field we passed back there*). Привычный для него пейзаж, который он видит каждый день, наделяется особым смыслом, когда он видит его изображенным на картине. Произведение живописи вызывает у реципиента эмоциональное сопереживание (*I only know that it makes me feel something, in here*). Рулен воспринимает картину в контексте своего собственного эмоционально-психологического мировоззрения. Изображение родного пейзажа сопровождается у него размышлениями о Боге и несправедливом устройстве мира. Будучи молодым, Рулен много думал о Боге, но постепенно Бог таял в его душе. Он еще может увидеть его в поле пшеницы, которую изобразил художник, в закате солнца, но не в людях. Именно восприятие картины Винсента послужило стимулом для актуализации личностно-значимых смыслов. Изображенный на картине художника кусочек родной земли вызы-

вает особое эмоциональное сопереживание реципиента, связанное с оценкой его собственной жизни.

Для горожанина изображения природы оказываются не менее значимыми, чем для сельского жителя. Именно пейзажи составляют основу коллекции Сомса Форсайта. Рассмотрим пример:

- (11) *He had stopped to look in at a picture shop, for Soames was an "amateur" of pictures, and had a little room in No. 62, Montpellier Square, full of canvases, stacked against the wall, which he had no room to hang. He brought them home with him on his way back from the City, generally after dark, and would enter this room on Sunday afternoons, to spend hours turning the pictures to the light, examining the marks on their backs, and occasionally making notes.*

***They were nearly all landscapes with figures in the foreground, a sign of some mysterious revolt against London, its tall houses, its interminable streets, where his life and the lives of his breed and class were passed.** Every now and then he would take one or two pictures away with him in a cab, and stop at Jobson's on his way into the City.*

He rarely showed them to anyone; Irene, whose opinion he secretly respected and perhaps for that reason never solicited, had only been into the room on rare occasions, in discharge of some wifely duty. She was not asked to look at the pictures, and she never did (M. P., 60–61).

Этот пример репрезентирует ситуацию, в которой в роли объекта оценки выступают пейзажи. Для Сомса Форсайта они символизируют тайный протест против Лондона с его высокими домами и бесконечными улицами, где протекает жизнь представителей его класса (*They were nearly all landscapes with figures in the foreground, a sign of some mysterious revolt against London, its tall houses, its interminable streets, where his life and the lives of his breed and class were passed*). В оценке акцентируется тема большого города с его проблемами. Эти картины составляют часть мира Сомса, в который он не допускает никого, даже жену. Вероятно, наедине с самим собой и этими мирными пейзажами находит он душевный покой, которого не достает ему в жизни. При восприятии пейзажа на природу переносятся чувства, связанные с образом Дома как духовного убежища — Дома человеческой души (Данилова 2005: 248).

Анализ примеров показывает, что восприятие картин художников-пейзажистов имеет национальную обусловленность. Речь идет

о том, что пейзаж с изображением родной земли, принадлежащий кисти соотечественника обладает дополнительным смыслом при оценке, степень эмоционального сопереживания при этом увеличивается. Рассмотрим еще один пример:

- (12) *When he heard the splutter of Michael's motorcycle, Soames was engaged in hanging the Fred Walker he had bought at the emporium next to Messrs. Settlewhite and Stark, memorializing his freedom from the worry of that case, and soothing his itch for the British School. Fred Walker! The fellow was old-fashioned; he and Mason had been succeeded by a dozen movements. But — like old fiddles, with the same agreeable glow — there they were, very good curiosities such as would always command a price.*

Having detached a Courbet, early and about ripe, he was standing in his shirt-sleeves, with a coil of wire in his hand, when Michael entered.

"Where have you sprung from?" he said, surprised.

"I happened to be passing, sir, on my old bike. I see you've kept your word about the English School".

Soames attached the wire.

"I shan't be happy," he said, "till I've got an old Crome — best of the English landscapists" (S. Sp., 270).

Приведенный фрагмент художественного текста содержит оценку произведений живописи, принадлежащих английской школе. Для Сомса Форсайта работы его соотечественников имеют особое значение. Приобретая их, он испытывает эмоциональное удовлетворение (*soothing his itch for the British School*), которое обусловлено национальным и культурным аспектом (*"I shan't be happy", he said, "till I've got an old Crome — best of the English landscapists"*). Несмотря на то что работы английских пейзажистов несколько устарели, они сохраняют свою привлекательность для реципиента (*Fred Walker! The fellow was old-fashioned; he and Mason had been succeeded by a dozen movements. But — like old fiddles, with the same agreeable glow — there they were, very good curiosities such as would always command a price*). Можно сказать, что в ситуации восприятия и оценки изображения природы художественный образ как объект оценки несет дополнительную эмоциональную нагрузку, обусловленную индивидуально-личностными и национально-культурными предпосылками.

Таким образом, эстетическая оценка природы в романах английских писателей предстает как сложное и неоднозначное взаимодействие эмоционального и рационального аспектов, приоритетная роль которых может меняться. Эмоция эстетического удовольствия, возникающая при восприятии природы, как правило, выступает стимулом для ментальной деятельности реципиента, направленной на оценку жизненно важных, индивидуальных и культурно значимых смыслов. В результате этой ментальной деятельности могут возникнуть и другие, связанные уже с этой деятельностью эмоции, противоположные по знаку эмоциям эстетического удовольствия. Принимая во внимание тот факт, что в реальной действительности процессы восприятия и когнитивной обработки информации могут происходить довольно быстро, становится понятным, почему человеку, который смотрит на красивый пейзаж, вдруг становится грустно, у него щемит сердце, или внутри поднимается волна гнева. Возникает эмоционально-оценочный диссонанс, причины которого кроются в сложном механизме когнитивной деятельности, прояснить функционирование которого помогает текст художественного произведения.

Список источников примеров с сокращениями

- M. P. — *Galsworthy J. The Man of Property. M., 2005.*
 S. Sp. — *Galsworthy J. The Silver Spoon. M., 2003.*
 L. L. — *Stone I. Lust for Life. London, 2001.*
 H. B. — *Maugham W. S. Of Human Bondage. London (Inc.), 2006.*
 Ch. L. — *Lawrence D. H. Lady Chatterley's Lover. — http://bookz.ru/authors/lourens-devid/chater_lady.html*

Глава XI

ЦЕННОСТНОЕ СУЖДЕНИЕ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ БАЗА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В последние десятилетия вопросы о значимости ценностных суждений как основы для любого вида человеческой деятельности и о месте ценностных суждений в структуре языковой личности выходят на первый план в комплексных исследованиях языковой деятельности различных видов (Davies 2011; Thagard, Findlay 2012). В этой главе мы попытаемся показать роль ценностного суждения в оформлении смысла англоязычного лирического стихотворения.

На основании анализа двух небольших современных поэтических текстов мы продемонстрируем то, каким образом узнавание рамочного ценностного суждения представляет собой необходимое условие для полноценного восприятия содержания всего текста. Выбор текстов для анализа обусловлен прежде всего их небольшим объемом. Выявляемые закономерности при этом, безусловно, характеризуют целостный поэтический текст любого объема. Основная цель наших наблюдений — показать словесную природу ценностных суждений как операционных единиц языкового сознания. Именно словесная природа ценностей, как правило, игнорируется в работах по ценностным аспектам человеческого сознания. Ценности либо связываются с отдельными словами, либо их форма не анализируется в принципе.

Обращение к конкретному языковому материалу поможет нам обосновать принцип трактовки ценностного суждения как стабильной словесной ситуативной модели, определяющей зависимость степени самоудовлетворенности индивида от характера осуществляемых действий в заданных ситуативных рамках. Мы предлагаем рассматривать ценностные суждения как рамочные словесные последовательности (фреймы), имеющие стабильную

синтаксическую структуру и обеспечивающие возможность формирования целостных смысловых единиц человеческого общения — текстов.

Обратимся к первому тексту — стихотворению одного из американских поэтов-лауреатов (*Poet Laureate of the United States*) последних десятилетий Теда Кузера (*Ted Kooser*).

A HAPPY BIRTHDAY

This evening, I sat by an open window
and read till the light was gone and the book
was no more than a part of darkness.
I could easily have switched on a lamp,
but I wanted to ride this day down into night,
to sit alone and smooth the unreadable page
with the pale gray ghost of my hand (KT, 84).

Даже при самом беглом прочтении этого небольшого стихотворения невозможно не заметить, что сам текст стихотворения резко контрастирует с содержанием заголовка. Анализ механизма такого контраста и его роли в формировании целостного восприятия смысла стихотворения поможет нам определить ценностное суждение как рамочную словесную модель ситуации, выступающей в качестве ориентира для достижения определенной степени самодовольственности, и установить его место в смысловой структуре текста.

A happy birthday как словосочетание обладает содержательностью в той степени, в какой оно способно активировать в памяти читателя ряд устойчивых контекстуальных связей с другими словами. В поисковой системе Google наиболее характерными сочетаниями, непосредственно связанными с *a happy birthday*, будут ссылки на песню *Happy Birthday to You*, ссылки на всевозможные *birthday cards / messages / greetings*, а также на *birthday cake*. Эти ссылки подтверждают стабильный сценарий, характеризующий содержание того, что должно соответствовать ситуации, обозначенной словосочетанием *a happy birthday*: *it is a celebration of your birthday when your family and friends wish you a happy birthday either by coming to your birthday party and singing 'Happy Birthday to You' as you blow out*

the candles on your birthday cake, or by sending you greeting cards or messages to wish you a happy birthday.

О нормативной природе такого словесного сценария свидетельствует и то, каким образом сцена дня рождения представляется в многочисленных фильмах, рекламных роликах и т.д. День рождения — это всегда ситуация, в которой есть группа людей, поздравляющая того, чей день рождения празднуется. При этом, как правило, поздравления завершаются ритуалом задувания свечек на торте (*birthday cake*). Связь словосочетания *a happy birthday* с этим расширенным сценарием настолько прочная и стабильная, что может показаться простой банальностью указание на ее наличие. Однако для нашего анализа учет того, что *a happy birthday* в английском языке — не автономное словосочетание, способное свободно перемещаться из контекста в контекст в зависимости от прихоти говорящего, а выступает в качестве метонимического по своей природе маркера словесного сценария — социальной нормы, представляющей собой единицу стабильной нормативной модели реальности, оформляющей англоязычное языковое сознание, — обладает исключительной важностью.

Дело в том, что этот сценарий превращается в семантическую базу текста, обеспечивая моментальное распознавание контрастной соположенности заголовка и остальной части стихотворения. Таким образом, смысл текста производится на основе контрастной соотнесенности любого из элементов текста с его семантической базой — ценностным суждением о социально признанном способе празднования дня рождения в англоязычной лингвокультуре.

Если попытаться рассмотреть содержательность текста вне его связи с ценностной моделью, обозначенной в заголовке, то мы можем лишь констатировать общий элегический тон текста, задаваемый рядом устойчивых метафорических мотивов (*evening; darkness; night / loneliness; weakness*). На основании устойчивости эмоционального содержания таких метафорических мотивов, как *sitting in the dark (I sat by an open window ... till the light was gone); riding this day into the night; the pale gray ghost*, в тексте реализуется словесная модель переживания грустного одиночества. Она конкретизируется словами-указателями на содержание переживания: *sit alone*, а также рядом словосочетаний, в которых устойчивый мотив *evening*;

darkness; night/loneliness; weakness подтверждается связью описания наступления темноты с ощущением утраты возможности что-то делать: *I sat and read till the light was gone and the book was no more than a part of darkness; sit alone and smooth the unreadable page with the pale gray ghost of my hand.*

Все эти элементы элегического переживания утраты и одиночества легко узнаваемы и встречаются в большом количестве других текстов. Является ли легкое распознавание устойчивых иносказательных мотивов достаточным для понимания текста стихотворения? Мы утверждаем, что нет. В тексте есть также и элемент, который не встраивается в устойчивую модель *evening; darkness; night/loneliness; weakness: I could easily have switched on a lamp, but I wanted to ride this day down into night.* В этом элементе текста представлено ощущение полного контроля лирического «я» над ситуацией, в которой усиливается ощущение одиночества и бессилия. Более того, погружение в это переживание представлено как результат волевого выбора лирического «я» (*I could easily have ... but I wanted to ride...*). Глагол *ride* также нарушает иносказательную рамочную структуру текста, так как обозначает способность полностью контролировать процесс (*riding a bike is a great exercise; The ruling party think they can ride out the political storm, etc.*). Элегическое переживание одиночества и бессилия представлено как осознанный выбор и результат целеустремленного усилия лирического «я».

Таким образом, возникает напряжение между устойчивым иносказательным мотивом и выделенными нами элементами текста. Оно не может быть объяснено исключительно с помощью легко узнаваемого мотива *evening; darkness; night/loneliness; weakness*. Соответственно весь текст как бы распадается на три содержательных элемента, которые находятся в контрастных отношениях друг к другу. Во-первых, это вводимый заголовком сценарий социально-приемлемой нормы «празднование дня рождения». Во-вторых, это устойчивый элегический иносказательный мотив, представляющий переживание состояния одиночества и бессилия как надвигающаяся темная ночь. В-третьих, это указание на преднамеренность такого переживания как сознательное решение лирического «я».

Очевидно, что смысл стихотворения состоит в характере взаимодействия этих трех контрастных элементов текста. Цен-

ностное суждение, вводимое заголовком, включает в себя и два словосочетания из текста стихотворения, образуя ряд *a happy birthday — this evening — this day*. Эта последовательность указывает на значимость всего сценария празднования дня рождения для текста стихотворения, устанавливая временные параметры ситуации текста. Моделируемая в тексте ситуация должна представлять счастливый итог радостного праздничного дня. Этот элемент смысла текста выступает семантической базой текста. Все остальные элементы текста наполняются конкретным содержанием только по отношению к установленной семантической базе.

Элегический мотив одиночества и бессилия как описание слабющего света и наступления ночи формирует контраст с семантической базой и устанавливает оценочное напряжение внутри текста: текст становится как бы отрицанием социальной нормы, представленной в семантической базе. Счастливый день рождения в тексте реализуется как отказ от всей структуры ценностного стереотипа. Вместо упоминания радости от поздравлений, указания на время, проведенное с близкими и друзьями, типичной церемонии с исполнением песни «*Happy Birthday*» и обязательным тортом со свечками, текст подчеркивает изолированность лирического «я». Вечер счастливого дня рождения завершается чтением книги у окна до того момента, пока книга не становится невидимой в наступившей темноте.

Возникшее таким образом оценочное напряжение в тексте требует содержательного обоснования. Ключевым элементом текста, обеспечивающим такое обоснование, будет второе предложение, утверждающее преднамеренный и желанный для лирического «я» сценарий счастливого дня рождения, представленный в тексте: *I wanted to ride this day down into night, to sit alone ...*. Оценочное напряжение между семантической базой и иносказательной рамочной структурой конкретизируется как ироническое отрицание значимости социального стереотипа. На это указывает фраза *I could have easily switched on a lamp*: отказ от легкого и естественного решения банальной проблемы (темнота — включение лампы, чтобы комфортно продолжить чтение) встраивается в общую структуру оценочного напряжения между семантической базой и иносказательными элементами и не просто формирует иронию как содер-

жание контраста между семантической базой и иносказательными мотивами, но и усиливает отрицание лирическим «я» всякой значимости ценностного стереотипа, заданного в семантической базе текста. Выбор в пользу темноты и пассивного созерцания наступающей ночи становится в структуре текста расшифровкой заголовка — *a happy birthday*, при этом отрицается стандартный способ поведения в ситуации, когда не хватает света для чтения.

В тексте вообще нет никаких упоминаний ни одного из основных элементов семантической базы, что усиливает иронию формируемого смысла: *a happy birthday* для «я» текста оказывается никак не связанным с социальной нормой. При этом весь отрицательный оценочный потенциал иносказательного мотива трансформируется в иронический комментарий к семантической базе именно на основе формирования смысловой обусловленности заголовка *a happy birthday* и переживания, вводимого устойчивым иносказательным мотивом. Слово *happy* получает своеобразную инвертированную дефиницию в тексте: *happy — sat alone, read till the book was no more than a part of darkness, wanted to smooth the unreadable page with the pale gray ghost of my hand*. Точно так же и слово *birthday* получает инвертированную дефиницию: в тексте объектом желания лирического «я» в свой день рождения становится возможность наблюдать за собственным исчезновением в ночной темноте. Здесь важны заключительные строки стихотворения: *smooth the unreadable page with the pale gray ghost of my hand*. В семантической базе день рождения — это событие, позволяющее отметить значимость появления субъекта на свет, которое понимается как ценное событие и достижение. Вот характерный пример из словарной дефиниции: *celebrate — 1. If you celebrate, you do something enjoyable because of a special occasion or to mark someone's success. Tom celebrated his 24th birthday two days ago* (CCED 2006: 217). Отметим пример, отсылающий к слову *birthday* в структуре дефиниции, что свидетельствует об устойчивом характере контекстуальных связей. В тексте *celebrating one's birthday* представлено как *smoothing the unreadable page with the pale gray ghost of my hand*. Фраза *the pale gray ghost* вводит контекст, в котором значимым элементом ситуации становится ощущение контакта со смертью. Вот дефиниция из того же словаря: *A ghost is the spirit of a dead person that someone*

believes they can see or feel. The village is haunted by the ghosts of the dead children. (Ibid.: 609).

Таким образом, модель семантической базы *a happy birthday as a specific way of celebrating the fact of one's birth* в тексте подвергается инверсии, в результате которой возникает структура *a happy birthday is a specific way of celebrating one's turning into a ghost/confronting one's mortality in solitude*. Такая смысловая модель выступает как результат взаимодействия всех трех компонентов текста.

Чтобы установить всю полноту смысла стихотворения, необходимо уяснить содержание смысловой инверсии. Очевидно, что она не направлена на опровержение значимости социального стереотипа, заданного в семантической базе текста. В стихотворении нет ничего, что могло бы заставить читателя предположить, что это призыв отказаться от установившейся культурной традиции. Функция инверсии ценностного стереотипа состоит в формировании словесной модели, способной выразить неразрешимый конфликт между осознанием собственной ценности (*celebrating one's birthday; a happy birthday*) и осознанием неотвратимости исчезновения собственного «я». Каждое слово текста включается в формирование сложного конфликтного переживания, направленного на выведение на словесный уровень одного из центральных неразрешимых противоречий человеческого существования: непримиримость возможности самосознания и необходимости признать его конечность для каждого субъекта.

Рассмотрим еще одно небольшое стихотворение, написанное британским поэтом-лауреатом Филипом Ларкиным в 1955 г.:

MYXOMATOSIS

Caught in the centre of a soundless field
While hot inexplicable hours go by
What trap is this? Where were its teeth concealed?
You seem to ask.
I make a sharp reply,
Then clean my stick. I am glad I can't explain
Just in what jaws you were to suppurate:
You may have thought things would come right again
If you could only keep quite still and wait (NAMP, 1060).

Заголовок стихотворения обозначает определенную ситуативную модель, которая, как и в предыдущем тексте, становится семантической базой смысла. *Myxomatosis* — медицинский термин, обозначающий инфекционное заболевание кроликов, редко заканчивающееся выздоровлением: *myxomatosis — an infectious usu. fatal viral disease in rabbits, causing swelling of the mucous membranes* (COD 1990: 785). Словарная дефиниция показывает, что это слово обозначает болезнь, которая встречается только у кроликов. Это редкое слово и оно сразу вводит семантическую базу: весь следующий текст должен каким-то образом соотноситься со сценарием практически неизлечимого заболевания животного. Значимость семантической базы для понимания текста подтверждается специальным подстраничным комментарием к этому стихотворению в американской антологии Нортон — одной из наиболее представительных регулярно переиздаваемых антологий американской и британской литературы: «*a disease of rabbits, often fatal; an English epidemic of myxomatosis killed millions of rabbits in 1953*» (NAMP, 1060).

Комментарий к тексту конкретизирует семантическую базу. Стихотворение было впервые напечатано в 1955 г. Комментарий указывает на то, что для понимания смысла текста необходимо соотносить его с определенным событием — массовой гибелью кроликов в период эпидемии. Семантическая база представлена в самом тексте лишь несколькими словами первой строки: *in the centre of a field*, что позволяет любому читателю понять, что в основе смысла текста лежит описание того, как «я» — прогуливающийся человек с тростью (*my stick*) — находит на поле больного кролика и убивает его тростью, после чего вытирает ее (*then clean my stick*). В самом стихотворении нет ни одного из основных слов семантической базы — *rabbits, fatal disease, epidemic, putting a fatally infected animal to sleep*. При этом, если читатель не может встроить текст в структуру семантической базы, понимание стихотворения будет в принципе невозможным. Очевидно, именно этим можно объяснить комментарий в американской антологии.

Уничтожение смертельно больного кролика в тексте представлено через иносказание: резкий удар трости описывается как часть воображаемого диалога между «я» и животным. Эта часть текста, к тому же, выделена графически обрывом строки:

You seem to ask.

I make a sharp reply.

Поскольку в тексте словесная ситуация, задаваемая семантической базой, не обозначена прямо, ее роль проявляется максимально четко — для понимания смысла всего текста необходимо распознать в качестве референциальной основы ценностное суждение о желательности усыпления смертельно больных животных. О том, что такая ценностная модель значима для современного англоязычного сознания, свидетельствуют данные электронного поиска. Запросы на *putting a dying animal to sleep* или *putting a dying animal out of its misery* дают миллионы вариантов. На запрос *putting a dying rabbit to sleep* интернет дает 2 140 000 вариантов, причем наиболее характерны утверждения о том, что такое действие необходимо сделать быстро и решительно (*put the little blighter out of its misery as quickly as you can*, например). Таким образом, словесный ряд *myxomatosis — a field — I make a sharp (reply) — then clean my stick* метонимически маркирует стереотипную ситуацию, обладающую нормативной оценочностью. Действие «я» обусловлено стандартным отношением к проблеме, представленной в семантической базе текста.

Одновременно текст воспринимается как постоянное преобразование сценария, определенного семантической базой. В тексте ситуация представлена как диалог: вопрос, исходящий от страдающего кролика, и ответ «я». Преобразование сценария, описывающего уничтожение смертельно больного кролика как обмен репликами уже само по себе создает мощное оценочное напряжение, поскольку диалог предполагает взаимодействие, сотрудничество. Удар тростью (семантическая база) представляется в тексте как ответ (*I make a sharp reply*) на напряженный (выделение курсивом) вопрос. Более того, в тексте выделяется словесный ряд, который подчеркивает иллюзорность происходящего диалога. Вначале текста появляется прилагательное *inexplicable*: *caught in the centre of a soundless field while hot inexplicable hours go by ... you seem to ask*. Здесь *inexplicable* прочитывается как характеристика страдающего животного, которое не может осознать сущность происходящего и определить причину страдания. Но далее слово *inexplicable* получает однокоренное соответствие в словах «я»: *I am glad I can't ex-*

plain. Такая структура текста указывает на важные семантические преобразования, определяющие то, каким образом семантическая база должна войти в целостный смысл текста. Невозможность объяснить проблему (источник и причину страдания) оказывается основным содержанием диалога/действия (убийства кролика тростью).

Здесь следует отметить и еще один элемент текста, разрушающий возможность воспринимать описываемую ситуацию как диалог: «я» радуется тому, что он не в состоянии дать объяснение как ответ на вопрос. Причина такой радости от невозможности объяснить сущность происходящего раскрывается в заключительных двух строках стихотворения. На это указывает пунктуация — двоеточие после «странного» ощущения радости от невозможности предоставить объяснение:

I'M GLAD I CAN'T EXPLAIN

*Just in what jaws you were to suppurate:
You may have thought things would come right again
If you could only keep quite still and wait.*

Последние две строки в качестве нежелательного развития ситуации, если бы объяснение было бы предоставлено, описывают состояние надежды на то, что все поправится (*I'm glad I can't explain: you may have thought...*). Сослагательное наклонение в этих строках (развитие ситуации, которое уже невозможно после предоставления «*sharp reply*») указывает на то, что сохранение надежды как раз и есть причина, побудившая «я» действовать моментально и жестко (*if I had explained, you may have thought...*). Эта грамматическая структура заключительных строк текста и становится ключевым элементом, конкретизирующим оценочное напряжение, созданное словесной тканью стихотворения, контрастно искажающей семантическую базу. В результате это напряжение и преобразуется в смысл текста. Состояние надежды, само по себе выступающее в любой культуре источником положительной оценки, представляется как амбивалентное явление, поскольку оно не способно оказать влияние на решение серьезной проблемы. Семантическая база трансформируется в иносказательную характеристику слабости

и безнадежности как неотъемлемых атрибутов жизни. В тексте ряд *inexplicable — you seem to ask — I'm glad I can't explain* превращают диалог в модель конфликтного переживания, обусловленного ощущением незащитности жизни и безнадежности попыток объяснить страдание и обреченность на смерть.

Диалог в структуре целостного смысла текста оказывается монологом «я» (*you seem to ask*). Глагол *seem* перемещает голос, задающий вопрос в сознание лирического «я» в тексте. Маленький страдающий кролик становится через олицетворение средством иносказательной конкретизации переживания слабости и незащитности. Это устойчивый иносказательный мотив, часто встречающийся в поэтических текстах (маленькое незащитное и страдающее животное /переживание слабости и бессилия).

Мы видим, что в этом стихотворении проявляется трехуровневая модель организации смысла текста, подобная той, которую мы наблюдали в предыдущем тексте. Во-первых, это семантическая база — заголовок и ряд слов в тексте оказываются элементами описания стереотипной ситуации: уничтожение смертельно инфицированного кролика как санкционированный обществом акт, направленный на защиту от инфекции и являющийся способом прекратить страдания обреченного животного в период эпидемии. Во-вторых, это ключевые элементы текста, которые полностью преобразуют семантическую базу. К ключевым элементам текста относятся вопросы, выделенные курсивом (*What trap is this? Where were its teeth concealed?*); странный характер диалога, позволяющий увидеть в нем иносказательное описание главного компонента семантической базы — удара тростью, который убивает кролика; пояснение радости, которую испытывает при этом «я». В-третьих, это легко узнаваемый иносказательный мотив, представляющий маленькое страдающее животное как характеристику человеческого переживания, обусловленного ощущением незащитности и слабости.

Функция ключевых элементов текста состоит в преобразовании семантической базы в источник оценочного напряжения для моделирования неразрешимого ценностного конфликта, связанного с невозможностью определить целесообразность страдания и безнадежности как характеристик, присущих жизни. Вопрос, который

как бы исходит от умирающего животного, это не просьба о помощи, а поиск объяснения целесообразности мучительного состояния. Сценарий, представленный в семантической базе, далее в тексте за счет квазидialogа и сослагательного наклонения в пояснении радости лирического «я» позволяет передать напряженность переживания, обусловленного пониманием невозможности обосновать и осмыслить сущность страдания и беспомощной обреченности. Структура «нанесение удара, который убивает = ответ на вопрос» формирует непримиримое ценностное противоречие, которое и становится основой смысла текста. При этом иносказательный мотив — олицетворение обеспечивает конкретизацию гаммы переживаний, связанных с ощущением слабости и беззащитности, устанавливая устойчивые ассоциации в иносказательном мотиве (так называемая поэтическая образность).

Таким образом, мы видим, что основа смысла в обоих текстах — некоторое ценностное суждение, представляющее собой описание определенной ситуации, обладающей стабильной социально-нормативной структурой оценочности. Каждый из текстов содержит достаточно маркеров для распознавания семантической базы, которая далее включается в контрастное взаимодействие с ключевыми элементами. Результатом такого взаимодействия будет вторжение в стабильную структуру нормативной оценочности, чтобы смоделировать ценностный конфликт, который представлен в тексте как принципиально неразрешимый. Контрастное взаимодействие семантической базы и ключевых элементов формирует смысл текста, который далее конкретизируется как словесная модель переживания за счет включения в контрастную модель устойчивых иносказательных мотивов, обеспечивающих лиризм (субъективную эмоциональность) как способ существования неразрешимого ценностного конфликта в тексте.

Список источников примеров с сокращениями

- KT — Kooser T. Delights and Shadows. Washington, 2004.
 NAMP — The Norton Anthology of Modern Poetry. New York; London, 1988.

Глава XII

КОДИФИКАЦИИ АНГЛИЙСКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Речевой этикет как языковая универсалия, направленная на установление и поддержание контакта в коммуникативном пространстве — это установки на положительное доброжелательное отношение между людьми. Значение любого вида этикета — вербального или невербального — как культурного кода трудно переоценить, так как стереотипы коммуникативных отношений раскрываются в нем наиболее ярко. Репертуар этикетных высказываний, обслуживающих стереотипные ситуации приветствия, прощания, выражения благодарности, извинения, соболезнования и пр., достаточно разнообразен и отражает разные социально-культурные параметры общения. Лингвистический статус этих высказываний к настоящему времени, в основном, определяется в функциональной семантике, связанной с отражением специфики разных семиотических систем. Настоящее время характеризуется сменой многих социокультурных парадигм, сменой «ценностных» критериев в обществах разных типов обращение к изучению достаточно строго структурированных форм общения, к которым относится этикет, в том числе и речевой. Под этикетом принято понимать такой кодифицированный тип поведения, который определяется совокупностью правил поведения, закрепленного национально-культурными и языковыми традициями в определенном языковом коллективе (Формановская 1989; 2007). Видов этикета существует множество и все они в той или иной степени связаны с отражением социальной практики занятия людей, т. е. исполнения социальных практик — эпистолярный этикет, военный, дипломатический, деловой и пр. В каждом из видов этикета будет стоять вопрос о наличии достаточно четкого набора кодифицированных правил ре-

чевых формул. Кроме того, существуют и практики повседневного речевого поведения, связанные с общепринятой рутинной социализацией, определяющей и психологический и социальные составляющие речевого этикета.

В этой главе мы осветим те проблемы кодификации этикетных высказываний, которые представляют интерес для лингвопрагматики вообще и исторической прагматики в частности. По этой причине сначала будут рассмотрены наиболее общие теоретические проблемы кодификации речевого этикета, а затем представлены примеры возможных интерпретаций этикетных высказываний в древне-, средне- и ранне-новоанглийском языке.

1. Английский речевой этикет в современном обществе занимает особое место в современном коммуникативном пространстве. С одной стороны, существует процесс использования моделей коммуникативного этикетного кода в современном мире, основанного прежде всего на англоязычных типах коммуникативного общения, что определяется процессами глобализации. В этом отношении происходит обращение к некоторому более схематичному типу общения, который принимает минимальная знаковая система. С другой стороны, развитие английского языка проявилось в существовании всевозможных вариантов и типов английского языка: американский английский, африканский английский, индийский английский, шотландский английский и пр. В каждом из этих видов развиваются свои формы этикетного общения. Кроме того, существуют такие этнические группы, включая даже такие варианты, как русский английский, китайский английский или *Frenglish*, *Japlish* и даже искусственный *Globish*, в котором также существует упрощенная система этикетных высказываний. Например, социальные аспекты этикета современного английского языка определяются регистрами речи (*Frozen-Formal-Informal-Casual-Intimate*), а также видом функциональных занятий *legal English*, *medical English*, *Policespeak*, *Seaspeak*. Говоря о регистрах диверсификации современного английского этикета в качестве примера можно привести виды прощания в ряду формального и неформального регистров, как *Good-bye, Sir!* *Good-bye, James!* *Good-bye, Jim!* *Good-bye, Jimmy*, *Bye-Bye, Johny!* *Solong, oldman!* *Chiz, buddy!* *Buzzoff!*, а в качестве регистра <intimate> понимаются такие формы

общения, которые ограничиваются кругом наиболее близких людей, внутри которого также разрабатывается свой вид этикетного общения. Стереотипными здесь могут стать шуточные прощания типа *Seeyoulater, alligator! — Forawhile, crocodile!* Такое же разнообразие можно найти практически во всех типах регистров и видах культур. Не затрагивая вопросов об этнических и социальных стереотипах, рассмотрим понятие стереотипности в речевой коммуникации в связи с теми изменениями, которые привносит процесс глобализации

Проблемы культурной кодификации речевого этикета связываются с рядом разнородных параметров, которые сталкиваются с проблемами выработки конвенциональных кодов речевого поведения. Конвенционализация кодов определяется необходимостью следовать принятой норме и трафарету. Причем трафаретная точность определяется в этикетных высказываниях в их перформативном характере, а в речевом отношении способностью выступать в ряду речевых стереотипов (Третьякова 1995). Как отмечает В. И. Карасик, «на первый план в общении выходят нормы позиционирования его участников — это статусные отношения равенства либо неравенства коммуникантов, соблюдение норм коммуникативного поведения мужчин, женщин, и молодых и пожилых членов социума, участников профессионального сообщества либо непрофессионалов и т. д.» (Карасик 2013: 28).

Если в своем первичном понимании слово *etiquette*, употребленное впервые во Франции при дворе Людовика XIV, обозначало карточку (этикетку), в которой были изложены правила поведения для гостей, в настоящее время этикет представлен широким спектром видов правил социокультурного коммуникативного поведения. Следует отметить также, что сам церемониал социализации существовал достаточно давно, еще до возникновения термина и во многом историческое развитие совокупности этих правил определяют доминанты схемы самой социализации (Байбурин, Топорков 1990; Гуревич 1999). При этом А. К. Байбурин и А. Л. Топорков отмечают, что «этикет имеет чрезвычайно неопределенный феноменологический статус: он может быть рассмотрен и как определенная система знаков, и как специфическая форма регуляции человеческого общения, и как особая форма поведения» (Байбурин, Топор-

ков 1990: 6). В этом отношении становится определенно сложной проблемой рассмотрения и становления правил этикета в разных национальных культурах и в разные периоды времени в связи с изменением норм и правил жизни.

Во многом в современном коммуникативном пространстве этикет — уже не только изысканный вежливый ритуал, но определенная система стереотипных правил, которые определены установкой на вежливое общение и незнание которых или их нарушение может привести к нежелательным результатам. По этой причине в современном столь по-разному структурированном и динамически меняющемся мире все больше внимания уделяется практике обучения этикету общения. Разрабатывают правила люди самых разных профессий — культурологи, психологи, социологи, лингвисты, а распространением знаний этикета в широком смысле занимаются даже современные средства массовой информации. Например, передачи на телеканале «Культура» в выпусках «Правила жизни» достаточно большое внимание уделяется формулам речевого этикета. Интересно также отметить, что в современном глобальном коммуникативном пространстве этикетность становится тем культурным кодом, который способствует эффективности общения и этикетность не рассматривается как некоторое излишество.

Изучению этикета и обмену накопленным опытом уделяется достаточно большое внимание в современном мире. Достаточно посетить Этикет | ВКонтakte: vk.com/etiketeveryday или vk.com/etiquettes, чтобы убедиться в том большом интересе, который в настоящее время существует в отношении изучения типов этикетного поведения.

Кодификация этикетных правил определяется выработкой стереотипных форм поведения, которые существуют в разных видах культур — национальных, профессиональных, политических, социальных и пр. В условиях глобализации осознание стереотипных видов поведения, определение культурного знакового кода позволяет скорее идентифицировать и понятия «свой—чужой», и использовать этот код для правильной ориентации в ситуации непосредственного общения.

Ситуация общения с внедрением новых мультимедийных технологий и массовой компьютеризацией многих областей приводит

к взаимодействию людей в разных информационных пространствах и с разной степенью умения и желания соблюдать правила этикетного поведения. В частности, в последнее время возникло понятие Нетикета, т.е. этикетного поведения в Интернете (от англ. “Net” + “Etiquette”), от англ. “Net” + “Etiquette”) как свода правил, советов и рекомендаций по поведению и общению в сети Интернет (Спиридонова, Третьякова 2012). Эти правила возникли для выработки «защиты» от разнообразия провокационных оффтопингов, спамов, кросспостингов, троллингов и пр. В таком случае можно говорить о выработке поведенческих шаблонов и определенных требованиях для нормативного кода поведенческой интернет-культуры, которая относится к понятию этикетности в отношении выполнения этической функции.

Этикет как коммуникативная универсалия представляет собой динамическую функциональную систему общечеловеческой культуры. Помимо этической функции этикет в коммуникативном процессе выполняет также регулятивную и идентифицирующую. Регулятивная функция проявляется в установлении правил общения, соблюдение которых определяет путь успешной коммуникации между людьми. Идентификационная функция включает знание многочисленных компонентов ситуации этикетного ритуала, связанного с разными типами деятельности (дипломатической, журналистской, медицинской, бизнес-коммуникации и пр.), но и способами передачи информации (эпистолярной или электронных посланий).

В современных энциклопедиях и справочниках к настоящему времени обобщены многие данные об этикетных правилах поведения в разных культурах (Балакай 2001; Пост 2004). Они касаются разных видов национальных и профессиональных культур. Представленные в работах современных культурологов концепции о делении культур на активные и реактивные, монохронные и полихронные, культуры низко- и высоко-контекстные, отрицательной и положительной вежливости (Hall 1976; Hofstede 1980; Льюис 2001; Ларина 2003; Ogiermann 2009). Многие описанные ситуации определяются сложившимися в национальных культурах нормами. Норма как исторически сложившиеся правила поведения связана с оценкой этого поведения. Введение оценки в понятие

кодификации культурной нормы ставит перед исследователями неизбежный вопрос об изменчивости и ситуативного и исторического контекста и установленного этикетного поведения, тем более в динамично меняющемся современном обществе. Знание специфики правил этикетного общения связано, таким образом, с формированием своеобразной этикетной компетенции, определяющейся исторической памятью и современной моделью нормативного этикетного поведения. Знание моделей современного речевого этикета позволяет в ситуации непосредственного общения снимать напряженность и устанавливать код стереотипного вежливого поведения, т.е. создания положительной установки. Благодаря этикетным высказываниям как регуляторам поведения создаются благоприятные условия сосуществования людей, различных по национальному и социальному положению, психологическим и возрастным особенностям, взглядам и образовательному уровню. В этикетном поведении происходит «обыгрывание» и форматирование коммуникативных статусов участников коммуникации. Тем не менее именно кодификация нормативного стереотипного поведения и оценочное восприятие этого поведения неизбежно приводят к пониманию стереотипов устойчивых схем восприятия, которые в картинах мира могут иметь разную интерпретацию в рамках концептуализации стереотипов. Например, Е.Г.Хомякова и А.В.Хан рассматривают аутостереотип *THEENGLISH*, т.е. представление англичан о себе и отмечают в структуре стереотипа два поля — концептуальное и интерпретационное. Под концептуальным полем авторы понимают набор обобщенных характеристик, которые используются для идентификации, а под интерпретационным полем понимается эмоционально-оценочное значение (Хомякова, Хан 2013:235–236). В отношении онтологических стереотипов можно достаточно определенно говорить о разделении концептуальной и интерпретационной составляющих. Однако при определении формул речевого этикета появляется специфика, которая этого делать не позволяет. В частности, любая этикетная формула уже принадлежит к области интерпретационного поля. Интерпретационная составляющая и есть концепт этикетной формулы. Причем оценочная составляющая заключается не столько в том, что этикетный знак концептуализирует оценку,

а в том, что этикетная формула — это сложный знак, своего рода коммуникативная метафора, организованная по определенной схеме, которая может рассматриваться с точки зрения разных систем концептуализации.

В. И. Карасик в семиотическом определении концепта исходит из понимания «кванта переживаемого знания в виде усложнения кодифицируемой информации». Такое семиотическое освоение концепта связано с когнитивно-дискурсивной парадигмой концептуализации. Эти типы перехода от индексального к тропеическому и символическому, как отмечает автор, соответствуют логике художественного освоения действительности (Карасик 2013: 93–100). Представляется, что в этикетном знаке как обозначении активного коммуникативного смысла схема определяется интегральным представлением коммуникативного значения как внутренней формы, т.е. речевой единицы, относящейся к языковой системе и занимающей достаточно определенную позицию в коммуникативной деятельности человека. Языковой и речевой уровни не изолированы друг от друга, но находятся в постоянном взаимодействии вследствие функциональных динамических процедур, включающих интерпретацию как составную часть семантики. Эти процедуры относятся к уровню речемыслительной деятельности, причем связаны они с функциональным «измерением» типических коммуникантов в типических ситуациях, позволяющих моделировать этикетные отношения. Этикетные высказывания обладают функциональным потенциалом в свернутом виде отражать всю формулу коммуникативной ситуации, не мыслятся вне коммуникативной ситуации, т.е. обладают коммуникативным значением и выступают в роли интеракциональной единицы воздействия.

Этикетная формула — это такой речевой стереотип, в котором происходит концептуализация интерпретационного кода как упорядоченного множества элементов. Поскольку речевая формула имеет устойчивый характер, она может считаться идиомой, отражающей коммуникативное взаимодействие. Если рассматривать речевую этикетную формулу как носителя коммуникативного знания, можно говорить о концептуальном характере этой формулы. Речевое использование этой формулы определяет динамическим и регулятивным характером ситуации, в кото-

рой она употребляется. При этом возникает интерпретационный компонент, который в случае с этикетной ситуацией становится связанным с концептуализацией этикетной ситуации. Причем мы снова сталкиваемся с трудностями феноменологического характера, в частности, с проблемой представления знаний и проблемой понимания, а также проблемой определения места семантического описания. Все эти параметры определяются функциональной стороной языка.

В настоящее время в философии языка наметились изменения в подходе к проблемам осмысления функциональной стороны языка, а именно совмещения в одной теории семантического и прагматического аспектов. Причем, если еще несколько лет назад существовала такая трактовка прагматического и языкового аспектов, которая была связана с их разделением, то в настоящее время определенно существует тенденция это противопоставление снять (Ariel 2010). Таким образом, значение этикетной формулы начинает рассматриваться в прагматическом контексте относительно приемлемости всего высказывания относительно существующего контекста. В этом случае уместно поставить вопрос об интегральных характеристиках этикетных высказываний.

Процесс интерпретации этикетного кода устанавливает отношение между знанием языка и способностями, предполагающими использование языка. Сами наблюдаемые характеристики служат исходной точкой, от которой начинается семантическое знание, которое определяется контекстами и это знание концептуализируется. Языковой и речевой уровни не изолированы друг от друга, но находятся в постоянном взаимодействии вследствие функциональных динамических процедур, включающих интерпретацию как составную часть семантики. Эти процедуры относятся к уровню речемыслительной деятельности. Закрепленные за стереотипами контексты функционирования раскрываются в процессе контекстологического анализа, в котором учитываются параметры ситуативных, коммуникативных и языковых знаний, которыми владеют участники общения. Кроме способности участвовать в коммуникативном процессе эти высказывания — репрезентанты самой коммуникативной системы. В этом проявляется диалектика стереотипных высказываний. С одной стороны, они выступают

в качестве репрезентантов коммуникативной системы, а с другой, ее частью, т. е. элементами, принадлежащими системе. Это положение относится и к этикетным высказываниям.

Важными аспектами кодификации этикетных высказываний становятся диспозиции коммуникантов, направленные на установку положительного контакта и установление положительной «тональности» коммуникативного процесса, которая, в свою очередь, связана с категорией Вежливости. Эта категория получает самые разнообразные интерпретации — от классических максим Дж. Лича и Грайса и популярной теории Браун и Левинсона вежливости как «сохранения лица» (Brown, Levinson 1987) до трактовки вежливости как этической и прагматической категории (Формановская 2007; Кононова 2009). Каждый из этих типов вежливости представляет собой систему коммуникативных стратегий, при помощи которых достигаются основные цели вежливого общения. В работах по исторической прагматике преобладает трактовка категории Вежливости, предложенная П. Браун и С. Левинсон (Brown, Levinson 1987), видимо, по той причине, что эти авторы рассматривали вежливость как некую универсалию, свойственную разным культурам. Собеседники в процессе общения заинтересованы в том, чтобы поддерживать и сохранять лицо друг друга. Именно используя понятия *позитивной вежливости* (positive politeness) и *негативной вежливости* (negative politeness). Под негативным лицом авторы понимают желание человека иметь свободу действий и не допускать вмешательства со стороны других (the want to have his freedom of action unhindered'), а под позитивным лицом — «желание быть желанным» другими, т. е. произвести благоприятное впечатление на других (Ibid.: 62, 129).

А. Юкер применил эту теорию при анализе развития категории вежливости в английском языке на разных этапах развития. Он выделяет «*распознавательную вежливость*» (discernment politeness), которую можно назвать идентификационной, поскольку происходит идентификация социального статуса человека и «*почтительную вежливость*» (deference politeness). Например, при использовании обращений типа Mr President, Professor Smith происходит наложение двух типов вежливости — наряду с идентификацией высказывается и почтение (Jucker 2012).

Важный компонент вежливости — тональность. Например, достаточно распространенное английское официальное приветствие *How-do-you-do?* в соответствии с произносительной нормой произносится с падением тона (высказывание не является вопросом). Это же высказывание в ситуациях неофициальной обстановки часто произносилось иронически и менялась тональность этикетной фразы, которая стала обозначать выражение удивления по поводу неприятной ситуации. Особое ударение стоит на последнем слоге. Для отображения этой тональности на письме стал использоваться вариант написания *How-d'ye-do?* Изменение тональности этого высказывания и переход его из формального в неформальный регистр привели к тому, что в варианте *Howdy* — оно стало обозначать простое неформальное приветствие типа *Hello* (LDELС, 646). Тональность, как отмечает В.И. Карасик, — важнейшая прагмалингвистическая характеристика общения, которая проявляется в соответствии с нормами коммуникативного поведения в определенном типе дискурса. «Коммуникативная тональность в том или ином ее типе (ключе) специфически проявляется в личностно-ориентированном (бытовом и бытийном) и статусно-ориентированном дискурсе» (Карасик, 2013: 30–31). Кодификация этикета с точки зрения тональности при всех разных типах дискурса определяется категорией Вежливости и знанием конвенций существующих в обществе.

Учитывая сказанное, можно сформулировать, что функциональная семантика этикетной формулы как стереотипа основана на взаимодействии системы и среды, обеспечивающих реализацию коммуникативной функции вежливой тональности. Эта реализация носителями языка осуществляется как *интуитивное знание* некоего коммуникативного опыта. Этот аспект изучения стереотипных высказываний связан с реальными процессами функционирования языковых единиц и, следовательно, интерпретацией коммуникативного (прагматического) контекста в ситуации непосредственного общения. Именно ситуация общения определяет особый риторический потенциал слов и выражений, позволяющих участниками коммуникации верно интерпретировать значение высказываний. Этот потенциал связывается с выявлением такой составляющей коммуникативного значения, как воздействие, одним из признаков которого является значение векторности.

Векторность интерпретации включает не только признание релевантных для конкретной ситуации составляющих, но также признание процедурно-динамических изменений семантики высказываний, которые определяются социальными / культурными процессами, проходящими в современном мире. Наличие векторности связано с распознаванием интерпретатором как локально временных параметров ситуации, так и социально-статусных ролей участников коммуникации. Наиболее четко определяемые указатели векторности — это типовые этикетные высказывания, формирующие тональность общения.

При всей простоте синтаксической структуры этикетных высказываний (в основном, это безглагольные структуры или структуры простых перформативов) достаточно сложной проблемой является представление их коммуникативного значения. Всякое этикетное высказывание обладает функциональным потенциалом в свернутом виде отражать всю формулу коммуникативной ситуации, не мыслится вне коммуникативной ситуации, и выступает в роли интеракциональной единицы воздействия. Закрепленные за этикетными высказываниями контексты функционирования раскрываются на основе учета коммуникативных и языковых знаний, которыми владеют участники общения.

Знаковая природа коммуникативных этикетных клише представляет большую сложность в определении их внутренней формы. Эти высказывания сходны с фразеологическими единицами тем, что имеют устойчивый характер, но от номинативных фразеологизмов они отличаются тем, что их семантика определяется исключительно коммуникативной ситуацией. В этом случае семантика внутренней формы определяется изучением семантической эволюции знака, ассоциативно-коннотативными признаками, экспрессивно-оценочными значениями, а также теми компонентами значения, которые релевантны для конкретной коммуникативной ситуации. Все параметры связываются в единый комплекс стереотипного значения, которое представляет собой закрепленное знание стереотипного речевого поведения, отражающее взаимоотношения между языком, культурой, речью и памятью. Эти взаимоотношения имеют постоянный динамический характер и связаны

с вероятностным ожиданием того или иного высказывания в контексте коммуникативной ситуации.

Значение этикетных клише как стереотипов определяется двумя компонентами. Во-первых, семантическим компонентом, который отражает наше внутреннее (ингерентное) знание о типе коммуникативной ситуации и наше речевое знание (интериоризированное), связанное с поведенческой реакцией. Во-вторых, собственно коммуникативным компонентом, относящимся к категории воздействия в отношении эффективности коммуникации. В современных корпоративных культурах разрабатываются системы эффективной коммуникации, которые, в основном, и базируются на появлении социально предписываемых высказываний, которые обладают поведенческой маркированностью в разных типах речевых культур (Льюис 2001).

Принципы кодификации определяются во многом развитием тех компонентов когнитивного моделирования (используя современный термин, «составления дорожной карты» (mapping)), которое предполагает составление проекции существующих видов и типов ситуаций на определяемые модели, определение коммуникативно-семантических составляющих и, наконец, представления схемы стандартной модели.

В этом отношении интерпретация коммуникативной семантики этикетных клише связывается с нашим представлением конвенционального поведения как эталона, ориентированного на социокультурные стереотипы, нормы, модели и стандарты. При этом эталон может интерпретироваться в совокупности социально-культурных стереотипов, характерных для того или иного времени. Речевая этикетная ситуация понимается как совокупность стереотипных высказываний, закрепленная национально-культурными и языковыми традициями в определенном языковом коллективе. Она отражает форматирование вежливого поведения с такими параметрами, как 1) установление контакта; 2) установка на положительные взаимоотношения (симпатия, радость, удовольствие); 3) выдержанность регистра речи. Прототипическая ситуация может выглядеть следующим образом: [я вступаю в контакт и выражаю благожелательное отношение>–<принимаю пожелание и отвечаю также наилучшими пожеланиями> благодарю–{поздравляю,

произношу тост}; прощаюсь и желаю всего наилучшего>> принимаю пожелание и прощаюсь]. В каждом из составляющих этой ситуации уместно появление обращения. Обращение как коммуникативный этикетный знак выполняет особую функцию векторной тональности, которая часто определяет тип вежливости. Вполне осознавая условность схематического представления организации коммуникативного процесса, тем не менее именно трактовка вербального знака как элемента коммуникативного кода позволяет разработать лингвистическое описание с акцентом на семиотическом осмыслении. Активизация этикетного кода во многом зависит от ее осознания воспринимающим субъектом. Субъект может воспринимать этикетное высказывание как стереотипное обозначение коммуникативной ситуации или приписывать ей дополнительные функции в зависимости от характера речевого общения. В этом проявляется прагматический характер коммуникативных клише. Причем динамический характер функциональной семантики коммуникативных клише связан с интегративными процессами, определяющимися наложением коммуникативных смыслов из различных концептуальных ситуаций.

Эффективность понимания ассоциируется с определением границ своего круга коммуникативного процесса. Выход из этого круга постоянного обновления знаний и появления стандартных способов выражения отражается в сети прямых и обратных связей, возникающих между разными сферами культуры. В семиотическом пространстве культур разных этапов развития английского языка присутствуют различные этикетные высказывания, которые позволяют фиксировать разные уровни значений, смыслов языковых выражений. Именно тот фактор, что формульный характер сопряжен со становлением стереотипа, позволяет обратиться к историческому материалу в аспекте прагмалингвистических исследований для установления возможных социокультурных доминант, способствующих развитию этикетного кода.

2. Историческая прагматика оформилась к настоящему времени в достаточно привлекательную область исследования, которое проводится на материале разных языков (Historical Pragmatics 2010; Jucker 2011; Очерки по исторической прагматике... 2012). В настоящее время, по словам Г. А. Баевой, историческая прагматика — это

самостоятельная и продуктивная отрасль исторического языкознания: «В известном смысле она уточняет и обогащает уже знакомые структурные схемы поэтапного изменения языка, наполняя его живым — коммуникативным и когнитивным — содержанием, связанным с человеком и его ролью в развитии языка» (Очерки по исторической прагматике... 2012: 19). В Санкт-Петербургском университете уже сложилось направление по изучению вопросов исторической прагматики, связанных с речевым этикетом германских языков (Чахоян 1982; Сидорова 1986; Вохрышева 1998; Бирр-Цуркан 2007; Богданова 2008; Третьякова, Цвинария 2009; Третьякова 2012; Tretyakova 2013; Tretyakova, Tsvinaria 2013).

Если современная повседневная этикетность общения связана с самыми простыми каноническими формулами приветствия, прощания, извинения, благодарности, выражения сочувствия и пр., то обращение к удаленным от нас эпохам прибавляет понимание церемониала и иной кодификации этикетного речевого поведения. Одним из ярких отражений речевого культурного кода выступают формы речевого этикета. Обращение к историческим текстам, позволяющим проводить интерпретацию, определяется спецификой развития истории английского языка периодов этого развития. При этом нельзя не отметить ряд ограничений и условностей, которые появляются при реконструкции моделей речевых ситуаций отдаленных от нас исторических периодов. Это касается многих аспектов современного восприятия миропонимания средневекового человека (Гуревич 1999).

Древнеанглийский период представлен достаточно длительным периодом развития — охватывает более 600 лет, приблизительно с 450 по 1066 г. Безусловно, за этот период в обществе и языке проходили многочисленные процессы, которые чрезвычайно трудно и фиксировать и оценить. Почти все памятники дорыцарской эпохи не сохранили отражения в текстах вежливых стереотипных ситуаций. Мы можем судить только по небольшому количеству памятников, в которых сохранилась, по словам А. Юкера, буквально «горстка» (*handful*) отражающих почтительное отношение к собеседнику. Практически именно исследование обращений позволяет говорить в принципе о существовании категории вежливости в этот период *leof, broþor, and hlaford* (Kohnen 2008: 145–146). Эти

формы обращения связаны с распространением уже христианских ценностей в обществе. Т. Конен отмечает, что наиболее распространенным обращением остается *leof* или более сложное *leofhlaford*. Может показаться странным, но обращение *hlæfdige* было не типичным и совершенно не соответствовало современному пониманию и как этикетная формула в древнеанглийских текстах не зафиксирована. Примером дружественного обращения может служить *друг* или *дорогой друг*: <*Andleaf, geþen chuun cuþ þeis seo tid þe þu þis læn elifan for lætan scelt...*> (And dear, think how uncertain the time is when you are to depart this transitory life...); (Dear, do not say in your mind that I teach you many things...) (Ibid.: 148). Причем это обращение не означало близких отношений между людьми, а скорее служило просто знаком расположения.

В англосаксонском военизированном обществе, если обратиться к иным номинативным единицам, отражающим номинации социального статуса людей, которые могли участвовать в обращении в ситуации приветствия, прощания, поздравления и пр., можно представить себе в какой-то степени коммуникативный ритуал этой эпохи. В глоссах, представленных в словаре Дж. Босворта (ASD), есть следующие номинации — *eorl* ‘nobleman, chief, general, warrior, soldier’, *ceorl* ‘a freeman of the lowest class, a man, husband a free man, as opposed to *þeow*’; *freca* ‘a bold man, warrior, hero’, *guma* ‘a man’, *hæled* ‘a man, warrior, hero’, *leod* ‘a man, poet; prince’, *manna* ‘a man’, *rinc*, *secg*, *wer* ‘a man, a male person; a man, a male that has reached man’s estate; a being in the form of a man; a married or a betrothed man, a man, a male person’. Ко всем этим людям, можно предположить, существовали обращения, которые сопровождались определенной тональностью. Существуют и номинативные единицы, связанные с номинацией молодых людей: *maga* ‘a relative, a son, a man’, *mecg* ‘a man’, *cnyht* ‘a boy, youth’. Наиболее интересной были обращения в окружении короля и его вассалов. К ним относятся *geneat* ‘a companion, associate, vassal’, *gesid* ‘a companion, fellow, companion or follower of a chief or king’, а также его слуги *scealc* ‘a servant, a man, soldier, sailor’, *ðegn* ‘a servant, one who does service for another; an officer, minister; a follower of a great man, a retainer; a follower of a teacher, a disciple’. Такие номинации, как *wiga* ‘one who fights, a (fighting) man, a warrior a noble, strenuous man’, и *cempa*, обозначали во-

инов. При этом важным остается также дружеское расположение, существующее между людьми. Можно сказать, что иерархическое положение «друзей» в какой-то мере отражает этикетные коммуникативные отношения, существовавшие в те далекие времена.

В древнеанглийском родовом обществе, как свидетельствуют данные текстов и глоссариев, другом мог называться тот человек, кто может помочь и защитить или тот, кто стоит выше по рангу. Например, встречаются древнеанглийские сложные слова типа *freo-wine*, *frea-wine* и *wine-drihten*, *goldwine gumena* (B, 1171, 1476, 1602); *freawine folca* (B, 430, 2357); высокородный друг, добрый, благородный князь / конунг (*friendly lord*). Человек, которому оказывалось благодеяние, *wine-mæg* обозначал друга, равного по социальному статусу. Особое значение имел речевой этикет в ритуале преподнесения даров. Этот культурный код — доминантный для этого времени (Гуревич 1999). Например, конунг (*friendly lord*) именовался также и как «даритель золота» *gold-wine* (*giver of gold*). Золотые украшения англосаксонских воинов указывают на дружбу между лордом и его воинами. Они были особым знаком — обещания хранить верность и преданность дарителю, своему господину. Восхваления также можно отнести к этикетным высказываниям: *Aris, rices weard, utohnhraþeferan* (B,1390) (Встань, страж царства, чтобы быстро идти). Ситуацию простого приветствия, где нет восхваления, также можно считать этикетной: *Wes þu, Hroðgar, hal!* (B, 409).

Еще одним направлением поиска этикетного значения выступает интерпретация контекстной прагматики таких глаголов, как *sculon* (*þuscealt*) в высказывания просьбы и *motan* в выражении пожелания: *Ure æghwylc scealende gebidan/worolde lifes; ...wyrceþe þemote/domes ærdeape; þæt bið driht guman/ unlifgendum æfterselest* (Each of us must abide life's end in this world. Let him that may, win fame death; that shall be there after best for a warrior, when life is no more' (B, 1385–1389)). В последнем примере, по мнению М. Е. Цвинария, пожелание генерализованному субъекту может также приобретать характер декларации ценностей героического общества. Несколько иная тональность общения возникает в высказываниях позволения: *Nu gemoton gangan...* (Now you may go... (B,395)) (Tretyakova, Tsvinaria 2013: 254–256).

Даже эти немногочисленные примеры позволяют говорить о том, что в обращениях и некоторых видах директивных высказываний возможно представить существование в англосаксонском мире речевого этикета. Доминантным типом остается тип идентифицирующей («распознавательной», «негативной» вежливости).

Среднеанглийский период развития речевого этикета связан с комплексом таких элементов вежливого этикета, которые сопровождают и придворный этикет норманской знати и сохранение уже существующей англо-саксонской учтивости исконного населения Британии. Приходит рыцарская культура с иными отношениями не только между мужчинами, но и прежде всего по отношению к женщине как предмету почитания. Среднеанглийский период в отношении становления речевого этикета, по мнению исследователей, переходный (Placing Middle English... 2000; Historical Pragmatics... 2010), ведущий к становлению современной системы. Меняются доминанты общества и соответственно доминанты этикетного общения. В частности, в XIV в. уже оба типа вежливости — «распознавательная» и «учтивая» имеют одинаковое значение.

Несмотря на все экономические, социальные, политические потрясения и культурные трансформации, можно выделить основные направления становления по изучению концептов этикетного церемониала. Это касается разных видов дискурсов — придворного, судебного, церковного и пр. В литературных памятниках в рыцарских романах это церемониал, например, бракосочетания или принесения рыцарской присяги, которые есть в романе *Sir Gawaine and the Green Knight*. В этих произведениях есть и разные виды рутинных этикетных ситуаций. Многие из них связаны с употреблением перформативных глаголов. В Словаре среднеанглийского языка (MED 2001), например, приводятся следующие значения глагола *meten* (a) to greet (sb), usually with respect, honor or reverence; (b) salute; (c) also address (sth) with reverence, in surname. Из приведенных значений видно, что сам ритуал приветствия меняется к этому времени. И тот вид «распознавательного» приветствия дополняется приветствием «учтивым», которое начинает доминировать. Кроме того, в номинации этикетной ситуации появляется герундий *heilinge*, что свидетельствует о расширении типов номинации этикетных ситуаций ..g. *Heilinge, þat Joon for fendide haf noo virtue*

among þes freris for þey saluten often fendis... или через номинацию (MED: 599).

В это же время появляются и имплицитные перформативы-приветствия и прощания. Например, *Goddai*, которые квалифицируются в словаре как номинативные фразы (phr&n), употребляемые в весьма витиеватых примерах приветствия и прощания: Yet praye I God so yeve yow right good day! (MED, 206)

Неоценимый вклад в изучение вербального этикета вносят Корпуса текстов, которые могут дать большое количество примеров для анализа этикетных ситуаций. Например, *Helsinki Corpus of English Texts*, в котором представлены разные жанры текстов в разные периоды развития английского языка. Этот корпус особенно привлекателен для изучения лингвистических изменений и поиска информационных соответствий на протяжении длительного периода. В качестве примеров среднеанглийского периода можно привести следующие: *All hayle, God be hereinne, Welcome, by Godd; Ich walde king greten.*

Наиболее интересный памятник этого периода — «Кентерберийские рассказы» Дж.Чосера. Произведения Дж.Чосера представляют чрезвычайно интересный материал для изучения всевозможных направлений прагматических аспектов языка, отражающих разные аспекты социально-культурных отношений. Главные герои повествования уже принадлежат к разным слоям общества и в этом случае в отношении этикетных ситуаций можно проследить становление куртуазной коммуникации с учетом социального статуса героя. К высшему слою относятся рыцарь и его сын. Причем куртуазность рыцаря передается автором иронически, особенно когда он обращается к аббатисе Эглантине и восхваляет ее внешний вид и умение вести себя за столом: “*in curteisie was set ful muchel hir lest*”, “*her greatest pleasure was in good manners*” (Ch., 8). Такое восхваление похоже на лесть, и уместно только в отношении придворной дамы, а не скромной аббатисы. А.Юкер также отмечает стремление к куртуазному поведению и у людей, стоящих ниже на социальной лестнице. У Чосера находим также этикетные высказывания — обращения типа *Leve brother Osewald*, *Dear brother Osewald*, которые относятся к идентификационной вежливости и примеры куртуазного поведения: *Do wey youre handes, for youre curteisyel*, “*Take away*

your hands, if you please' (Ch., 148–149). Для этого периода развития языка большое значение приобретает употребление местоимений 2-го лица для обозначения вежливого обращения (Jucker 2000: 153; Busse 2002).

Историческая интерпретация социальных и гендерных аспектов значений относится к прагмафилологии (термины взяты из (Historical Pragmatics 2010: 219–284)). С современной точки зрения отдельную проблему могут представлять вопросы гендерных характеристик средневековой интеракции и интерпретации женских и мужских стереотипов в этикетности описания. Например, такая формула, как *sely wif*, может по-разному интерпретироваться в среднеанглийском и современном английском языках: *That ye may lykne your parables to, But if a sely wyf be oon of tho?* (Ch., 198); *silly* выражает значение «заслуживающий сочувствия или сострадания» (OED: 2825). В современном английском языке слово *silly* означает «неумный, недалекий». Следовательно, при интерпретации прагматических значений следует обязательно учитывать все три составляющие становления интерпретации (mapping) стереотипа.

Развитие *ранненовоанглийского речевого этикета* связано с определением конвенций в период становления национального английского языка общения. В текстах фиксировалось отношение к тем поступкам, которые требуют извинения или благодарности, одобрения или осуждения, соболезнования или комплимента. Нормативность поведения связывалась с ожиданием стандартной реакции, в том числе и вербальной, на определенные действия. Речевое поведение постоянно оказывается под влиянием достаточно строгих правил и категория вежливости становится маркером цивилизованного этикетного поведения. До нашего времени дошло много памятников, позволяющих исследовать сферу употребления этикетных высказываний. В первую очередь это драматические произведения, позволяющие нам судить о диалогической речи того времени. В языке драмы сохранились многие черты разговорного языка (в его литературном стандарте), характерные для Позднего средневековья и Возрождения. Произведения У. Шекспира особенно часто используются в исторической прагматике (Historical Pragmatics 2010: 247–284; Третьякова 2012: 116–146).

Свобода шекспировского синтаксиса связана с отражением разговорной речи героев с их эмоциями, чувствами и переживаниями. Если в исторических хрониках в большей степени отражается характер высших слоев общества, то в комедиях представлен также и язык среднего класса.

В ранненовоанглийском языке клятвы могут рассматриваться как этикетные высказывания, поскольку они связывались с определенным социальным статусом говорящих.

Остаются приветствия и социальная диверсификация общества сохраняется. *Horatio*. *Hail to your lord ship!* *Hamlet*. *I am glad to see you well...* (H.I,2); *Coriolanus*: *Hail, lords!* *I am return'd your soldier* (C.I, 2). Приветствие *hail* могло сопровождаться пожеланием здоровья или благоволения высших сил.

Welcome стало выражать приветствие уже в среднеанглийский период. Под влиянием старофранцузского *bienvenu* (lat. *benevenisti*) произошло переосмысление древнеанглийского слова *wilcuma*, что означало «желанный гость». *Welcome* начинает употребляться в предикативной функции и приобретает функциональный характер прилагательного — *You are welcome*. Это высказывание имело несколько функций в ранненовоанглийском, например, использовалось как приглашение:

[Enter Lucio and Isabella] <...>Angelo. Stay a little while. [To Isabella] *Yare welcome*; what's your will? (MM.II, 2). Приветственный знак *welcome* мог употребляться и в предикативной функции и субстантивироваться: *Volumnia*: *I know not where to turn — o, welcome home*; *And welcome, general*; *and are welcome all*. *Menenius Agrippa*: *A hundred thousand welcomes* (C.II,1).

Значимым фактором этикетного речевого взаимодействия стала его обязательность, что позволило А. Юкеру отнести этикетные высказывания этого периода к категории вежливости, которую он назвал *litigating*, т.е. обязательной для исполнения (Jucker 2012). В это время остаются и идентификационные и почтительные этикетные высказывания (*mylord, signior, sir* или *madam, ladyYourGrace, goodwife, myliege*). Все еще существует способ этикетного экспрессивного высказывания, который к концу ранненовоанглийского периода употребляется все реже — это клятвы: *swear (dare swear), vow (make a vow), take an oath* — сопровождающий высказывание

экспрессивно-императивный коммуникативный маркер (Чахоян 1982: 25), который можно считать также своеобразным культурным кодом эпохи.

Рассмотренные вопросы и проблемы интерпретации этикетных высказываний в развитии категории Вежливости позволяют говорить о необходимости учета трех составляющих интерпретации: проекцию на ситуацию удаленной от нас эпохи, определение коммуникативно-семантического потенциала и существующую схему интеракции с учетом социокультурных доминант в интерактивном пространстве культурного кода той или иной эпохи.

Список источников примеров с сокращениями

- В. — Beowulf // The Northon Anthology of English Literature / ed. by A. J. Wyatt. Cambridge, 1894.
- Ch. — *Chaucer J.* Canterbury Tales / ed. by A. Kent Hieatt & Constance Hieatt. New York, 1964.
- Н — *Shakespeare W.* Hamlet (электронный ресурс).
- С — *Shakespeare W.* Coriolanus (электронный ресурс).
- М. М. — Measure for Measure (электронный ресурс).

Глава XIII
**ВАРИАТИВНОСТЬ В РАСПРЕДЕЛЕННЫХ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ
КОМПЛЕКСНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В АМЕРИКАНСКОЙ
КУЛЬТУРЕ**

Комплексные ценности как социокультурные феномены

Человеческая коммуникация и другие формы взаимодействия в значительной степени контролируются присутствием ценностей. Речь идет о ценностях в их этической форме. Изначально они представляют собой лишь маркированные аффордансы (Троценкова 2012б: 24–25), или «воспринятые аффордансы» в терминах Д. Нормана (Norman 1988), которые биологически обусловлены и актуальны как для людей, так и для животных других видов. На этом уровне рассмотрения они представляют собой те возможности взаимодействия с окружающей средой и другими субъектами, которым отдельный индивид приписывает важность. Однако в культурной среде подобная их индивидуальная атрибуция — хотя и сохраняется — дополнительно подвергается существенному воздействию коллективной деятельности, заключающейся в приписывании этим аффордансам символической статус-функции «ценности». Аффорданс оказывается объектом концептуализации, приобретая — помимо индивидуального — социальное измерение. В этой концептуализированной форме ценности — это нечто специфичное для человеческого вида; их можно рассматривать как один из видов социокультурных феноменов, чье онтологическое существование зависит от коллективной интенциональности. Как отмечает Дж. Серль, достаточное количество членов релевантного сообщества должно продолжать признавать и принимать существование подобных феноменов, поскольку их статус как таковых состоит в коллективном принятии (Searle 1995: 117).

Дж.Эдельман, с нашей точки зрения, хорошо описывает эти биологическую и социальную составляющие ценностей. «Научная картина мира, основанная исключительно на физических законах, не нуждается в ценностях, и самим ценностям нет места в неодушевленной вселенной», — пишет он. Однако для живых организмов, обладающих сознанием, системы ценностей представляют собой необходимые ограничительные факторы, в отношении как эволюционного отбора, так и селекции нейронных групп у животных с высшими психическими функциями. Тем не менее, отмечает исследователь, это не означает, что социальные ценности высшего порядка генетически обусловлены; это значит, что подобные ценности появляются в ограничениях, накладываемых адаптивными системами, особенно системами индивидов, обладающих сознанием. При том, что у ценностей есть биологическая основа, лишь посредством социального взаимодействия в историческом времени люди могут начать опираться на подобные ценности. По крайней мере, на единственной планете во вселенной эволюционное возникновение реентерабельного динамического нейронного субстрата сознания с его *C'* состояниями обеспечило место ценностям в мире фактов. На самом деле, с каузальной точки зрения, противоположное также истинно — лишь в результате присутствия ценностных систем в селективном мозге может появиться основа для возникновения феноменального дара сознания (Edelman 2005: 138–139).

Ч.Синха и К.Родригез, использующие в своей работе понятие «социальные факты», определяют их как «нечто, регулирующее определенный аспект поведения, которое требует участия более одного индивида» (Sinha, Rodríguez 2008: 360), при этом авторы заявляют, что общее знание о таких фактах зависит от интерсубъективности.

Понятие «интерсубъективность» было предложено британским психологом К.Треварthenом (Trevvarthen 1993; 1998) и оказалось продуктивным для многих исследований человеческой деятельности и культуры. Как отмечает сам К.Треварthen в предисловии к коллективной монографии *The Shared Mind* (Trevvarthen 2008: VII–VIII), западная экспериментальная психология унаследовала и до сих пор излишне полагается на схоластическую философию, где сознания рассматривались как отдельные системы регистрации опы-

та, которые думают и действуют независимо друг от друга. Критикуя эти представления, он отмечает, что в реальном мире общения все, что мы делаем и чувствуем, влияет на других не меньше, чем на нас самих. Все, что создано в культуре, включая естественные языки различных сообществ, искусство и технологии — необходимые инструменты совместного существования людей — вырастает из способности каждого ребенка совместно с заботящимся о нем взрослым (родителем) творить прото-диалогический нарратив. Авторы монографии, несмотря на разнообразие используемых подходов и фокуса исследований, в целом сходятся в признании интерсубъективности как основы человеческих представлений о Другом. Интерсубъективность определяется как ситуация, когда множество субъектов совместно разделяют некий контент опыта (напр., чувства, восприятия, мысли и языковые значения). Подобная способность формирует, по мнению авторов, специфически человеческие формы мышления, позволяя в полной мере осознать субъективность Другого как подобного себе (Zlatev, Racine, Sinha, Itkonen 2008: 1–2).

Следует отметить, впрочем, что авторы критически относятся к идее «теории психики» («theory of mind», о проблеме передачи этого термина на русском языке и существующих вариантах см.: (Величковский 2006: 437–438)) как предполагающей первичное разделение Я и (сознаний) Других, преодолеваемое логическим моделированием чужого сознания как подобного своему. В противовес этому они выдвигают положения о том, что люди изначально связаны в своей субъективности на базовых уровнях аффективных, перцептивных процессов и мотивационно-волевой вовлеченности, ориентированной на действие (Zlatev, Racine, Sinha, Itkonen 2008: 2–3). Это заставляет авторов монографии *The Shared Mind* в первую очередь сконцентрировать внимание на биологической основе интерсубъективности. Для наших рассуждений об особенностях функционирования ценностей в коммуникативном взаимодействии больший интерес представляет не столько проблема биологической адаптации, делающей возможным коллективное распределенное существование социокультурных феноменов, сколько роль культурной среды и языка как одной из ее составляющих.

Вопрос о роли языковой коммуникации в когнитивном развитии активно поднимается, в частности, М. Томаселло. Причем речь идет о более широкой постановке проблемы, чем в гипотезе лингвистической относительности: не с точки зрения того, как конкретный язык влияет на картину мира его носителей, а как наличие языка вообще — в противовес его полному отсутствию — сказывается на общем развитии мышления человека. М. Томаселло особо интересуют три аспекта: 1) относительно развития ребенка в онтогенезе, культурная трансмиссия знаний через языковую коммуникацию; 2) относительно социума в целом, влияние структуры языковой коммуникации на формирование когнитивных категорий, отношений, аналогий и метафор; и наконец; 3) ситуация, когда языковое взаимодействие с другими (дискурс) заставляет детей увидеть иные — иногда конфликтующие друг с другом, иногда взаимодополняющие — когнитивные перспективы/точки зрения на явления (Tomasello 1999: 164). Если первые два из перечисленных аспектов уже давно и прочно заняли место во многих лингвистических и лингвокультурологических исследованиях, то третий, как нам представляется, заслуживает более пристального внимания.

Поскольку мы придерживаемся той точки зрения, что единство культуры того или иного языкового сообщества сохраняется за счет *частично* разделяемых его членами когнитивных ментальных репрезентаций, это предоставляет широкое поле для вариативности этих ментальных структур знания (Троценкова 2012а: 434–435). Описываемые В. Я. Шабесом количественно-качественные континуально-дискретные основания для формирования категорий на базе оценки степени сходства/различия предполагают, что такого рода вариативность оказывается неотъемлемой характеристикой любых социально распределенных знаний (Шабес 2012). Этот факт зачастую недооценивается в современных исследованиях дискурса, недостаточно учитывающих факты возможных расхождений в имеющихся социокультурных знаниях коммуникантов (в том числе их ценностных ориентациях). Одновременно с этим недостаточно внимания получает и способность людей оперировать параллельно как собственным видением ситуации на базе этих знаний, так и альтернативными точками зрения, доступными в конкретной культуре. Отмечаемая М. Томаселло ключевая роль

языка в обеспечении этой способности к метарепрезентированию позиции Другого, таким образом, заставляет более пристально посмотреть не только на то, как ценности влияют на коммуникацию, но и как коммуникативная деятельность участвует в формировании ценностной системы языкового и культурного сообщества.

Мы оказываемся перед лицом сложного процесса взаимовлияния и эволюционного взаимоопределения. Язык как одна из символических систем, причем та, на которую люди активно опираются в процессе концептуализации, с одной стороны, становится важным фактором в формировании и функционировании ценностей. Однако, поскольку язык и сам представляет собой социокультурный феномен, распределенный в сознании сообщества носителей, с другой стороны, он в конечном итоге в ходе реальной коммуникативной деятельности также становится объектом влияния ценностей.

Процесс концептуализации маркированных аффордансов при активном участии языка, в результате которого они получают ценностный статус и языковую номинацию не ограничивается единомоментным актом номинирования. Как уже отмечалось, языковое и культурное сообщество должно продолжать реализовывать соответствующие ценности как таковые в собственной деятельности, включая и коммуникативную. В ходе этой непрерывной реализации ценностей степень схождения / различия релевантных когнитивных ментальных репрезентаций членов определенного социума может меняться или оставаться в относительном динамическом равновесии. Семантическое содержание ценностных номинаций непосредственно зависит от этого фактора и всегда остается объектом постоянного взаимного соотнесения и согласования в коммуникативной деятельности. При этом наличие единой языковой номинации, используемой членами некоего сообщества, зачастую может вуалировать имеющиеся различия в реальных позициях говорящих, которые более отчетливо проявляются при экспериментальном моделировании их ментальных репрезентаций. В случаях же, когда подобные расхождения замечаются в контексте конкретного взаимодействия, они могут становиться основой развития ценностных конфликтов разного типа и использоваться как для солидаризации с собственной группой, так и в дискуссии с оппо-

нентами в коммуникативных стратегиях аргументации и манипуляции (Трощенко 2012б).

Ценностная система, на которую опирается любое развитое общество, представляет собой сложный, многоуровневый феномен. Одна из его особенностей — иерархическая организация, при которой более простые ценности низких уровней абстрактности, непосредственно опирающиеся на соответствующие маркированные аффордансы (честность, семья), оказываются включенными в более абстрактные сложные образования (патриотизм, толерантность), которые мы называем комплексными ценностями. Эта проблема более подробно обсуждается с привлечением экспериментальных данных относительно русского и шведского материала в нескольких статьях по результатам проекта на грант Шведского института 00724/2009, в частности (Shabes, Troshchenkova, Potapova, Ivarsson, Damberg, Bostedt 2012; Шабес, Трощенко, Потапова, Иварссон, Дамберг, Бостедт 2012). В сущности, описываемая ситуация полностью согласуется с идеей Дж. Серля о том, что социальные факты иерархичны: социальные факты более низкого уровня иерархии непосредственно опираются на грубые факты физической реальности, в то время как сущности более высоких уровней — это результат приписывания статус-функции уже существующим социальным фактам более низких уровней. Говоря о ценностях, можно переформулировать эти положения и говорить о первичной и дальнейшей концептуализации, где простые ценности — результат первичной концептуализации, а комплексные соответственно — дальнейшей.

Сравнительно-сопоставительный анализ комплексных ценностей со сходной номинацией в разных культурах (напр., в указанном выше проекте сравнения русских и шведских ценностей) позволяет прийти к выводу о том, что культурные различия в том, что понимается под словами «демократия», «толерантность», «патриотизм», могут быть достаточно велики. Уже этот факт делает исследование комплексных ценностей крайне интересным с лингвокультурологической точки зрения. При этом более абстрактный уровень подобных ценностных феноменов как результата дальнейшей концептуализации заставляет предположить, что и внутрикультурная вариативность в их интерпретации может оказаться

весьма существенной. Наличие групповых/индивидуальных вариаций понимания тех или иных ценностей, как уже отмечалось, — залог неизбежной напряженности в дискурсивном взаимодействии. Именно они часто становятся объектом обсуждения и/или основой для манипуляции сознанием адресата/третьих лиц. Исходя из этих соображений мы пришли к идее экспериментального исследования комплексных ценностей в американской культуре, которое могло бы в дальнейшем помочь в анализе коммуникативных стратегий, которыми пользуются американцы в общественно-политическом дискурсе.

Экспериментальное исследование комплексных ценностей в американской культуре

В 2011 г. для исследования некоторых комплексных ценностей нами был проведен эксперимент с англоязычными американцами, аналогичный экспериментам с русскими и шведами, что позволяет проводить кросс-культурное сравнение результатов. Такая возможность представляется нам важной, поскольку наличие в качестве фона анализа данных иных культур позволяет с большей полнотой и отчетливостью определить особенности тех ментальных репрезентаций ценностей, которыми пользуются представители интересующего нас культурного и языкового сообщества.

В эксперименте приняли участие 54 человека (18 мужчин, 36 женщин). Одна часть респондентов (27 человек) — студенты в возрасте от 19 до 28 лет из различных штатов; вторая часть — также 27 человек, в возрасте от 28 до 68 лет (большая часть 30–50 лет) работники сферы образования: учителя средних школ и представители школьной администрации в штате Флорида). Респонденты получали инструкцию следующего содержания:

Please, enumerate concepts that are, according to your opinion, included into the given concept. Under each heading below, list those words that come to your mind when you consider their meaning. The relations I'm interested in are analogous to those as one has in "tree" — "oak", "pine", "birch", etc.

Комплексные ценности, предложенные респондентам, которые мы рассмотрим в настоящей работе: DEMOCRACY (245 реакций респондентов), и TOLERANCE (153 реакции).

Основными компонентами ценности DEMOCRACY (наиболее частотные реакции в процентном отношении к общему числу ответов) с точки зрения американских респондентов оказываются следующие (более 70% всех полученных реакций): 1) 22,86%: выборы как способ формирования государственной власти и выбор в более абстрактном смысле; 2) 19,19%: гражданские свободы, в первую очередь свобода слова и права человека; 3) 11,84%: власть большинства, участие в управлении и представительство; 4) 11,83%: ассоциации, связанные с элементами демократии как формы правления: *Government, Politicians, Parties, Two-party system, Constitution, President* и т. д.; 5) 5,74%: равенство и справедливость.

Сравнение данных американских респондентов с ответами русских и шведских респондентов на подобный стимул показывает, что, несмотря на значительное сходство в наборе ассоциаций, удельный вес компонентов, т. е. то, на какие аспекты демократии больше обращается внимания в конкретной культуре, оказывается различен.

Самый частотный тип ассоциации с демократией у шведов — представление о власти большинства и возможности участия в принятии решений (31,7% реакций; у американцев — 11,84%, у русских — только 8,2%). Это в целом согласуется декларацией принципов управления снизу-вверх (*bottom-up management*, в отличие от американской и русской культур, которые ориентированы на *top-down management*) и отмечаемым самими шведами расширительным пониманием этой ценности: не только и, возможно, не столько в связи со структурой власти и моделью управления страной, сколько в общественном плане (что позволяет говорить о демократии в семье, на работе и т. д.). Идея *Выбора/выборов* — компонент частотный как у американцев, так и у шведов — 28,3% (менее частотный у русских — 10,2%). Однако в целом американцы значительно чаще представителей двух других культур обращают внимание на политический аспект демократии как формы правления (11,83%), подобные ассоциации у русских менее частотные (6,7%), а у шведов отсутствуют. У русских наиболее часто упоминаемые

ассоциации — *Свобода, гражданские свободы* (24,9%) и *Соблюдение прав человека, законность* (8,9%), а также *Равенство* (12,3%), мало упоминаемое как американцами (2,87%), так и шведами (3,3%). Интересно также, что если у американцев и шведов среди низкочастотных реакций на этот стимул встречаются ассоциации с собственной страной, у русских только ассоциации *Запад; То, чего нет; То, чего не удалось построить в нашей стране*. Одновременно с этим сравнение отрицательных компонентов (ассоциаций с негативной оценочностью) в составе комплексных ценностей показывает, что если у русских они занимают 6,3% от общего числа реакций, то у американцев только 2,1%, а у шведов отсутствуют вовсе. Это говорит о различии в потенциале, имеющемся в разных культурах, рассматривать ценность «демократия» как антиценность с точки зрения некоторых представителей разных культур. Таким образом, видно, что рассматриваемый социокультурный феномен, имеющий сходные номинации в американской, русской и шведской культурах, в действительности основан на существенно отличающихся ментальных репрезентациях членов этих сообществ.

Дальнейший анализ результатов эксперимента с американскими респондентами позволяет говорить и о внутрикультурных вариациях в интерпретации этой ценности. С точки зрения гендерного фактора, можно отметить, что, несмотря на то что большинство компонентов DEMOCRACY, упоминаемых респондентами обоих полов, сходно как по набору, так и по частотности упоминаний, два наиболее частотных компонента демонстрируют отчетливые различия в женских и мужских ответах. *Freedom* у американских респондентов мужского пола ассоциируется с DEMOCRACY в полтора раза чаще, чем у респондентов женщин. Сходная тенденция наблюдается и в ответах русских респондентов, где мужчины также в 1,3 чаще ассоциируют *Демократию* со *Свободой*. Иная ситуация складывается с компонентом *Elections*: у американцев женщины почти в два раза чаще, чем мужчины ассоциируют демократию с выборами. В эксперименте с русскими респондентами намечается прямо противоположная тенденция: реакция «выборы» (в отличие от более абстрактной «выбор») исключительно мужская. Анализ отрицательных ассоциаций показывает, что если у американцев негативные реакции типа *Corruption, Bombs, Conflict, Populism* на

стимул DEMOCRACY возникают в 2,5 раза чаще у респондентов-мужчин, у русских ситуация зеркально противоположна — отрицательные ассоциации с демократией чаще упоминают женщины.

С точки зрения возрастного фактора, в эксперименте с американцами на стимул DEMOCRACY все основные компоненты оказываются очень сходными «по весу» (частотности упоминаний), кроме компонента *Elections*. О выборах как неотъемлемом элементе демократии в 2,5 раза чаще говорят студенты, чем респонденты старшей группы.

В отношении комплексной ценности TOLERANCE в эксперименте с американскими респондентами можно выделить следующие основные составляющие (более 55% реакций): 1) 19,6%: открытость, широта взглядов, умение слышать и готовность принять Другого; 2) 10,46%: уважение; 3) 10,46%: реакции, называющие то, по отношению к чему следует быть толерантным, основной акцент на идею необходимости быть толерантным к различиям между людьми; 4) 7,84%: терпение; 5) 5,23%: понимание; 6) 3,27%: сочувствие.

Межкультурное сравнение показывает, что идея открытости и готовности принять «инаковость» Другого в толерантности отчетливо представлена как в американской (19,6%), так и шведской культурах (20,6%). В русской культуре акцент оказывается смещен: помимо большого числа реакций с использованием русского синонима толерантности *Терпимость* (19,8%), респонденты чаще ассоциируют толерантность с *Уважением* (11,9%), *Пониманием* (8,3%) и *Терпением* (6,5%), но не *Принятием* чужих взглядов и образа жизни (4,7%). При этом в ответах русских респондентов (главным образом респондентов-мужчин) имеется существенное количество ассоциаций, как относительно нейтральных, но содержательно связанных с идеей слабости (*Гибкость; Компромисс; Соглашение; Нетребовательность; Мягкость; Уступчивость* и т. д. — 5,9%), так и откровенно негативно окрашенных (*Пассив; Бездействие; Вялость; Слабость; Глупость; Лох* и т. д. — 4,7%).

В ответах американцев также присутствуют реакции, указывающие на возможность осторожного отношения к толерантности как излишней мягкости и попустительству (*Allowable; Permit; Letting go; Lenience; Flexible; Lacking standards; Wishful* — 5,23%). Главным образом, это ответы старшей группы респондентов. Однако

они выражают скорее настороженное, чем открыто отрицательное отношение и не имеют гендерной окраски. Также имеются реакции (*Difficult; The extra mile* (от выражения *go the extra mile — to try harder to please someone or to get the task done correctly; to do more than one is required to do to reach a goal; Scarce*), выражающие идею трудности достижения идеала, заданного этой ценностью.

С точки зрения гендерных различий в эксперименте с американскими респондентами следует отметить, что реакции групп 4 и 6, связывающие TOLERANCE с идеей терпения и сочувствия, а также реакции типа *Able to listen; Agreement; Love; Peace; Strength, Courage* исключительно женские. При этом реакции, связывающие TOLERANCE и *Patience*, в основном встречаются только в ответах старшей группы респондентов, в то время как студенты в 4 раза чаще ассоциируют TOLERANCE с *Respect*.

Таким образом, результаты эксперимента подтверждают наше предположение о том, что помимо межкультурных различий в том, что понимается под той или иной ценностью со сходной номинацией, существует также значимая внутрикультурная вариативность. В нашем случае анализ реакций различных групп респондентов в американской культуре выявляет диахронические изменения ценностных концептов при сопоставлении ответов разных поколений, которые естественно проявляют себя на уровне синхронного среза как вариации понимания ценности людьми разных возрастов в одной культуре. Также на примере гендерного фактора мы видим, что значимые вариации могут наблюдаться и у социальных подгрупп, выделенных на иных принципах. Сама возможность существования такого многообразия ментальных репрезентаций ценности в одном языковом сообществе и реальность этого многообразия, подтверждаемая экспериментально, заставляют обратить более пристальное внимание на то, как это проявляется и используется в коммуникативных стратегиях носителей языка.

Комплексные ценности в стратегиях аргументации

При существующей вариативности интерпретации тех социокультурных феноменов, которые конструируются как комплексные ценности, общественно-политический дискурс оказывается тем

полем, в котором языковое и культурное сообщество постоянно и активно пытается согласовать это многообразие существующих точек зрения. Анализ комментариев читателей к он-лайн статьям американской прессы показывает, что это проявляется как в многочисленных отсылках к той или иной ценности в аргументации по любым поднимаемым вопросам, так непосредственно в обсуждениях, сгенерированных с конкретной целью. Напр., статья *Are We a Democracy?* (*New York Times.Opinionator.9.11.11*), которая вызвала 71 комментарий. Причем комментарии подобные приведенному ниже свидетельствуют о том, насколько актуальной оказывается потребность в такого рода обсуждениях:

- (1) **AdamNew York.** *This topic **should be discussed more** in American public discourse: the meaning & normative value of democracy...*

Разумеется, стремление привести общественное понимание к общему знаменателю, которым для автора высказывания (журналист, пишущий статью, или читатель, пишущий комментарий к статье или комментарию другого комментирующего) в этом диалоге, как правило, является его личная позиция, никогда не реализуется в полной мере: опора на ценности становится в равной степени как средством солидаризации, так и дистанцирования. В самом общем виде согласие с той ценностной базой, которая предлагается автором, ведет к солидаризации с его позицией, в то время как несогласие зачастую выражается именно не как эксплицитное несогласие по определенному вопросу, а через отрицание ценностного аспекта авторской аргументации. Это можно увидеть на примере такой ценности, как DEMOCRACY. Статья «*Russians Have Their Own Ideas of Democracy*» (*NYTimes. 24.09.12*) обсуждает политическую ситуацию в России и степень предполагаемого вмешательства США через поддержку внутренней оппозиции. Мнения о наличии / отсутствии и оправданности / неоправданности такого вмешательства в комментариях часто высказываются именно с опорой на предложенный автором статьи ценностный концепт DEMOCRACY. В примере (2) комментирующий принимает идею вмешательства как оправданную, признавая реальность существования демократии в США (*the Western models*), подкрепляя это убеждение эксплицитным перечислением тех компонентов, кото-

рые, как мы видели в результатах эксперимента, рассматриваются как составляющие DEMOCRACY в американском социуме.

- (2) **Casual Observer Los Angeles.** *The U.S. played a big part in the mess that exists... The only impediment to freedom in Russia is oligarchs like Putin. Culturally the people of Russia could adopt a with no difficulties. Russia will never be a free country **until the sovereignty is vested in the people**, and to do that it will have to follow the Western models where **the government is democratically elected and individual rights are protected by law and enforced by an independent judiciary**. Until that happens one oligarchial regime after another are going to run the country to service their faction's preferences.*

Комментирующие же, которые не считают вмешательство США в политику других стран оправданным, зачастую (примеры (3) и (4)) в качестве аргумента используют тот же ценностный концепт, но через отрицание. Иначе говоря, если в примере (2) действовала схема: Демократия в США есть, следовательно, X, то данные примеры строятся зеркально противоположно: Демократии в США нет, следовательно, не X.

- (3) **Eddie Lew.** *Let's clean our own house before we preach to others. **If we had a model republic functioning well**, with real prosperity, we will stand as a beacon to the world. We are an uneducated, provincial and gullible people, and the rest of the world knows it. Why would anyone want to emulate our Ship of Fools?* (Recommended 12).
- (4) **Steve Bolger New York City.** *American "democracy" is a **blatant fraudulent misrepresentation**. Our system deprives virtually all of us of genuine negotiation of public policy. We only insult the intelligence of others with our faith based exceptionalism when we proselytize it* (Recommended 10).

О популярности такой коммуникативной стратегии свидетельствует не только ее активное использование в комментариях, но и большое количество солидаризаций других читателей с такими комментариями, что видно по количеству нажатий на кнопку Recommend (NYTimes)/Like (Washington Post). При этом в большинстве случаев аргумент «Демократии в США нет» подкрепляется той же тактикой, что и аргумент «Демократия в США есть» — через перечисление тех составляющих комплексной ценности, ко-

торые представляются автору важными; см. примеры (4), (5), (6). Рассмотрим комментарий к статье *The Supreme Court's disdainful approach toward U.S. democracy* (WP Opinions. Letter to the editor. 2.01.13) и комментарий к статье *Are We a Democracy?* (NY Times. Opinionator. 9.11.11).

- (5) **Richardleewinger.** *The US Supreme Court in recent years **has not guaranteed free and fair elections.** It refused to intervene against a Connecticut law that lets Democrats and Republicans receive generous public funding, but denies funding to independent candidates unless they submit an impossible petition, signed by 20% of the last vote cast. It has refused to intervene against a Georgia law that has kept all minor party and independent candidates off the ballot in regularly-scheduled Georgia U.S. House elections since 1964. It has ruled that public broadcast stations may sponsor candidate debates and invite only the Democrat and the Republican nominees. It has upheld state laws that disenfranchise ex-felons. It has refused all appeals from citizen-residents of the U.S. territories for voting representation in Congress and in presidential elections. **Our elections are not free and equal and it is the US Supreme Court's fault.***
- (6) **dan9393 Lake Geneva, Wi.** *What democracy? **There's no choice anymore,** just and old Vietnam vet here who is for the first time scared of the goverment for which I once served.*

Как видно из примеров (5) и (6), комментирующий может как ограничиться перечислением таких компонентов DEMOCRACY, как *Freedom, Equality, Fairness, Choice* (6), так и развить аргументацию за счет указания на конкретные случаи, когда, по его мнению, имели место нарушения в отношении этих аспектов демократии (5).

Отчасти именно осознание возможных вариаций понимания ценностной номинации DEMOCRACY и вызывает эксплицитное перечисление компонентов, сопровождающееся также появлением уточняющих определений как в (2) «*liberal democracy*». Аналогичный случай мы видим в примере (7), где это определение получает дополнительное графическое выделение, свидетельствующее о его важности для автора комментария. Комментарий к статье *Muslims Have Pushed for Democracy* (NYTimes. 4.10.12):

- (7) **Henry D. C.** *It has to be more than just democracy, it has to be liberal democracy. i.e. a **system with protection of human and civil rights.***

It seems to me that whether Islam is compatible with liberalism is at least a big a question as whether it's compatible with democracy (Recommended 7).

Аргументативные стратегии могут опираться не на отрицание того, что DEMOCRACY как положительная ценность реализуется в США, а на существующий потенциал рассмотрения DEMOCRACY в качестве антиценности. В этом случае чаще всего акцент делается на неспособности большой массы среднестатистических граждан принимать адекватные решения в сфере управления. На лексическом уровне это часто делается за счет изменения положительного *rule by the people* на *rule of the mob* с отрицательной коннотацией. Комментарий к статье Are We a Democracy? (NY Times.Opinionator. 9.11.11):

- (8) **Bob TubeLos Angeles.** *You're right about democracy being the rule of the mob and California perfectly illustrates its hazards. ... I love this state, but what distrust of government by the mob of voters has done here is sickening (Recommended 1).*

В некоторых случаях аргументация получает более развернутый характер, используется уже упомянутая тактика приведения конкретных примеров нарушений. Комментарий к статье Are We a Democracy? (NY Times.Opinionator. 9.11.11):

- (9) **SlammoFandangoSacramento, CA.** *Democracy is a horrible form of governance! In looking back on this nation's relatively short history, populism is accountable for the vast majority of all of the most egregious of violations of human rights this country has implemented. Democracy allowed for Slavery, Jim Crow/Apartheid, bans on Mixed-Race Marriage, Legislated Theocracy, WWII Internment Camps, Prohibition/The War on Drugs, The USA Patriot Act and all of it's various suspensions of rights, and Undeclared Preemptive War in Iraq, just to name a few. All of these things were at one time popular with the majority of the voting public yet were and are in total violation of the principles of our Constitutional Republic which thankfully is the form of government we are allowed to call upon when it is we are wise enough to stand and demand that it be implemented and our Government comply. The Constitutional Republic's inherent moral superiority to that of Democracy is exactly how those whose rights were*

*violated in History Past were rescued from Democracy's ills. Only our Republic stands in the way of **Democracy violating the rights of individuals or a minority group of individuals**. Our Republic is the only means for us to save ourselves from the current violations on Human Rights we are witnessing today. Democracy?... No Thank You (Recommended 1).*

Следует отметить, что упоминание культурно значимых ценностей типа DEMOCRACY часто используется как риторический прием, направленный на то, чтобы добиться более живого эмоционального отклика читателей. В статье *Our decadent democracy* (WP Opinions 3.01.13) автор выносит democracy в сильные позиции текста — заголовок и тематическое предложение первого абзаца: (10) *...Such promising economic indicators, however, mask the country's **democratic decadence**...* В действительности статья обсуждает экономические проблемы, democracy употребляется в значении «наша страна, США» и ссылка на ценность политического режима используется как средство критики действий правительства в *экономической* сфере, с которой она, строго говоря, напрямую не связана. При этом такая подмена большинством читателей (статья получила 4812 комментариев) не замечается/принимается и используется в собственных комментариях аналогичным образом даже в случае несогласия с позицией автора статьи. Комментарий к статье *Our decadent democracy* (WP Opinions 3.01.13), где обращается внимание на использование ссылки на DEMOCRACY с целью очернения политических оппонентов, оказывается скорее исключением из правила, хотя и получает поддержку со стороны нескольких других читателей:

- (11) *rlyoung311. When I saw the heading “Our decadent democracy” for Mr. Wills’ article, I thought that perhaps at last Mr. Will might address the sad fact that Congress — both Democratic and Republican — has become almost totally unable or unwilling to perform its constitutional function of representing the interests of the American people (as opposed to the interests of various powerful and wealthy groups which now effectively own Congress). Alas, Mr. Will gives us only another tired partisan screed. And so it goes (Liked by 5 readers).*

Большинство комментирующих, напротив, с готовностью подхватывают подобное «лозунговое» употребление ценностной номинации. Комментарии к статье *Our decadent democracy* (WP Opinions 3.01.13):

- (12) **ericcallenking**. *Will, along with many on the right, believes strongly that Democracy is decadent, the participants do foolish things like trying to ensure everyone has health care and the elderly don't starve, Will would much prefer a nice orderly dictatorship. Dictators tend not to care about their citizens at all, witness Assad killing 40,000 of his own people, that's the way it should be, an iron fist, not all this coddling and attempts to make it so people can have access to health care and a minimal retirement* (Liked by 2 readers).

slatt321. *Democracy decadent? Only for those who want more government than we are willing to pay for. It's not all of us, but a great many of us. Insisting the wealthy to pay OUR way is not democratic.*

Ценность демократии используется как лозунг для защиты действий той партии, которую поддерживаешь — в нашем случае демократов (и по всей видимости, этой стратегией чаще пользуются сторонники именно демократической партии — см. примеры (13), (14)) — и очернения оппозиции путем приписывания ей симпатии к соответствующей антиценности dictatorship. При этом оппоненты могут как прямо указываться (*many on the right*), так и имплицироваться через указание на убеждения, стереотипно приписываемые сторонникам конкретной партии (*those who want more government* — республиканцы; *insisting the wealthy to pay* — демократы). В примере (13) упоминание «*democracy has weakened* = плохо» создает соответствующий эмоциональный настрой, подготавливающий нужный автору оценочный фон для «*vote Republican* = плохо», что маскирует отсутствие реальной логической связи между голосованием за конкретную партию и состоянием демократии. Комментарий к статье *Are We a Democracy?* (NY Times.Opinionator. 9.11.11)

- (13) **Tim BalBelle Mead, NJ**. *It seems that in recent decades, the power of the plutocrats has increased as the **democracy has weakened**. This is evidenced by how millions of Americans consistently vote **Republican**, which is the political party controlled by the plutocrats...*

Аналогичный прием критики правых через указание на то, что их действия нарушают принципы демократии, может использоваться и через обсуждение одного из значимых компонентов DEMOCRACY, в примере (14) — *Majority rule*. Комментарий к статье Congress tries democracy for a change! (WP Wonkblog 2.01.13):

- (14) **Sarah57.** *It should always be by bipartisan, majority vote. We need to get rid of the 60 vote, super majority in the senate, no matter which party is control of it. And, we need to do the same in congress, the majority of the majority, no matter which party. Both houses must return to the straight up or down vote as our founders intended. If some senator wants to filibuster he/she should willing to talk on the floor for all to see. then the people will know who is holding things up. Right now the minority crazies, ie., the tea party, are running both houses, congress more then the senate. They are the MINORITY in a country that runs by majority rule. The far right wing is a tiny but vocal segment of our country. They have been given a voice by the media which thinks that it is being 'fair and balanced' by giving them the megaphone of television. Democrats must not rest in 2014 and make sure they get out all eligible voters to vote these amateur clowns out of office. And when they do kick them out let's hope the door smacks them rear so hard they are gone forever* (Liked by 1 reader).

Анализ дискурсивных стратегий сторонников двух партий выявляет любопытную тенденцию присваивать исключительное право на защиту некоторых ценностей. Особенно отчетливо, в частности, это заметно в том, как демократы «по умолчанию» отказываются признавать за республиканцами саму возможность опираться на ценность TOLERANCE. Так, статья, в которой утверждается, что один из представителей республиканской партии призвал свою партию стать более толерантной, вызывает ироничные комментарии. Комментарий к статье Rand Paul calls for more 'tolerant' GOP (WP 13.03.13):

- (15) **kishogala.** *It is good to start the day on a very funny note. Rand. Preaching Tolerancy. Every sentence he speaks is full of venom and disdain* (Liked by 1 reader). *Sorry, I misread the headline previously and criticized Rand. He is calling for the GOP to be "more tolerant" not "tolerant". Phew!*

Комментирующий в своем первом высказывании прямо отмечает смехотворность, с его точки зрения, самой идеи, что республиканец говорит о толерантности; эмоциональная напряженность дополнительно подчеркивается использованием парцелляции и капитализации. В последующем комментарии этот же автор еще более усиливает едкую критику. Сначала он притворно извиняется за то, что критиковал Рэнда, потому что якобы недопонял сказанное в статье. А затем, фокусируясь на языковом аспекте примененной республиканцем риторики — сравнительной степени «*more tolerant*», пресуппозицией которой выступает идея, что республиканцам уже свойственна некая степень толерантности, которую лишь надо повысить, — комментирующий выражает свое недоверие презрительным междометием «*Phew!*».

Другой вариант критики — это стремление указать на то, что представления оппонента о ценности искажены и не соответствуют реальности. При этом комментирующий фокусируется на каких-то отдельных, более конкретных компонентах комплексной ценности, как в примере (16), где автор комментария (Joe U) опирается на такие компоненты TOLERANCE, как *Accepting and respecting difference and diversity*, на примере прав сексуальных меньшинств. Комментарии к статье Rand Paul calls for more 'tolerant' GOP (WP 13.03.13):

- (16) **Joe U.** “*But in an interview with National Review Online Tuesday, Paul suggested taking marriage out of the tax code, so that gay couples are not treated differently from straight ones*”.

Right. We don't have to include gay people, we'll just exclude everyone else. Way to be tolerant there Rand.

nathanielrhamrickresponds:

Very tolerant. You can't really say anyone's being treated unfairly if everyone's being treated equally. Am I right or do you bask in falsity? (Liked by 2 readers).

Joe Uresponds:

No, no. Treating the symptoms but ignoring the disease is the Republican way.

При этом допустимость иной трактовки TOLERANCE в данном социокультурном и языковом сообществе становится очевидной уже из ответного комментария сторонника республиканцев

(nathanielrhamrick), где толерантность связывается с ценностями Equality и Fairness (в нашем эксперименте также упоминавшиеся как возможные составляющие толерантности, но лишь в 2,6% реакций респондентов). Причем они, в свою очередь, рассматриваются как тесно взаимосвязанные и предлагаются комментирующим в качестве альтернативного «верного понимания» TOLERANCE.

Примечательно, что политико-партийные ассоциации регулярно возникают и в обсуждении статей, которые — в отличие от примеров (15), (16) — совершенно не затрагивают политической тематики, а говорят, например, о повседневных проявлениях расизма. Комментарии в таких обсуждениях часто содержат «превентивное оправдание» (Троценкова 2012в: 294), как в примере (17), где авторы ожидают обвинений в нетолерантности в адрес себя/своей группы и заранее выстраивают ответную аргументацию. Комментарий к статье The Good, Racist People (NY Times, 6.03.13):

- (17) **VertigoAustin, Texas.** *The real lesson here is that racism is commonly practiced in those parts of the country that are politically liberal, well-educated, and economically above average in spite of the myth that these are regions of great "tolerance" and "acceptance" unlike the deep south or any of the "red states". Keep this story and the comments following in mind the next time you hear progressives accusing conservatives of racism...which will be any minute now (Recommended 3).*

Такого рода комментарии наглядно демонстрируют многослойный характер ментальных репрезентаций, имеющих у членов конкретного языкового и социокультурного сообщества, поскольку сама возможность их порождения предполагает следующее: А) автор комментария рассматривает TOLERANCE как интериоризированную ценность своей социальной группы; Б) автор знает о том, что другие социальные группы (liberals, progressives, при этом обычно недвусмысленно подразумеваются сторонники демократической партии) способны активно использовать отсылку к этой ценности в дискурсе, направленном против его социальной группы. В результате выстраивается защитная коммуникативная стратегия, основная цель которой — либо убедить остальных участников дискуссии, что А соответствует действительности, вопреки

чьим-то утверждениям об обратном (17), либо более агрессивная защита, когда автор пытается убедить остальных, что потенциальные обвинители сами лишь декларируют TOLERANCE как свою ценность, но не руководствуются ею в реальности. Комментарий к статье *The Good, Racist People* (NY Times, 6.03.13):

- (18) **Class of 98Atlanta.** *I didn't genuflect and fall all over myself apologizing to Mr. Coates, Mr. Whitaker and every other black person from the dawn of time, so of course my (insightful) comment does not get through moderation. Liberals are all for open-mindedness and freedom of thought... unless your viewpoint differs from theirs* (Recommended 9).

Подобная защитная коммуникативная стратегия обращает внимание участников дискуссии на стратегии оппонентов. В целом, общественно-политический дискурс как сфера согласования представлений о допустимом / недопустимом зачастую оказывается направленным сам на себя: аргументация строится как анализ коммуникативных стратегий оппонентов. Это хорошо видно также и на примерах критики превентивных оправданий. Комментарий к статье *The Good, Racist People* (NY Times, 6.03.13):

- (19) **GailNorth Carolina.** *I am always suspicious when I hear someone say they are not racist or they don't have a prejudice bone in their body, because it's usually followed by a pregnant pause and a, "but..."*. We all probably have the capacity for racism, but it's how we are taught, or teach ourselves, to treat others with respect and dignity that counts (Recommended 6).

Jay SchiavoneNew Haven. *AllenaTaps observes the basic strategy employed by the modern racist. The term itself is entirely toxic; and no one protests more vigorously, "I'm not a racist", than the current crop of public race-baiters in the right-wing noise machine. Rather, it is considered rude to point out someone's racism...* (Recommended 9).

Ywumichigan. *...How many times have we heard people say, "Oh, don't be so sensitive—it was just a joke" or "I'm not racist! Many of my friends are {fill in the blank}" (in fact, the latter statement could be the slogan of the Republican Party)* (Recommended 40).

Фрагменты комментариев в примере (19) показывают, что практика превентивного оправдания в дискурсе оказывается от-рефлектированной другими его участниками, которые обращают

внимание на то, что она часто носит формульный характер. Эти формулы типа «I'm not racist...but» нарочно демонстрируются, чтобы убедить остальных участников дискурса воспринимать их не в соответствии с намерениями тех, кто их использует в превентивных оправданиях, а, наоборот, как маркер нетолерантных высказываний.

Таким образом, можно заключить, что комплексные ценности по-разному используются в коммуникации и служат достижению различных целей. Самая общая из них — это выстраивание перспективы «Мы — Они». Обращение к ценностям позволяет говорящему отстаивать свою позицию, представляя себя как часть группы «Своих» и получая их поддержку, и одновременно дает возможность критиковать действия, идеи, убеждения, и т. д. своих оппонентов, которые намеренно изображаются максимально чуждыми в ценностном плане.

Для достижения этих целей участники дискуссии играют на потенциальных вариациях интерпретации ценности, существующих в их культуре, отсылая читателя к разным компонентам комплексной ценности или представляя себя как «эксклюзивного правообладателя» той или иной ценности. Это позволяет задеть глубинные эмоциональные струны аудитории и приводит к достаточно сильному суггестивному эффекту.

Помогая коммуникантам на локальном уровне отдельных взаимодействий достичь поставленные аргументативные задачи, на глобальном уровне постоянные отсылки к ценностям в общественно-политическом дискурсе поддерживают существование ценностей как таковых, внося вклад в культурную согласованность языкового сообщества в целом и отдельных входящих в него групп.

Список источников примеров с сокращениями

Adam New York;
Lake Geneva; Wi;
Bob Tubelos Angeles;
SlammoFandangoSacramento, CA;
Tim BalBelle Mead, NJ.	— Are We a Democracy? // New York Times. Opinionator. 9.11.11 — http://opinionator.blogs.nytimes.com/2011/11/09/are-we-a-democracy (71 Comment)

- Eddie Lew;
Steve Bolger New York
City;
Henry D.C. — Muslims Have Pushed for Democracy. // New
York Times. 4.10.12 — <http://www.nytimes.com/roomfordebate/2012/10/04/is-islam-an-obstacle-to-democracy/muslims-have-pushed-for-democracy> (7 comments)
- Casual Observer Los An- — Russians Have Their Own Ideas of Democracy
geles // New York Times. 24.09.12 — <http://www.nytimes.com/roomfordebate/2012/09/24/should-the-us-be-a-political-player-in-russia/russians-have-their-own-ideas-of-democracy> (15 comments)
- VertigoAustin, Texas;
Class_of_98Atlanta;
GailNorth Carolina — The Good, Racist People // New York Times.
Opinions. 6.03.13 — <http://www.nytimes.com/2013/03/07/opinion/coates-the-good-racist-people.html> (594 comments)
- RichardLeewinger;
Sarah57 — Congress tries democracy for a change! // Wash-
ington Post. Wonkblog. 2.01.13 — <http://www.washingtonpost.com/blogs/wonkblog/wp/2013/01/02/congress-tries-democracy-for-a-change> (22 comments)
- rlyoung311;
erriccallenking — Our decadent democracy //Washington Post.
Opinions. 3.01.13 — http://www.washingtonpost.com/opinions/george-will-our-decadent-democracy/2013/01/02/90dac36c-5477-11e2-bf3e-76c0a789346f_story.html (4812 Comments)
- kishogala;
Joe U — Rand Paul calls for more 'tolerant' GOP
// Washington Post 13.03.13 — <http://www.washingtonpost.com/blogs/post-politics/wp/2013/03/13/rand-paul-calls-for-more-tolerant-gop/> (24 comments)

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М., 2010.
- Аникин Г.В.* Эстетика Джона Рескина и английская литература XIX века. М., 1986.
- Аристотель.* Риторика / пер. Н.Платоновой // Античные риторика. М., 1978. Кн. 1.
- Артамонова Е.В.* Жанры русской речи: исповедь, просьба о прощении, принесение извинений: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008.
- Артемьева Е.Ю.* Психология субъективной семантики. М., 1980.
- Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М., 1988.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
- Баева Г.А., Третьякова Т.П.* Развитие средств речевого этикета и ритуала // Очерки по исторической прагматике германских языков / отв. ред. Г.А.Баева. СПб., 2012. С. 55–67.
- Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета. Л., 1990.
- Баландина Т.Н.* Категория самооценки и ее соотносительность с категорией рефлексивности (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.
- Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961.
- Барабанников В.А.* Психология восприятия: Организация и развитие перцептивного процесса. М., 2006.
- Барляева Е.А.* Символы сознания в структурах языка. СПб., 2010.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Белл Р.* Социоллингвистика: цели, методы и проблемы / ред. А.Д.Швейцер. М., 1980.
- Белый Андрей.* Душа Самосознающая / сост. Э.И.Чистякова. М., 1999.
- Бехерт И.* Эргативность как исходный пункт изучения прагматической основы грамматических категорий // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982. С. 411–431.
- Бирр-Цуркан Л.Ф.* Единицы речевого этикета и их функционирование в средневерхненемецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007.
- Богданова Т.В.* Прагматические компоненты перформативных высказываний в комедиях В.Шекспира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.

- Бродский И.* Набережная неисцелимых: Эссе. СПб., 2013.
- Брунова Е. Г.* Архаичные пространственные отношения в англосаксонской языковой модели мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
- Бычков В. В.* Эстетика. М., 2004.
- Вальтер Х., Мокиенко В. М.* Антипословицы русского народа. СПб., 2005.
- Варгина Е. И.* Научный текст и его воздействие (на материале английского языка). СПб., 2004.
- Варгина Е. И.* Научный текст и его воздействие (на материале английского языка). СПб., 2004.
- Варгина Е. И., Меньщикова Е. В.* Псевдодиалог как риторическая категория в ситуациях иерархического и неиерархического общения // Материалы XLII междунар. филол. конф. Вып. 17. СПб., 2013. С. 16–26.
- Варшавская А. И.* Смысл высказываний и высказывания о смысле // Актуализация предложения. Т. 1. СПб., 1997. С. 187–225.
- Варшавская А. И.* Языковые единицы и отношения совместности. СПб., 2008.
- Варшавская А. И., Карташкова Ф. И., Кузьмина Т. Е., Сафронова Т. Н.* Естественноречевое обеспечение процедуры классификации. Л., 1991.
- Варшавская А. И.* Говорящий как творец монолога. Риторика монолога / под ред. А. И. Варшавской. СПб., 2002. С. 24–48.
- Варшавская А. И., Баландина Т. Н.* Об одном способе выражения самооценки в современном английском языке // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. История. Языкознание. Литературоведение. 2001. Вып. 3. С. 66–71.
- Варшавская А. И.* Смысловые отношения в структуре языка. Л., 1984. С. 19–28.
- Вахрамеева А. С.* Гендерно-ориентированные высказывания в современном английском языке (на материале женской прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1997.
- Величковский Б. М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. I. М., 2006.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. М., 2005.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании. М., 1990.
- Виноградов С. Н.* К лингвистическому пониманию ценности // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы междунар. науч. конф. РОПРЯЛ. Нижний Новгород, 2007. С. 93–97.
- Витгенштейн Л.* Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI. С. 79–128.
- Власова С. А.* Концепт LIFE в современной англоязычной культуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2003.
- Воронина О. А.* Проблема идентичности в феминизме постмодернити // Философия и культура. 2011. № 9 (45). С. 61–75.

Вохрышева Е. В. Культурологические модели диалогического взаимодействия в новоанглийском языке. Самара, 1998.

Выготский Л. С. Основные проблемы современной дефектологии // *Выготский Л. С. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. М., 1983.*

Гак В. Г. Язык и культура: Язык или культура? // *Язык и культура: Тезисы докладов междунар. науч. конф. М., 2001. С. 13–14.*

Гаспаров М. Л. Записи и выписки: 2-е изд., испр. и доп. М., 2008.

Гвоздилина Л. С. Сложноподчиненное предложение с придаточным предикативным в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры // *Гуревич А. Я. Избранные труды: в 2 т. М.; СПб., 1999.*

Гусарова Н. В. Мотивированность английских топонимов в историческом аспекте // *Контекст XXI века. СПб., 2012. С. 51–56.*

Гусева М. А. Гендерные и социолингвистические характеристики языковой личности // *Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. Ч. II. Тамбов, 2008. С. 25–30.*

Данилова И. Е. Судьба картины в европейской живописи. СПб., 2005.

Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии // *Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 37–48.*

Долинина И. Б. Синтаксически значимые категории английского глагола. Л., 1989.

Ельмслев Л. Прологомоны к теории языка // *Новое в зарубежной лингвистике. М., 1960. Вып. I.*

Ерасов Б. С. Социальная культурология. М., 1997.

Зарецкая Е. Н. Риторика. М., 1999.

Иванова Е. В. Пословичные картины мира. СПб., 2002.

Ивин А. А. Основания логики оценок. М., 1970.

Изард К. Э. Эмоции человека. М., 1980.

Изард К. Э. Психология эмоций. СПб., 1999.

Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // *Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. С. 166–205.*

Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М., 2013.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Карташкова Ф. И., Куражова И. В., Егорова А. В. Имена животных как отражение картины мира в английской лингвокультуре. Иваново, 2009.

Касевич В. Б. Языковые и текстовые знания // *Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 98–101.*

Керт Г. М., Вдовицын В. Т. Информационные технологии в исследовании топонимии // *Вопросы языкознания. 2005. № 3. С. 102–124.*

Кириллова Н. Н. Основы идиоэтнической фразеологии романских языков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1991.

- Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. Т. 1. М., 1987.
- Колесов В. В.* Жизнь происходит от слова. СПб., 1999.
- Колианский Г. В.* Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
- Кононова И. В.* Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы в синхронии и диахронии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2009.
- Крыкова И. В.* Феминизм в пространстве современной гуманитарной культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тамбов, 2009.
- Кузнецова Н. В.* Словообразовательные структуры ядерных лексем концепта ЖИЗНЬ (на материале английских и русских народных сказок): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
- Ларина Т. В.* Категория вежливости в английской и русской культурах. М., 2003.
- Леви-Брюль Л.* Коллективные представления в сознании первобытных людей и их мистический характер. М., 2012.
- Левин Ю. И.* Провербиальное пространство // Паремиологические исследования: сб. статей. М., 1984. С. 108–126.
- Леонтьев Д. А.* Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. № 1. С. 13–25.
- Липко Ю. Г.* Коммуникативно-прагматические аспекты дискурса жалобы в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006.
- Лосский Н. О.* Избранное. М., 1991.
- Луначарский А. В.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 7: Эстетика, литературная критика. М., 1967.
- Льюис Р. Д.* Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М., 2001.
- Мальцева Н. Б.* Человек и похвала. Коммуникативные и когнитивные аспекты // Язык человека. Человек в языке. СПб., 2012. С. 92–118.
- Мед Н. Г.* Эстетическая оценка в испанской разговорной речи // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2004.
- Мельникова Т. Н.* О наиболее древнем субстрате топонимии Англии // Германистика: межвуз. сборник науч. трудов. СПб., 1992. С. 73–80.
- Мещерякова Ю. В.* Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
- Михалева М. В.* Структура и содержание концепта БРАК/ MARRIAGE в языковом сознании русских и американцев: автореф. дис.... канд. филол. наук. Курск, 2009.
- Моррис Ч.* Основания теории знаков // Семиотика / отв. ред. Ю. С. Степанов. М., 1983.
- Мыкишева Е. В.* Эстетическая оценка человека в современном русском языке: лингвистический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2009.

Мячинская Э.И. Обращение "Love" на севере Англии // Антропоцентризм в языке и речи. Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Вып. 8. СПб., 2003. С. 75–81.

Мячинская Э.И. Социально-лингвистическая специфика некоторых обращений в северных диалектах Англии // Англистика XXI века. Вып. 4. СПб., 2008. С. 146–148.

Мячинская Э.И. Эволюционные изменения социоллингвистического типа английского языка // Варшавские мелодии: сб. статей к 80-летию Алевтины Ивановны Варшавской. СПб., 2012. С. 85–92.

Налимов В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. Томск; М., 2007.

Некрасов А.Н. Система ценностей // Деловой журнал. 2008. № 2.

Николаева Т.М. Обобщенное, конкретное и неопределенное в паремии // Малые формы фольклора: сб. статей. М., 1995. С. 311–324.

Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 2011.

Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. М., 2007.

Ортоми А., Клоур Дж., Коллинз А. Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект. М., 1995.

Очерки по исторической прагматике германских языков / отв. ред. Г.А. Баева. СПб., 2012.

Пеллици Ф. Критический дискурс: пять типов диалога // Риторика: специализированный проблемный журнал о человеческой речи. М., 1986. № 1(3). С. 85–95.

Петухова Т.И., Хомякова Е.Г. Понятие эмоционально-оценочного диссонанса и его репрезентация в англоязычном тексте // Материалы XLI Междунар. филол. конф. Вып. 16: Грамматика (Романо-германский цикл). СПб., 2012.

Плунгян Н. Гендерные зеркала современного искусства: между сопротивлением и дедовщиной // Неприкосновенный запас. 2011. № 76.

Пост Э. Большая книга этикета / пер. с англ.: 4-е изд., сокр. М., 2004.

Прихожан А.М. Самооценка // Большой психологический словарь / ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. М.; СПб., 2003.

Ратмайр Р. Прагматика извинения. М., 2003.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2005.

Селиверстова Л.П. Лингвокультурный типаж «звезда Голливуда»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.

Серебренников Б.А. Внутренние причины языковых изменений // Общее языкознание. М., 1972. С. 234–264.

Серль Дж. Р. Философия, логика, язык / пер. с англ. и нем. сост. В.В. Петрова; общ. редакция Д.П. Петрова. М., 1987.

Сидорова А.Н. Аксиологическая прагматика диалога // Вестник военного университета. 2009. № 3. С. 129–136.

Сидорова Т.В. «Коммуникативно-семантические характеристики единиц речевого этикета (на материале английского языка XVI–XVIII веков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986.

Спиридонова В. А., Третьякова Т. П. К вопросу о неэтикетном речевом поведении в электронном дискурсе // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Серия 9. 2012. Вып. 3. С. 168–171.

Сравнительная грамматика германских языков: в 4 т. / ред. М. М. Гухман, В. М. Жирмунский. Т. 3: Морфология. М., 1963.

Средневековая Европа глазами современников и историков. Ч. 3: Средневековый человек и его мир. М., 1995.

Степанов Ю. С. Язык и метод: К современной философии языка. М., 1998.

Степанов Ю. С. Основы языкознания. М., 2012.

Структурный синтаксис английского языка / под ред. Л. Л. Иофик. Л., 1972.

Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Вселенская месса / пер. с фр. Н. А. Садовского, М. Л. Чавчавадзе. М., 2002.

Телия В. Н. Русская фразеология. М., 1996.

Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.

Третьякова Т. П. Английские речевые стереотипы: функционально-семантический аспект. СПб., 1995.

Третьякова Т. П., Цвинариа М. Е. Контекстная прагматика как метод поиска переводоведческих решений (на материале исторических текстов) // Университетское переводоведение. Вып. 10: материалы X междунар. конф. по переводоведению. «Федоровские чтения» 18–20 октября 2008. СПб., 2009. С. 554–560.

Третьякова Т. П. Развитие речевого этикета в английском языке // Очерки по исторической прагматике германских языков / отв. ред. Г. А. Баева. СПб., 2012. С. 104–146.

Третьякова Т. П. Категория этикетности в современной коммуникативной лингвистике // Коммуникация в поликодовом пространстве: языковые, культурологические и дидактические аспекты: материалы Междунар. науч. конф. / под. ред. М. А. Акоповой. СПб., 2013. С. 20–22.

Троценкова Е. В. Методология экспериментального исследования социокультурных ментальных репрезентаций // Когнитивные исследования языка. Вып. XII: Теоретические аспекты языковой репрезентации. М.; Тамбов, 2012а. С. 430–440.

Троценкова Е. В. Ценностный конфликт в коммуникативных ситуациях различного типа: влияние ценностных ментальных репрезентаций на стратегии общения // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. Вып. 2(18). Пермь, 2012б. С. 24–34.

Троценкова Е. В. Социокультурные стереотипы как основа функционирования словесных ярлыков в американском медийном дискурсе // Homo Loquens: актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: сб. науч. статей. Вып. 4 / отв. ред. И. Ю. Щемелева. СПб., 2012в. С. 290–302.

Усманова А. Политическая эстетика «женского кино» в контексте феминистской кинотеории // Гендерные исследования. № 3. Харьков, 1999. С. 225–235.

Федосюткина Н. С. Слова-ценности как средства доступа к ценностной картине мира: Экспериментальное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2005.

Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. М., 1989.

Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М., 2007.

Хаймс Д. Этнография речи // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1975. Вып. VII.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 4–44.

Хомякова Е. Г. Эгоцентризм речемыслительной деятельности. СПб., 2002.

Хомякова Е. Г., Хан А. В. Структурно-семантический анализ аутостереотипа THE ENGLISH в англоязычной картине мира // Лингвокультурология: Английские миниатюры. СПб., 2013. С. 235–254.

Циммерлинг В. И. Внеиндивидуальное в эстетическом (вместо предисловия) // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2004.

Чахоян Л. П. Некоторые тенденции развития формул социального этикета: на материале пьес ранненовоанглийского периода // Анализ стилей зарубежной художественной и научной литературы. Л., 1982. Вып. 3. С. 31–35.

Черданцева Т. З. Идиоматика и культура (постановка вопроса) // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 58–70.

Чернявская В. Е. Научное знание: когнитивное vs социальное (к вопросу о критериях оценки научного результата) // Вопросы когнитивной лингвистики М., 2005.

Шабес В. Я., Троценкова Е. В., Потапова Т. М., Иварссон Л., Дамбер У., Бостедт Г. Когнитивно-лингвистические основы экспериментального исследования систем российских и шведских ценностей // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2. Тамбов, 2012.

Шабес В. Я. О принципах системной организации когнитивной ментальной репрезентации // Когнитивные исследования языка. Вып. XII: Теоретические аспекты языковой репрезентации. М.; Тамбов, 2012. С. 440–450.

Шатовалова Ю. В. Актуализация феминистских ценностей в условиях современной цивилизации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2006.

Шмелев А. Д. Виды эстетической оценки в представлении русского языка // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2004.

Шуклина Ж. И. Прилагательные со значением «обычный/ необычный» как средство актуализации категории обычного в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999.

Эко-1 У. Отсутствующая структура: введение в семиологию. СПб., 2004.

Эко-2 У. Открытое произведение: форма и неопределенность в современной поэтике. СПб., 2004. С. 95.

Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительное языкознание // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1963. Вып. III. С. 95–105.

Якобсон Р. Речевая коммуникация // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.

Яковлева Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слов // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 43–73.

Ярцева В. Н. Развитие национального литературного языка. АН СССР. Институт языкознания. М., 1969.

Andersson Th. Lars Hellbergs författarskap / Ortnamn i Språk och Samhälle Hyllningskrift till Lars Hellberg redigerad av Svante Strandberg // Acta Universitatis Upsaliensis Nomina Germanica. Arkiv för germansk namnforskning 22. Uppsala, 1997. P. 21–36.

Ariel Mira. Defining pragmatics. (Research surveys in linguistics.) Cambridge, 2010.

Brooklehurst R. The Usborne History Britain Kings and Queens. London, 2010.

Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Studies in interactional sociolinguistics. Cambridge, 1987.

Burke K. A. A Rhetoric of Motives. Berkley; Los Angeles; London, 1962.

Busse Ulrich. Changing politeness strategies in English requests: A diachronic investigation // Studies in English Historical Linguistics and Philology: A Festschrift for Akio Oizumi / ed. by J. Fisiak. Frankfurt/Main, 2002. P. 17–35.

Byrne A., Lentin R. (Re)searching women. Feminist research methodologies in social sciences in Ireland. Dublin, 2000.

Carnes P. The Fable and the proverb. Intertexts and reception. Wise words. Essays on the proverb / ed. by W. Mieder. New York, 1994. P. 467–493.

Clark C. Onomastics // The Cambridge History of the English Language. 1992. Vol. I. P. 452–489; vol. II. P. 542–606.

Cooper J. Class: A view from middle England. London, 1999.

Cram D. The linguistic status of the proverb // Wise words. Essays on the proverb / ed. by W. Mieder. New York, 1994. P. 73–97.

Cooper Paul. T'best place in t'world: Definite Article Reduction and the enregisterment of "Yorkshire" dialect // Transactions of the Yorkshire Dialect Society. 2013. Pt CXII. Vol. XXIII. P. 27–43.

Daley R. A Poetry Reading by Sally Goldsmith and Ian McMillan // Ibid. P. 25–26.

Davies D. D. Emotion, Identity, and Religion: Hope, Reciprocity, and Otherness. Oxford, 2011.

Defoe D. A. Tour through the Whole Island of Great Britain / eds P. N. Furbank, W. R. Owens, 'James Thompson' by James Sambrook // London Review of Books. 1992. 27 February.

Derrida J. Donner le temps. Paris, 1991.

Eastwood J. Oxford Guide to English Grammar. Oxford, 1994.

Edelman G. M. Wider than the Sky. The Phenomenal Gift of Consciousness. New Haven; London, 2005.

- Ekwall E.* English Place-Names in -ing. Lund, 1962.
- English Place-Names Publications: Vols 1–89. Cambridge, 1924–2012 (продолжающееся издание).
- Fontaine C. R.* Proverb performance in the Hebrew Bible // *Wise words: Essays on the proverb* / ed. by W. Mieder. New York, 1994. P. 393–413.
- Friedan B.* The second stage. Harvard, 1981.
- Friedman A.* On Israeli women's feminism, femininity and power // *Sex Gender Politics*. Tel Aviv, 1999.
- Giles H., St. Clair R.* Language and social psychology. Oxford, 1979.
- Grice H. P.* Meaning // *Readings in the Philosophy of Language*. Englewood Cliffs., 1971. P. 436–444.
- Grice H. P.* Logic and Conversation // *Syntax and Semantics* / eds P. Cole, J. L. Morgan. New York, 1975. Vol. 3. P. 41–58.
- Gregory Ch. G.* and *Commodities*. London, 1982.
- Hallamshire D.* The Yorkshire Fables. Sheffield, 1994.
- Hall E. T.* Beyond Culture. New York, 1976.
- Harre Rom.* The Singular Self. London, 1998.
- Heywood L., Drake J.* Third-wave agenda: Being feminist, doing feminism. Minneapolis, 1997.
- Historical Pragmatics* / eds A. H. Jucker, T. Nevalainen. Berlin; New York, 2010.
- Hofstede G.* Culture's Consequences International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills (CA), 1980.
- Ihalainen Ossi.* On grammatical Diffusion in Somerset Folk Speech // *Dialects of English. Studies in Grammatical Variation* / eds P. Trudgill, J. K. Chambers. London; New York, 1991. P. 104–119.
- Jackendoff R.* Patterns in the mind. New York, 1994.
- Jucker A. H.* Positive and negative face as descriptive categories in the history of English // *Journal of Historical Pragmatics*. 2011. No 12. P. 178–197.
- Jucker A. H.* Changes in politeness cultures // *The Oxford Handbook of the History of English* / eds T. Nevalainen, E. Traugott. New York, 2012.
- Kohnen Th.* Linguistic politeness in Anglo-Saxon England? A study of Old English address terms // *Journal of Historical Pragmatics*. 2008. Vol. 9, No 1. P. 140–158.
- Lass Roger.* Phonology and Morphology // *The Cambridge History of the English Language* / ed. by R. Lass. Cambridge, 2001. Vol. III.
- Leaper C., Arias D. M.* College Women's Feminist Identity: A Multidimensional Analysis with Implications for Coping with Sexism // *Sex Roles*. 2011. No 64(7–8). P. 475–490.
- Mieder W., Litovkina A. T.* Twisted wisdom. Modern Anti-proverbs. Vermont (USA), 2002.
- Mieder W.* Paremiological minimum and cultural literacy // *Wise words. Essays on the proverb* / ed. by W. Mieder. New York, 1994.
- Moi T.* 'I am not a feminist, but...' How feminism became the f-word // *Publications of Modern Language Association of America*. New York, 2006. No 121. P. 1735–1741.

- Murphy R.* English Grammar in Use. Cambridge, 2010.
- Norman D. A.* The Psychology of Everyday Things. New York, 1988.
- Norrick N. R.* Proverbial perlocutions. How to do things with proverbs // Wise words: Essays on the proverb / ed. by W. Mieder. New York, 1994. P. 143–157.
- Obelkevich J.* Proverbs and social history // Ibid. P. 211–252.
- Ogiermann E.* On Apologising in Negative and Positive Politeness Cultures. Pragmatics & Beyond. New Series. Vol. 191. Amsterdam, 2009.
- Orton H., Dieth E.* Survey of English Dialects. Vol. I. Leeds, 1963; Vol. III. Leeds, 1971.
- Placing Middle English in Context / eds I. Taavitsainen, T. Nevalainen, P. Pahta, M. Rissanen. Berlin; New York, 2000.
- Prentice D. A., Carranza E.* What women and men should be, shouldn't be, are allowed to be and don't have to be: The contents of prescriptive gender stereotypes // Psychology of Women Quarterly. 2002. No 26. P. 269–281.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A Grammar of Contemporary English. London, 1972.
- Sapir E.* Selected writings in language, culture and personality / ed. by D. G. Mandelbaum. Los Angeles, 1973.
- Searle J. R.* INTENTIONALITY. An essay in the philosophy of mind. Chapter 1: The Nature of INTENTIONAL STATES. Cambridge, 1983.
- Searle J. R.* The Construction of Social Reality. London, 1995.
- Searle J. R.* Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge, 1968.
- Searle J. R., Vanderveken D.* Illocutionary Acts and Illocutionary Logic // Foundation of Illocution Logic. Cambridge, 1986. P. 1–8.
- Sinha Ch., Rodriguez C.* Language and the signifying object. From convention to imagination // The Shared Mind. Perspectives on Intersubjectivity / eds J. Zlatev, T. P. Racine, Ch. Sinha, E. Itkonen. Amsterdam; Philadelphia, 2008. P. 357–378.
- Shabes V., Troshchenkova E., Potapova T., Ivarsson L., Damber U., Bostedt G.* Complex Values in Different Cultures: Some Research Results of Psycholinguistic Experiments with Russian and Swedish Students // US-China Education Review. A. Vol. 2, No 1. January (Serial number 8). EL Monte, 2012. P. 70–83.
- Smith A. H.* The Place-Names of North Riding of Yorkshire // English Place-Names Publications: Vols 1–89. Cambridge, 1924–2012 (продолжающееся издание).
- Taylor A.* Selected writings on proverbs. Helsinki, 1975.
- Tomasello M.* The Cultural Origins of Human Cognition. Cambridge (Mass.); London, 1999.
- Thagard P., Findlay S.* Changing Minds about Climate Change: Belief, Revision, Coherence, and Emotion // The Cognitive Science of Science: Explanation, Discovery, and Conceptual Change / ed. by P. Thagard. Cambridge (Mass.), 2012. P. 61–80.
- Tretyakova T. P.* Ritual and Etiquette as a Lexicographic Problem: Describing Clichés in Historical Perspective // Multi-disciplinary Lexicography: Traditions and Challenges of the XXIst Century / eds O. M. Karpova, F. I. Kartashkova. Oxford, 2013. P. 67–76.

Tretyakova T. P., Tsvinaria M. E. Context pragmatics of samples of social discourse in Beowulf // *Ex Philologia Lux: Essays in Honour of Leena Kahlas-Tarkka* / eds J. Tyrkkö, O. Timofeeva and M. Salenius. Helsinki, 2013. P. 241–260.

Trevarthen C. Foreword. Shared minds and the science of fiction. Why theories will differ // *The Shared Mind. Perspectives on Intersubjectivity* / eds J. Zlatev, T. P. Racine, Ch. Sinha, E. Itkonen. Amsterdam (Philadelphia), 2008. P. VII–XIII.

Trevarthen C. The concept and foundations of infant intersubjectivity // *Intersubjective Communication and Emotion in Early Ontogeny* / ed. by S. Bråten. Cambridge, 1998. P. 15–46.

Trevarthen C. The self born in intersubjectivity: An infant communicating. // *The Perceived self: Ecological and Interpersonal Sources of Self-Knowledge* / ed. by U. Neisser. New York, 1993. P. 121–173.

Trudgill P., Chambers J. K. Pronouns and pronominal systems in English dialects // *Dialects of English. Studies in Grammatical Variation* / eds P. Trudgill and J. K. Chambers. London; New York, 1991. P. 7–10.

Wierzbicka Anna. Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction. Berlin; New York, 1991.

Wilson L., Wilson S., Duffy A., Mandell N. “She could be anything she wants to be.” Mothers and daughters and feminist identity // *Journal of the Association for Research on Mothering*. 2006. Vol. 8, No 1–2. P. 171–179.

Wright P. Yorkshire’s Yammer. North Yorkshire, 2001.

Zlatev J., Racine T. P., Sinha C., Itkonen E. Intersubjectivity. What makes us human? // *The Shared Mind. Perspectives on Intersubjectivity* / eds J. Zlatev, T. P. Racine, Ch. Sinha, E. Itkonen. Amsterdam (Philadelphia), 2008. P. 1–14.

Zucker A. N. Disavowing social identities: What it means when women say, “I’m not a feminist, but...” // *Psychology of Women Quarterly*. 2004. Vol. 28, Issue 4. P. 423–435.

Словари

Балакай А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографирования: словарь русского речевого этикета. М., 2001.

Большой психологический словарь / ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. М.; СПб., 2003.

Большой энциклопедический словарь. М.; СПб., 2002.

Новейший социологический словарь. М., 2010.

Психологический лексикон: энциклопедический словарь: в 6 т. / под ред. А. В. Петровского. М., 2006.

Толковый словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 1992.

Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М., 1983.

- Bosworth J.* An Anglo-Saxon Dictionary. Oxford, 1954.
 Cambridge American English dictionary. Cambridge, 2011.
Kurath H. Middle English Dictionary. London, 1954.
 Longman Dictionary of English language and culture. London, 1992.
 Macmillan English Dictionary. New York, 2006.
Mills A. D. A Dictionary of English Place-Names. New York, 1998.
Mills A. D. A Dictionary of London Place-Names. Oxford, 2010.
Skeat W. W. An Etymological Dictionary of the English Language. Oxford, 1921.
 Standart Dictionary of the English Language: in 2 vols. Vol. 2. New York, 1974.
Watts V. Cambridge Dictionary of English Place-Names. Cambridge, 2004.

Интернет-ресурсы

- Варданыц Г. К.* Социологическая теория права. М., 2007. — <http://sociolib.com/prava-sotsiologiya/sotsiologicheskaya-teoriya-prava-monografiya.html>
Давыдов Ю. Н. Консенсус // Социологический словарь. — http://mirslovarei.com/content_soc/konsensus-socialnyj-6280.html ixzz2XLI2WcFk
Ahuja A. I am not a feminist, but... — URL: www.feminspire.com/im-not-a-feminist-but/ (дата доступа: 26.01.2014)
 BNC — British National Corpus. — <http://sara.nat.corp.ox.ac.uk>
Caperton. Why are women scared to call themselves feminists? — www.feministe.us/blog/archives/2012/12/05/why-are-women-scared-to-call-themselves-feminists/
Colvin C. "I am not a feminist, but...". 2011. — hellogiggles.com/im-not-a-feminist-but
Goleman D. On Compassion. — <http://dotsub.com/view/4fa765bf-737b-4212-bc1d-dace84dcc936/viewTranscript/eng?timed=true>
Kelly R. Why is feminism such a tough badge to wear? 2012. — www.theguardian.com/education/2012/nov/23/why-is-feminism-a-dirty-word
Marturana H. Metadesign. — http://www.inteco.cl/articulos/metadesign_parte3.htm
Pachter M. American identity // Society and Values. 2005. P.4–8. — www.ait.org.tw/infousa/zhtw/DOCS/ijse1204.pdf
Sobieraj S. Why doesn't Katy Perry want to be called a feminist? 2012. — cognoscenti.wbur.org/2012/12/05/feminist-but-sarah-sobieraj
Tennery A. Tell me this is a joke: Marissa Mayer says she's not a feminist. 2012. — msmagazine.com/blog/2012/07/23/please-tell-me-this-is-a-joke-marissa-mayer-is-not-a-feminist/

Сокращения словарей

- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990.
- ASD — An Anglo-Saxon Dictionary based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth / ed. and enlarged by T. Northcote Toller. London, 1898.
- CAD — Collins American Dictionary. — [/www.collinsdictionary.com/dictionary/American](http://www.collinsdictionary.com/dictionary/American)
- CALD — Cambridge Advanced Learners Dictionary and Thesaurus. — dictionary.cambridge.org/dictionary/american-english/
- CCED — Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary. Glasgow, 2006.
- CED — Collins English Dictionary. — www.collinsdictionary.com
- COD — The Concise Oxford Dictionary. Oxford, 1990.
- LDCE — Longman Dictionary of Contemporary English. — www.ldoceonline.com/dictionary/
- LDELС — Longman Dictionary of English Language and Culture. London, 1993.
- MED — The Middle English Dictionary. Michigan, 2001.
- MW — Merriam Webster Dictionary. — www.merriam-webster.com/
- OED — Oxford English Dictionary: in 2 vols. London, 1995.
- OI — Ologies& -Isms. — ologies.yourdictionary.com/
- RHKW — Random House Kernerman Webster's College Dictionary. — www.kdic-tionaries-online.com/DictionaryPage.aspx?ApplicationCode=18

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (Е. Г. Хомякова)	3
Глава I. Самооценка в лингвосоциокультуре (А. И. Варшавская)	8
Глава II. Риторика. Иерархия. Взаимодействие (Е. И. Варгина)	24
Глава III. Человек и топонимическая картина мира (Н. В. Гусарова)	42
Глава IV. Модель <i>X is about Y</i> как средство актуализации ценностных представлений в английском языке (О. В. Емельянова)	58
Глава V. Кривое зеркало английских антипословиц (Е. В. Иванова)	83
Глава VI. Синкретизм выражения сравнительного и знакового отношений в англоязычной лингвокультуре (А. В. Кожокина)	104
Глава VII. <i>I'm not a feminist but...</i> (Н. О. Магнес)	120
Глава VIII. Похвала как вербальный код характера персонажа (Н. Б. Мальцева, И. В. Попова)	135
Глава IX. Второе лицо в истории английского языка и лингвокультуре (Э. И. Мячинская)	159
Глава X. Эстетика природы глазами англичан (Т. И. Петухова)	176
Глава XI. Ценностное суждение как семантическая база поэтического текста (И. В. Толочин)	195
Глава XII. Кодификация речевого этикета в английском языке: исторический аспект (Т. П. Третьякова)	207
Глава XIII. Вариативность в распределенных социокультурных репрезентациях комплексных ценностей в американской культуре (Е. В. Троценкова)	228
Литература	251
Словари	261
Интернет-ресурсы	262
Сокращения словарей	263

Научное издание

ЯЗЫК КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД НАЦИИ

Редактор Л. А. Карпова

Компьютерная верстка Ю. Ю. Тауриной

Подписано в печать 08.08.2014. Формат 60×84 1/16. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15,35. Тираж 300 экз. Заказ № 117.

Издательство Санкт-Петербургского университета.

199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11/21.

Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22

E-mail: info@unipress.ru www.unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.